

*Игрушечник
Пётр Африкантов*

Сказки о Саратове

и саратовской глиняной игрушке

Саратов 2015

2

П.П. Африкантов

Сказки о Саратове
и
саратовской глиняной игрушке

МАЛОКРЮКОВСКИЕ
ЧУДОТВОРЦЫ

(очерки, воспоминания старожилов о глиняной
игрушке и игрушечниках, методика лепки)

Книга вторая

Саратов
2015

Африкантов П.П.

СКАЗКИ О САРАТОВЕ и саратовской глиняной игрушке. Книга 2.

Малокрюковские чудотворцы (очерки, воспоминания старожилов об игрушке и игрушечниках, методика лепки); 276 стр. цветные иллюстрации, 2015.

Эта книга о глиняной игрушке, она об истории её бытования на саратовщине, о мастерах-игрушечниках, она о великом предназначении игрушки на земле, о её неотмирности и космизме. В книгу включены воспоминания старожилов о старинной саратовской глиняной игрушке, очерки и пошаговая методика лепки свистков различной степени сложности. Написал книгу мастер-игрушечник.

Предназначена для широкого круга читателей.

Автор благодарит за предоставленные архивные материалы Африкантова Георгия Николаевича и Жирнову Анну Петровну, равно и тех, кто поделился своими воспоминаниями об игрушке, игрушечниках и событиях с ними связанных.

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод «Римкер».

© Текст, П.П. Африкантов, 2015

© Рисунки, П.П. Африкантов, 2015

*«Глиняные игрушки моего детства
будили в людях добрые
чувства и помыслы, закладывали
желание стать лучше, добрее,
и сегодняшние игрушки обязаны
делать то же самое».*

От автора

Всё написанное в этой книге – есть художественная правда о глиняной игрушке и делающих её мастерах. Перед вами художественная история и художественная правда со всеми её домыслами и героями, выстроенными в том порядке, что позволяет наиболее полно рассказать читателю о великом феномене земли российской – это народная глиняная игрушка. Эта книга, не только о местной Саратовской глиняной игрушке, она и о Дымковской и Каргопольской и других игрушках тоже. В книге я рассказываю о Саратовской. Просто знание истории деревни, её жителей и собственного родового древа позволяет рисовать картину более вдохновенно и более широкими мазками, чем, если бы я взялся писать, например, о Филимоновской игрушке. И неважно, как назывались деревеньки в которых лепи-

лись игрушки, их было тысячи. И возможно, деревня, в которой жил я, по силе игрушечного таланта не входит в игрушечном пространстве страны даже в первую сотню, но в ней жили свои художники, которые после полевых работ умели радовать детей своими поделками, воспитывая в них души честные, справедливые, а устремления высокие и красивые. Об этих высоких жизненных устремлениях и душах простых и богу угодных и есть эта книга.

Я ведь не писатель, это меня игрушка заставила за стол сесть, тут, как, это стремление высказаться, не называй, хоть провиденьем, хоть ещё чем. Знаю только одно – глиняные игрушки моего детства будили в людях добрые чувства и помыслы, закладывали желание стать лучше, добрее, и сегодняшние – должны делать то же самое.

Когда возникла Саратовская глиняная игрушка? Вопрос - вопросов. Исследователь деревни Малая Крюковка, историк по образованию Жирнова Анна Петровна говорит о возможных двух путях появления игрушки. Первый – игрушку привезли первые поселенцы, после завоевания Иваном Грозным Казани; второй – поселенцы разработали приёмы лепки исходя из наличия хорошей местной игрушечной глины. Я склоняюсь ко второй гипотезе, потому как вероятность того, что где-то далеко есть точно такая же глина, ничтожно мала. Главный же аргумент со-

стоит в том, что, свойством глины продиктована особенность декорирования игрушки.

Особенность декорирования – это подбор рисунка под цвет самой глины, ведь саратовская игрушка не окрашивается полностью краской. А зачем её всю окрашивать – серо-белый с уходом в белизну цвет, что ни на есть самый игрушечный. Здесь, можно сказать, саратовским игрушечникам повезло. Природный цвет глины в сухом состоянии достаточно яркий, а некоторая её серость скрадывает излишнюю белизну, которую тоже каким-то образом надо бы было смягчать, чаще всего выкрасами и пятнами.

Саратовским игрушечникам этого делать было не надо, природный материал давал им возможность не тратя много краски, выдавать равнозначные по силе восприятия эффекты. Можно сказать, что сама глина натолкнула местных глинолепов на именно такое художественное решение – ямчатое, декорирование своих изделий. Такой технологией росписи они убивали одним выстрелом не двух, а даже трёх зайцев – делали игрушку неповторимой, сэкономили краситель и получали эффект пучкового отражения из штампиковых углублений, когда, каждая плоскость вдавленного геометрического рисунка даёт свой отражательный эффект.

Говоря о особенностях игрушки, нельзя не сказать и о сложностях в декорировании, правда это

относится к мастерству лепщиков, что в конце-концов сказалось и на широте распространения игрушки. Дело в том, что ямчатое, а точнее сказать, углубленно-рельефное декорирование требует от игрушечника дополнительных способностей – видеть в игрушке геометрический углубленный рисунок, уж не говоря о его цветовом наполнении. А это не просто. Потому и занимались игрушечничеством люди особенно одарённые.

Говоря об игрушке в целом, нельзя не сказать несколько слов о её названии. Почему, именно, «Саратовская», а, например, не «Малокрюковская»? Разумеется, её можно называть и «Малокрюковской», ведь возрождение её произошло благодаря жителям деревни Малая Крюковка, где она культивировалась и знания о ней пришли именно от жителей этой деревни, которая уже давно исчезла с карты области. Просто деревня, не в пример городу, лучше сохранила память об игрушке.

С названием всё просто. Первая информация об игрушке прошла как об игрушке саратовской, так и закрепилось. Только название сути не меняет. Она всё равно жила и живёт на саратовской земле, а стало быть, она саратовская. Так что с названием всё правильно.

Е. Вениаминов.

ЯМЧАТАЯ – ЗНАЧИТ, ИЗ САРАТОВА

Очерк

Чего греха таить, люблю я в торговые дни походить по базару да посмотреть на публику. Интересное зрелище! Вот где проявляются натуры, характеры и всё самобытное, незаемное, цельное, нередко с крутым замесом. Тут что продавцы, что покупатели часто стоят друг друга, и понаблюдать за торгом – сущее удовольствие.

Особенно ярко эти могучие интеллекты проявляются в базарных рядах, где продаются старые вещи. В Саратове это место находится на Сенном. «Сенной» – старое название базара и, хоть теперь и повесили над входом табличку: «Центральный колхозный рынок», но базар как был, так и остался в умах и сердцах горожан Сенным. Правда, теперь говорят еще так: то, что под крышей – это рынок, а что на земле, да на ящичках – то базар.

Сейчас этот базар немного оскудел, торгуют больше перекупщики. Но есть еще бабульки и дедульки, приносящие сюда из дома настоящие се-

мейные реликвии, дабы добавить к своей скудной пенсии небольшой приработок. Эта часть базара особенно привлекательна. Правда, с девяностыми годами – никакого сравнения; тогда это был, в буквальном смысле слова, базарный Ренессанс. На базар в те времена несли всё, что имело хоть какую-то ценность, хоть копеечную, – абы не голодать, абы выжить. Вот тогда-то я и познакомился со старинной саратовской глиняной игрушкой.

До этого, по правде говоря, я даже о названии таком не слышал. Наверное, потому, что сам я не саратовец.

Прошел бы я и тогда мимо этой игрушки, но обратил внимание на зазывный старческий голос: «Кому чёски, пуговицы, булавки, старинная глиняная игрушка! Подходите! Саратовская игрушка!» Я заинтересовался (наверное, сработало профессиональное искусствоведческое любопытство). Пошел на голос и вскоре увидел бабульку в старой, выцветшей, с вытянутыми рукавами, кофте и в старомодной шляпке. Из-под шляпки выглядывало старушечье лицо с живыми не по возрасту глазами.

Рядом сидела на ящике девочка лет десяти. Товар старухи и девочки был разложен прямо на земле, на подстеленной крапивной мешковине. Сейчас таких мешков уже не делают, а в былое время крапивные крупнотканые мешки были, помнится, ой как в ходу (их еще называли «китайскими»).

На мешковине было разложено всё, без чего, как посчитали продавцы, им можно было на данный момент (в те уже далекие 90-ые) вполне обойтись: пара расчесок, старые чёски для шерсти с загнутыми зубчиками, древний, «времен Очакова и покоренья Крыма», угольный утюг с небольшой трубой, горсти две пуговиц и штук пять-шесть тех самых глиняных игрушек. Одни из них были серо-белого цвета, а другие коричневатые: собачка с отбитой лапой, однорогий козлик с горделиво посаженной головой, несколько петушков- свистелок. А еще был тут золотистый конь с вьющейся гривой, – тоже свистелка, только размером больше. На теле коня имелось пять-шесть игральных отверстий.

Девочке конь, по всей видимости, особенно нравился, она то и дело брала его в руки, прижимала к губам и, потихоньку дую в отверстие, свистела. При этом она перебирала пальчиками по отверстиям – и свистелка, меняя тональность, бодро выдавала набор всех звуков, какими обладала. Это делалось, видимо, для привлечения покупателей. А может быть, конь был очень дорог девчужке и она не хотела с ним расставаться (вскоре я убедился, что девочке и впрямь было жаль продавать коняшку).

– Иришка! Положи на место! – следовал окрик бабки, и девочка ставила конька на мешковину.

– Ну, баб...оставь...а-а-а? – просяще тянула девочка.

– Я тебе оставлю, – говорила бабка сердито, – одна стоящая игрушка осталась. Может, возьмут. А козла с шавкой нечего и считать – калеки, можно было и из дома не нести.

– Так они тоже свистят... – упорствовала Иришка.

– Собачка свистит, а козёл нет, да ещё и рог у него отломан.

– Так он без рога даже клёвее выглядит... – убеждала девочка.

– Сиди уж ты, «клёвее»... где таких только слов понабралась!

Я подошёл к продавцам поближе.

– Сами лепите, или как?

Старуха заинтересованно подняла голову. Но ответила за бабку девочка:

– Нет, дяденька, это реликвия. Ещё бабулин свёкор лепил. Он и горшки делал.

– Свёкор то в Саратове жил, или ещё где? – продолжал спрашивать я.

– В Саратове, в Саратове, на Белоглинской, – закивала головой бабка.

– Ты смотри, какое название говорящее! – не отставал я. – Игрушку, значит, лепили на Белоглинской улице? А почему улица так называется?

– Я этого не знаю, – обстоятельно ответила старушка, – но свёкор там жил и игрушки лепил, а Ульяна, его жена, торговала ими на «Пешке» и

здесь, на Сенном... может, купите, а? Если уж так стариной интересуетесь...

В её голосе было столько неподдельного сожаления о том, что она вот так здесь стоит, презрев былую гордость, и буквально умоляет покупателей подойти к её мешковине. Что я даже головой покачал.

– Посмотрите: нигде не битая. А вот козёл с пёсиком, те – да, калеки, – проговорила она, протягивая мне конька.

Я взял игрушку в руки. Ладони сразу ощутили тепло нагретой на солнце глины. Конёк был золотистый, очень старый; чёрный глаз его ретиво косил в мою сторону. Местами сохранившаяся на гриве тёмная краска показывала, что вещь довольно старая.

– Не подмоченные, – расхваливала старушка товар, поднимая с мешковины козла и баранчика.

– Не подмоченные? Не обожжённые, что ли? Раз воды боятся...

– Так это, дяденька, «сушки», – улыбнулась Иришка, кивая на козлика и барашка. – Они просто из глины слеплены, без обжига, на солнышке высушены и подкрашены. А конёк обожжённый, потому и цвет у него другой, – блеснула она познаниями. И похвасталась:

– Я тоже «сушки» умею лепить, только свистки у меня не выходят. Дую, а они шипят как змеи, а свиста нет...

– Не встревай, – оборвала бабушка внучку. – Так, все-таки, может, купите?

– Золотистый – значит обожженный? А те почему разного цвета? – продолжал допытываться я.

– Так глина разная, – сказала старушка, – и потом, кому какие нравятся: кому коричневые, а кому светлые. Свёкор был большой мастер. Он даже свисток-кукушку умел делать. Другие игрушечники – нет, а он умел.

Я про такое слышал первый раз и поинтересовался:

– И свисток действительно куковал?

– У нас был один, продали. Дуешь в отверстие, а он кукует, – объяснила старушка.

– Там, бабуля, надо было отверстие пальцем закрывать, тогда кукует, – вставила внучка.

– Молчи, когда взрослые разговаривают! – опять урезонила ее бабушка.

– Да вы её не оговаривайте, – заметил я, – это очень существенное дополнение. – А эти у вас, – я показал на маленькие свистки, рассыпанные по мешковине, – стало быть, не кукуют?

– Эти нет, а этот играет, – ответила девочка и кивнула на глиняного конька, которого я держал в руках, – хотите, покажу?

– Ну, покажи, покажи! – я протянул игрушку девочке.

Та взяла конька и, перебирая пальчиками по отверстиям, извлекла из него нехитрый звуковой перебор. Звуки были удивительно красивые. Это была некая смесь гудения и свиста, которая не резала слух, а мягко растекалась, повисая над шумящей толпой.

Я снова взял в руки музыкального конька и стал внимательно его рассматривать. Поверхность изделия чуть-чуть блестела; желтоватое тело игрушки было испещрено небольшими вдавливаниями разной величины и конфигурации. Кое-где во вдавлениях сохранились следы коричневой краски.

– Сколько же ему лет? Даже краска полностью не стёрлась...

– Это не краска, а глина, – поправила старушка, – свёкор игрушки красил не обычными красками, а глиной. Это было дешево. В нашей местности много разных глин. У него в чулане стояли мешки с разными глинами – красной, коричневой, жёлтой, чёрной, голубоватой, серо-белой... Была ещё глина кровавая красная.

– А вы тоже ему помогали лепить?

– Я, нет... что вы! – махнула рукой хозяйка коня, – я оказалась к этому не приспособленной. Свёкор говорил, что я старательная, только и всего. Я ему помогала глину растирать, отмучивать. Глина сперва в кадках отмучивалась, чтоб песок да камешки отобрать. Налъёшь в кадку воды, насыплешь туда

глины, а как она в себя воду возьмёт, то лопатой деревянной мешаешь всё в молоко. Свёкор за этим зорко следил, – чтоб ни одной балобушки! Потом через рядно процеживаешь, от мусора освобождаешь, что сверху всплывёт, а там уж выпариваешь на солнышке. Одну глину досуха сушишь, другую до лепного свойства доводишь, третью в виде сметаны оставляешь. И не дай Бог, чтоб глина в глину ненароком попала или язык не на месте оказался. Я раз нечаянно чуть пролила, так старик всю кадку вылил, а уж меня-то и так и сяк крестил...

– А как это понять – «язык не на месте оказался»? – недоумённо спросил я.

Старушка улыбнулась: видимо, вспомнила былое.

– Это особая история. Ну, дело прошлое, расскажу. Я ведь тогда из-за этого от мужа сбежала – и сразу все мои подсобные дела прекратились.... У них, у игрушечников, конкуренция была: кто что придумает, нипочём другому не скажет. А я-то, по простоте души, однажды и лягнула. У нас был знакомый, тоже игрушечник, подъехал ко мне с вопросами, я ему и выложила про то, какую глину с какой свёкор смешивает. Свёкор узнал и дугой меня от лошадиной упряжи огрел – рука пополам. Меня в больницу... а уж после больницы я к ним и не вернулась.

– А что же муж?

– Васёк был человек хороший, меня жалел, сынишку любил, но слабовольный был, против отца ни-ни.

– У бабушки голос был хороший, она потом петь стала, – вставила девчужка.

– Так вот откуда у вас на лице остатки былой светскости! – заметил я шутливо.

Старушка смутилась, погладила внучку по голове.

– Пёс с ним, с пением, оно мне счастья не принесло. А вот с Васьком разлучило...

Глаза её стали задумчивыми. Я понял, что эта тема для нее – больная до сих пор.

Как бы спохватившись, бабка продолжила:

– Ну, уж какой там голос... Так, пела.... Глупая была, молодая.... Когда замуж выходила – думала, за мужем всю жизнь проживу. А вышло иначе. Потом я хотела к нему вернуться, да не получилось, он на заработки подался, на лесоразработки, там и сгинул. А я замуж второй раз вышла...

Она помолчала и продолжила, указывая на коняшку:

– Это вот – всё, что от нашей совместной жизни с Васьком осталось, царствие ему небесное. Строгий мой свёкор был, а дело свое хорошо знал. Его игрушки на Сенном ценились: свекровь моя, Ульяна, никогда подолгу не стояла.... Так вы купите, или как?

Глиняная дуделка мне, в общем-то, была тогда не нужна. Но после столь длинного и доверительного разговора я просто был обязан купить у бабки с внучкой какую-либо игрушку. И я купил музыкального конька.

Больше я ни эту старушку, ни девочку на Сенном не встречал. Если бы я знал тогда, как обернётся судьба, то, конечно, купил бы у них все остальные свистульки, не раздумывая. Но мы всегда сильны задним умом...

С тех пор прошло несколько лет. Я уж и думать забыл про ту мимолётную встречу на базаре, однако довелось мне столкнуться с саратовской глиняной игрушкой снова – и опять же на Сенном. За день до очередного новогоднего торжества заглянул я на базар за подарком: хотелось купить что-то сделанное руками. Ужасно надоел мне этот китайский ширпотреб, который во всех газетах бранили за вредность, но всё же покупали. Хотелось, чтобы подарок был не растиражированный в миллионах экземпляров. И сравнительно недорогой.

На проспекте продавались эксклюзивные работы, но цена их кусалась. Ясно было, что товар этот набрал цену, пройдя через нескольких перекупщиков. Денег у меня лишних не было, и я отправился на Сенной – авось, повезёт.

Ящик с выставленными на нём глиняными игрушками бросился в глаза сразу. Блестящие, большие и маленькие, стоящие попеременно, они с любопытством взирали на проходящих. Около ящика, перестукивая валенками и похлопывая от холода рукавицами, ходил невысокий мужичок-боровичок (так я его назвал про себя), лет за пятьдесят. Переступая с ноги на ногу, он как бы машинально повторял одну и ту же фразу: -

– Саратовская глиняная игрушка!.. Глиняная игрушка!.. Местная!.. Прошу поддержать местного производителя!

Народ не обходил ящик вниманием. То и дело около продавца останавливались покупатели, брали в руки товар, рассматривали его – и сразу начинали рыться в карманах, ища кошельки. Одна солидная дама рядом со мной проговорила удивлённо:

– Неужели саратовская?.. Что-то я её здесь раньше не видела...

– Как вы не видели?! – встряла другая, – а я здесь каждый год покупаю. У меня уже несколько игрушек в серванте стоит. И в этом году специально хожу, смотрю и жду, когда Пётр Петрович появится. Прозеваешь – останешься без подарка. Он ведь, мастер-то, своим искусством торгует от силы два дня. А то и за один управится. Вот и караулю.

– А я и не знала, – сокрушалась первая дама.

– Ну, как уж этого не знать, – упорствовала вторая. – Игрушки Петра Петровича в музеях выставляются! И кино о саратовской игрушке по телевизору показывали...

Я приблизился к прилавку, если так можно было назвать деревянный ящик с картонкой сверху. На картонке стояли глиняные барашки, козлики, свинки, окружённые гурьбой маленьких поросят, козлят и еще многих других животных, которых сразу и не перечислить. Фигурки были большие, маленькие и совсем крохотные. Одни из них имели только две ноги и были вытянуты «в морковку», другие – все четыре. По цвету фигурки тоже различались: были тут и золотистые, и бежевые, и светло-коричневые, и серо-белые. А вот роспись на них была выполнена в одной технике – всевозможные геометрические рисунки, разбросанные в определённом порядке по телу животных.

Во всех игрушках было что-то очень притягательное, тёплое: они очень отличались от всего, что мне пришлось до этого видеть.

Я прямо засмотрелся. Игрушки были разные – и юморные, и сказочные, и бытовые; каждая на особинку. Вот овечка – она сама кротость. Вот мужичок везёт воз сена на лошади. Баран и козёл качаются на качелях. Мальчик путешествует на летящем гусе (гусь в полёте держится на выходящем из печной трубы дыме). А вот что-то из новых веяний – рус-

ский Дедушка Мороз оседлал восточного дракона и везёт из леса ёлку детям на праздник. Вот крохотная собачонка, лая, заигрывает с громадным быком. Гуси, вытянув шеи, переговариваются на своём гусином языке. Бабушка идёт в церквушку....

Людских персонажей среди игрушек было, правда, немного, в основном мастер изображал животных. Но все-таки имелись тут и «люди». Мне бросился в глаза герой известной сказки Емеля, едущий на печи. Потом я обратил внимание на другую игрушку: торговка на поднятых руках калачи держит, а сама покупателей зазывает. Чуть подальше стояла «рыбачка в лодке», со стерлядьёю в руках. Рядом, со сбитой набок шапкой, «ухарь-гармонист» жал на лады саратовской гармошки...

Игрушки были весёлые, но без крикливости, без нелюбимого мною модерна. Мне особенно понравились изделия однотонные, золотистые, с ямочками, подкрашенными коричневым цветом – была в них некая импозантность. «Да, эти себе цену знают», – подумал я, глядя на золотистых собратьев.

Игрушки беловатые и светло-коричневые брали своим разноцветьем, особой строгой нарядностью. «А у этих свой шарм, – мелькнуло у меня в голове. – Только не ясно – какая же из них саратовская титульная? Наверное, золотистая».

Товар у продавца продавался неплохо. Казалось, что сейчас всё разберут и мне ничего не достанется,

но вот очередь иссякла, словно выдохлась. Я подошёл к продавцу и поздоровался, давая понять, что я солидный покупатель, толк в изделиях знаю, намерен выбирать и без покупки не уйду.

– Сами делаете, или как? – задал я свой обычный вопрос, желая разговорить мужичка.

– Обязательно сами, – в тон мне ответил продавец, имя которого я уже знал из разговоров: его звали Петром Петровичем. – А вы что, хотите поддержать местного производителя?

– Поддержать-то я поддержу, – ободрил его я, – но хотелось бы знать, откуда такая королева в нашем городе? Не встречал я раньше такого изделия. По проспекту частенько хожу – ни разу не видел.

– Саратовская это игрушка, как есть саратовская, – отвечал мужичок-боровичок, – а что на проспекте её нет, то не моя вина. Я на проспект не рвусь. Что делаю – и здесь отлично расходится, нечего Бога гневить. Я ведь, мил человек, натуральный мастер-передвижник: когда с одного места, где пристроюсь торговать, меня гонят, на другое передвигаюсь. Тут на ящичке, там на коробке каком.

– Так негоже мастеру самому продавать... Вам надо лепить, красить, а не на морозе стоять или под дождём мокнуть...

Продавец улыбнулся благодарно, но заметил:

– Без собственной продажи я и десятой части того, что вы тут видите, не слепил бы. И потом, эта иг-

рушка не для шикарных подсвеченных прилавков лепилась.

– Не понял...

Мастер оживился:

– Просто для меня очень важно, как люди на игрушку реагируют. А что я, сидя дома, узнаю? Да ничего!

– Так если игрушка продаётся, – неважно, кем, – значит, людям нравится, вот и всё, – заметил я.

– Как это всё?.. Как это всё? Это не всё, мил человек... – заспорил мастер. – А кто что сказал, покупая? А что при этом его глаза говорили?.. Не знаю, как для других, а для меня это первая зарядка души. Вот вы свой мобильник всё время подзаряжаете? Конечно, регулярно, иначе телефон работать не будет. Так и здесь... Я же ничего не слеплю, если отдачи нет. А она, мил человек, не рублями меряется, а искорками в глазах, улыбкой... Надо же видеть, с каким настроением человек игрушку в сумку кладет! И слова надо слышать, какие он при этом говорит. Иногда бывает, что и мало за день продам, но если мне какие-то добрые слова в этот день сказали, то я как на крыльях домой лечу – и сразу за глину. Вот так-то.

– Не могу не согласиться. Добрые слова многого стоят. Плохие-то, поди, и совсем не говорят?

– Почему ж не говорят! – боровичок сердито хмыкнул. – И такое бывает... но, правда, редко. У меня раза два было.

– У кого же язык поворачивается на такую красоту чёрные слова говорить? – удивился я.

Продавец опять улыбнулся, но в улыбке его мелькнула горчинка. После минуты молчания мастер заговорил:

– Я к таким выпадам отношусь философски... Вот в этом сезоне нашлась одна дама, которая выразилась в адрес моих игрушек нелицеприятно. Не раз подходила к изделиям, оценивая их рассматривала, но не покупала. Затем в сторонке стояла и всё посматривала: видно, наблюдала за тем, как берут... В общем, я думаю, она – человек творческий, но завистливый, а вернее всего – творческий неудачник. У самой что-то не получается, вот и выплёскивает она зло... В общем – несчастный человек. Грех в человеческой душе гнездо свил и не даёт этому человеку ни днём, ни ночью покоя...

– Да вы философ, Петр Петрович!

– Все мастера в своём роде философы. Без этого творчества не бывает. А насчет шикарных подсвеченных прилавков вот что скажу вам. Когда я леплю, то внутренне представляю, как игрушка будет смотреться на моём прилавке, а прилавков мой, сами видите, – перевёрнутый ящик. Я думаю, что на настоящей витрине она и смотреться не будет! Ну, не

представляю я себе зеркальную витрину, когда леплю, поэтому и планку восприятия заранее закладываю «ящичную», «подножную». Мастер, знаете, всё должен учитывать...

Я был другого мнения на сей счет. Полагал, что эта игрушка смотрелась бы везде хорошо, куда ее ни поставь. Но не стал спорить с боровичком. К тому же, было у меня подозрение, что мужичок явно чудит, подшучивает – и надо мной, и над самим собой.

Пока я так думал, мой собеседник, задрав голову, поглядывал вверх – туда, где, сплетясь в ветвистое кружево, заиндевелившие ветки нарисовали на серебре неба замысловатый узор.

«Что-то он видит в этой ажурной мгле? – мелькнуло в моей голове. – Может быть, его генетическая память глубже моей – и видит он нечто иное, нежели я? Сумел же он, запустив руку за пазуху вечности, вытащить из небытия вот эту красоту...»

– А вам какая игрушка приглянулась более всего? – спросил боровичок, прервав ход моих размышлений.

– Теряюсь, чему отдать предпочтение, Петр Петрович. Мне и вот эти золотистые нравятся, они мне что-то напоминают, и коричневатые, а в светленьких тоже много особенного... Интересные они. Как у одних родителей непохожие дети: этот – смуглый, застенчивый, другой – весёлый, русский, а внимательней приглядишься: в них, разных, более похо-

жести, нежели различия.... Вы, Петр Петрович, говорите, что это саратовская игрушка? Я, знаете ли, искусствовед, только не по игрушечной части, и располагаю определёнными знаниями. Но таких вот изделий, по правде говоря, не встречал – ни в специальной литературе, ни на рынке. Пытаюсь вспомнить что-либо похожее, но ничего не нахожу...

Тут вдруг в моей памяти что-то сверкнуло. И мгновенно нарисовалась картинка: бабулька, внучка, крапивный мешок, глиняные игрушки, золотистый конёк... Как же я мог забыть?

– Нет, вру, – сказал я, смутившись. – Один раз видел. Здесь же на базаре, бабушка с внучкой старые игрушки продавали. Я даже тогда один музыкальный свисток купил – и очень он на тот, что у вас с краю находится, похож. Только у меня – старый, неяркий...

– А эта бабушка не продавала, случайно, еще и козлика с отбитым рогом да хромоногого баранчика?

– Точно... были! Я ещё подумал: «Козлика-то без рога кто у нее купит?»

Так вот, мил человек, у неё вы и видели настоящую старинную саратовскую глиняную игрушку, с чем я вас искренне поздравляю, – улыбнулся Петр Петрович. И добавил, чуть погрузнев:

– Нет этой бабушки уже. А игрушка у неё была настоящая. Её свёкор игрушки делал, а она у него

как бы в подмастерьях ходила. Только дальше подмастерьев дело не пошло: таланта лепного не оказалось. На базаре же она распродала остатки былой роскоши. Эти игрушки ей муж дарил, когда ухаживал. Это память о первом её муже – Ваське... Она от него ушла, а с другими как-то не сложилось. Васёк-то после её ухода вскоре сгинул... Такая вот у неё история.

– Она немного рассказывала об этом, – припомнил я.

Глаза продавца повеселели, заискрились.

– Я от Никитичны много почерпнул. Светлый она была человек. Мы с ней встретились, когда ей девяносто было. Вот как бывает!

– А вы, Пётр Петрович, давно саратовской игрушкой занимаетесь или это у вас наследственное?

– А вас как, простите, величают? – спросил он в ответ.

– Меня – Евгений. А фамилия – Вениаминов.

– Вот и ладненько, – проговорил он. – А моя фамилия – Африкантов! Петр Петрович Африкантов, прошу любить и жаловать.

Мы пожали друг другу руки. Он продолжил:

– Интересующемуся человеку я всегда рад, потому как я не только мастер и продавец в одном лице, но и популяризатор местных изделий.

– Восстанавливаете забытое прошлое?

– С одной стороны, я выгляжу как реаниматор игрушки, а с другой – как продолжатель игрушечной традиции, – заметил он серьезно. – Если смотреть со стороны бытопроживания – я вроде как продолжатель традиции, а если глянуть на мою родословную – то прямых родственников, игрушечных профессионалов, в роду моем, вроде, и нет.

– Что же, совсем ничего и никого не помните?

– Когда память напрягаешь, вспоминается что-то из разговоров стариков. Не вникал я тогда. Не тем была голова забита, чтобы помнить, интересы другие были. А что помнил – в единую картину не связывалось.

Он призадумался.

– Слышал, что одна моя родственница, по отцу, в Саратове жила и этим делом занималась вроде бы, продавала. Только я этой родственницы не знаю. Дядя мой по отцу, Василий Андриянович, тот рукастый был – и из глины лепит, и из дерева вырежет. Только чтоб делать и продавать... нет, такого не было. Он прорабом работал в Аткарске, целыми днями на колёсах. С нами, ребяташками, любил заниматься, и мы к нему тянулись. Улучит часок – и такую игрушку лепит, что ахнешь. В этом деле они с моей мамой, Пелагеей Ивановной, в девичестве Ивлиевой, соперничали. Бывало, таких петушков сварганят.... Выставят на стол, а петушки их друг на друж-

ку так и наскакивают! А нам, ребяташкам, радость. Это помнится всю жизнь...

Мастер немного помолчал.

– Много всего помнится мне, Евгений, особенно из детства. Например, помню, что у нас в доме по вечерам всегда был народ. Женщины приходили посмотреть, как моя мать вяжет ажурные кофты, чулки, варежки. Никто так в округе не мог связать, как она, вытянуть такой тонкой нити на прялке. Во времена перестройки мы с ней вместе лепили из глины игрушки, чтоб заработать на жизнь, а ей в ту пору уже было семьдесят. Очень добрая она у меня: увидит какого ребёнка, который, может быть, в своей жизни и игрушки-то в руках не держал – и обязательно подарит ему свистульку, или ещё что. Она в перестроечное время этими нашими игрушками, в основном, и торговала. Сейчас уж давно не торгует и не лепит, зрение не то, руки трясутся, но в качестве моего творческого ОТК выступает неизменно. Ни одна моя игрушка мимо неё не пройдёт. Особенно любит оценивать их на стадии разработки. Настоящая игрушечница!

Мы оба заулыбались.

– Игрушку, Евгений, не пальцами делают, а душой – сказал, как давно выношенное, Петр Петрович. – Если только одними пальцами будешь ее мастерить, это уже получится не игрушка, а сувенир – выглаженный до блеска и холодный. А игрушка –

дело самое, что ни на есть, душевное. И от того, где она и как образовалась, многое зависит. Думаю, что и восстанавливаться она должна на том же историческом и бытовом фундаменте. Это всё равно как у растений: температура должна быть именно такая, какая надо, и влажность, и так далее, иначе семя не прорастёт. Облей вот соляркой землю, что будет? На этом месте трава не будет расти, а если и явится на свет, так уродец будет, или мутант...

Африкантов еще помолчал, постукал валенком о валенок, добавил:

– Не повезло, Евгений, саратовской глиняной игрушке в том, что нигде, ни один человек о ней пером не чиркнул. Возможно, кто-то что-то когда-то и написал, только я такого не читал. Вот о всяких купеческих домах, купеческих жёнах – пожалуйста, много всего понаписано, а о душе народной – игрушке – ни слова! Как будто дети и не играли...

– Почему же, – заметил я. – Не помню, кто из классиков написал, но вертится в голове: «Был проездом в Саратове. На базаре купил глиняную бабу с рыбой».

– Правда? – обрадовался мастер. – Ну, это хорошо. А я уж думал, никто и нигде...

В этот момент к нам подошла бабушка, желая купить внуку свисток. Малыш капризничал, но, увидев игрушки, присмирел и потянулся ручонкой к

веселому ёжику. Пётр Петрович стал помогать ему в выборе.

Я стоял, смотрел на мастера, на ребенка, на бабушку. И думал, что детская игрушка не зря признана величайшим изобретением на земле. Благодаря ей мальчики – будущие воины – учатся защищать свою землю, любить родной дом, девочки постигают премудрости хранения домашнего очага, а все вместе они учатся уважать и покоить старость. Разве на покемолах они этому научатся? Солнечная, умная, добрая и любящая игрушка создавалась в тихих русских селениях. Пусть в них не было электрического света, пусть они утопали в грязи и хляби – но они умели рождать что-то на потребу душе, умели нести доброе, вечное. Мы об этом, вроде бы, уже начинаем забывать, но вдруг вот так, словно ниоткуда, появляются такие мужички-боровички и показывают нам то, что умеют делать. Как? Откуда?. Где это всё сохранялось в наш задубелый в яростной корысти век? Пойди, узнай

Но так получилось, что именно в этот предновогодний день я почти всё и узнал о мастере. Поведав ему, как водится, свою биографию, я как-то сразу расположил Петра Петровича к себе. Прямо тут, у ящика с игрушками, когда волна покупателей схлынула, он рассказал мне о своей родословной.

– Родился я, Евгений, в маленькой деревушке недалеко от Саратова, километров пятьдесят от города

по Петровскому тракту. Малой Крюковкой она называлась, стояла недалеко от Полчаниновки. Больших деревень в нашей местности уже мало осталось, а таких, как она, – и подавно. И в былые-то времена в ней больше двадцати пяти дворов не насчитывалось. Но что интересно: деревня эта никогда не была барской. В этом месте землями наделялись как раз крестьяне, выкупившиеся от бар. Хозяева в деревне все были крепкие, а дома ладные, лентяев тут не было. В советское время она вошла в разряд «неперспективных», потому и делали для нее власти всё как бы нехотя, в расчёте, что она сама развалится окончательно – это я и об электричестве, и о радио. А люди, однако, жили и жили тут, в своём родном «медвежьем углу», и разбежаться особо не спешили. Мне вот 58 стукнуло, а я помню, как в нашей деревне телефон появился, потом радио, а там и электрический свет от движка... А еще помню, как это всё – в обратной последовательности – исчезало...

Африкантов широко улыбнулся и покрутил головой, вспоминая.

В нашей деревне электричество появилось в 1962 году. Я в четвёртом классе учился. Помню, когда я ещё в школе не учился и электрической лампочки в глаза не видел, спорили ребяташки помладше, глядя на электрические лампочки, развешенные на столбах: у кого же в доме светлее будет?

И в голову взять не могли, что лампочки повесят и в домах тоже! Но я на поздний приход цивилизации в нашу деревушку не сетую. И даже наоборот – радуюсь: в моей жизни было то, чего никакой лампочкой и телевизором не заменишь и не восполнишь. Мы катались на санках с гор, а когда промёрзнем, забирались на тёплую печь и там, под завывание вьюги в трубе, слушали сказки, которые нам рассказывали не дяди и тети с экранов телевизоров, а родные бабушки и дедушки. И не по книжкам рассказывали, а по памяти, а то и сами сочиняли. А ещё рассказывали всякие истории... Семья у нас была замечательная: отец – книголюб, песенник и незаурядный рассказчик. Фронтовик, служил на границе, в первый же день войны был тяжело ранен. Всё прошёл: плен, партизанщину, участник парада Победы. Да у меня и дед был боевой: в первую мировую получил серебряный Георгиевский крест. У нас в роду все воевали и все были орденосцы, я этим очень гордился!

– Мое поколение, к сожалению, и советских-то времён уже не помнит, – вставил я.

– Откуда ж помнить, годов нет... В общем, деревенька наша, Евгений, была маленькая, но сказочная, и жители в ней были сказочные: с характерами могучими и душами глубокими, хотя с виду люди были тихие и незаметные.

– Наверно, и школа была маленькая?

– Четырехлетка. Больше пятнадцати учеников в ней никогда не насчитывалось. Мы, ребяташки, после окончания четырёх классов ходили в школу за семь километров, в соседнюю деревню – Большую Фёдоровку, там была восьмилетка. Из этого периода мне хорошо помнится только осень: холодно, темнотища, хлюпающая грязь, кирзовые сапоги. А еще – на палке привязанная консервная банка с тряпкой, в которой горит коптящим пламенем солярка. Этот факел и освещал нам дорогу по полям и оврагам...

Я присвистнул, представив себе эту картину, а Африкантов продолжил:

– В общем, урбанизацией и не пахло. Но я на это не сетую. Я, наоборот, очень рад, что родился и вырос в такой вот заштатной деревушке, с её вековыми устоями, с традиционным воспитанием, когда тебя мог за озорство наказать любой житель деревни, попросту говоря – отшлёпать. Это было стыднее всего. Старших мы уважали, стариков почитали, а с младшенькими сестрами и братьями возились. И тогда уже лепили игрушки! Да-да, уже тогда... Убежишь, бывало, и в укромном местечке, в овраге, где из глинистых берегов бьют ключи, лепишь... Но профессионально заниматься ручной художественной лепкой из глины я, дорогой мой Евгений, начал пятнадцать лет назад, когда могучая волна перестройки вышибла меня из кресла заведующего ре-

дакционно-издательским отделом Приволжского книжного издательства. Да-да... понял теперь, откуда у меня такой правильный слог? Ну, вышибло и вышибло, устроился работать педагогом дополнительного образования в Заводском районе. Сначала думал, что устроился временно, пока товарищи мне работу подыщут, а оказалось потом – на всю оставшуюся жизнь. И стал я тогда осваивать лепку из глины. Не столько осваивать, сколько вспоминать то, чем занимался в детстве. Вскоре обнаружил, что дар никуда не пропал – и стал в себе этот дар школить. Да так, что иные ночи напролёт уснуть не мог, всё в моей голове разные поделки возникали. Появятся и пропадут, появятся и пропадут, словно дразнятся... Сначала лепил всякую всячину и только потом, годы спустя, взялся за главное дело в своей жизни – за воссоздание вот этой местной глиняной игрушки. Как говорится, себе на развлечение, ребятишкам на потеху, а старожилам на воспоминание...

Петр Петрович прошелся вокруг ящика с остатками товара. Холодало, ему пора было уходить с базара. Но мастеру, видимо, хотелось дорассказать мне что-то важное.

– Когда взялся я за эту игрушку, то, по правде говоря, до конца и не понимал, во что впрягался. Просто что-то потянуло... Это уж потом она стала основным моим делом. Сперва обозначилась боязнь ответственности, потом наметились какие-то ориен-

тиры, а потом в душе прояснилось живое восприятие. Как будто появилось что-то, и вот ты уже не один, не сам по себе. Пусть и нет ещё реально ничего, а ты уже за что-то отвечаешь, что-то хранишь и лелеешь, в сердце носишь...

Он ненадолго задумался, то ли пытаюсь получше сформулировать то, что в нём жило, но не получило ещё словесной оболочки, то ли заново переживая мучительный, но в то же время радостный процесс рождения чуда творчества. Я ему не мешал, ни о чём не спрашивал, понимая, что наводящие вопросы в такой момент ни к чему.

– В Саратовской местности, Евгений, не было одного устоявшегося типа глиняной игрушки, – как, например, в Дымковской слободе; всяк у нас лепил и вымудрялся по-своему. Потому и назывались игрушки на базаре и по именам мастеров, и по улицам, и по местечкам и деревням, где их делали, например: «Матрёнина», «Глинская», «Поливановская» и так далее. Это мне старики говорили. Игрушки у нас были красивые, только вот не повезло саратовской глиняной с купцом-проньрой – чтоб закупал он игрушку оптом и вёз на продажу за тридевять земель. Тогда, глядишь, и спрос бы вырос, и глинолепов прибавилось. А то занималась этим делом одна, редко две семьи из всей деревни, и то не из каждой. Часто – только в свободное от основной работы время, по вечерам...

– А это плохо, что не оказалось купца-проныры?
– поинтересовался я.

– С одной стороны – вроде плохо, а как раздумаешься, то вроде и хорошо даже выходит. В Дымковской слободе не только такую дымковскую игрушку лепили, как мы её теперь знаем, а и другие тоже, и не все выбеливали, а где теперь те игрушки? Нет их...

– Победила конкуренция, – извлёк я из головы известный штамп.

– Нет, Евгений, не конкуренция. Барыга победил... барыга: именно он загнал те игрушки в угол. Я рад, что нашу игрушку такая участь миновала, а то бы продавали по городам и весям какую-то одну из этого набора, а других покупатель бы и не увидел, и жизнь бы была человеческая беднее, вот так-то. Я уж не говорю, что многие бы покупатели не нашли своей игрушки – той, что по вкусу и по душе. С этим можно спорить, но я-то, стоя за прилавком, вижу, что одну берут бойчее, но над другой-то тоже кто-то до слёз умиляется. Я это вижу, а барыга не видит, он всё деньгами меряет!

– А если рядом с вашими, то есть, с глиняными, игрушки из другого материала поставить на продажу? Или глиняные в таком сочетании никогда не стояли?

– У нас, Евгений, были игрушки не только глиняные. Из дерева у нас игрушек не резали, только од-

ни свистульки, как карандашики, без каких-либо украшений, но зато глиняных свистулечек и глиняных игрушек было достаточно. А ещё мастерицы шили кукол из тряпок и набивали этих кукол мякиной или опилками, накладывали волосы из лыка, обязательно чтоб была коса или несколько косичек. По крайней мере, такие куклы продавались на старом Сенном базаре и на «Пешке». Делали тряпичных кукол и в нашей деревне. Разрисуют им лица, наведут бровки углем, подмалюют губки – и чем не Маша-краса, ржаная коса? Любили этим делом заниматься девушки и девочки-подростки. Я помню, как моя сестра Анна Петровна, в замужестве Жирнова, с подружками таких куклят мастерила. А ещё она любила глиняные игрушки в тряпичные одежды одевать. Я леплю, а она им одежду шьёт...

Мастер оживился, вспоминая былое.

– Глиняных игрушек на базаре в нашем Саратове было несравнимо больше, чем других, и они были разнообразнее. Я хотя был тогда и маленький, а прилавок на Сенном со сверкающими на солнце игрушками помню хорошо. Но это он тогда мне казался прилавком. А так – просто ведь ящик или мешковина, на земле расстеленная. Меня к глиняным игрушкам тянуло, как магнитом. Баловали нас родители, подростками брали город посмотреть, когда по нужде крестьянской в него ехали: картошку или мясо продать.

Помню еще и то, как старьёвщики возили глиняные игрушки в телеге по деревням на продажу. Издали были слышны покрики торгаша-возницы: «Женщинам – заколки, мужикам – мундштуки, ребяташкам – игрушки расписные глиняные, свистки заливистые! Бери, молодка, глухаря – приобретёшь мужа-ухаря! Купишь тройку с бубенцами – под венец помчатся сами!». Ну, и так далее. Возил торгош к нам, в деревню, игрушки одного стиля, видно, работы одного мастера. А возможно, сам он их и делал, потому как, отвечая на вопрос «Когда привезёшь собачку?», говорил частенько: «Сохнет», или «Греется», или «Ах, какие вы скорые, разве мне за вами успеть?». У него, как я вспоминаю, игрушка была отменная, золотистая. Он «сушку» не возил. У него была только «жжёнка», которая обжигалась в горне, с крапинками, штришками, кое-где подкрашенная коричневой глиной. Я эту игрушку потом у Никитичны увидел. «Сушку» куда повезёшь в телеге – один бой будет...

В следующий раз мы встретились с мастером Африкантовым в начале весны. Мне захотелось подарить своим женщинам что-то особенное, непривычное, я вспомнил об игрушке, о своём новом знакомом и о его приглашении заходить к нему в гости, в центр дополнительного образования.

Так я и отправился в Заводской район. Поскольку района не знал хорошо, то, сойдя с автобуса, спросил толпившихся около газетного киоска ребятшек:

– А где тут дом, в котором работает кружок керамики?

– Лепка, что ли? – спросил один из мальчишек.

– Вы, наверное, Петра Петровича ищете? – спросила девочка постарше.

Я кивнул.

– Пойдемте, мы вас проводим, – сказала она.

Вскоре мы подошли к пристройке девятиэтажного дома, на дверях которой крупно было написано «Корпус ЦДО для детей Заводского района № 4».

Приехал я немного не вовремя – у Африкантова как раз шли занятия. Я заглянул в кабинет: около стола, за которым сидел Пётр Петрович, толпились дети, он им оживлённо что-то рассказывал. Увидев меня, тут же подошёл:

– А! Евгений! Рад видеть. Ты подожди чуток, сейчас группа уйдёт, и мы с тобой пообщаемся.

Вскоре, на ходу одеваясь, детишки высыпали в коридор, кабинет опустел, и я вошёл. Огляделся – убранство кабинета меня сразу же заворожило: на стенах висят большие лепные картины с сюжетами из русских народных сказок и множество подкрашенных рельефов поменьше. По углам стоят, вылепленные в рост, сказочные герои: вот медведь несёт

на спине Машеньку в коробе, вот Алёнушка с братцем Иванушкой, а вот Баба Яга с длинным носом высунулась из избушки... И еще огромная древнегреческая амфора стоит на сейфе.

– Прошу к столу, Евгений, – услышал я голос хозяина, – потом рассмотрим.

На столе появились дымящийся чайник и чашки.

– А я тебя сразу узнал, – сказал Пётр Петрович, – вот, думаю, все-таки не забыл, приехал.... Это хорошо, что ты пришёл, значит, взяло тебя за живое наше лепное творчество. Ты ведь искусствовед, если мне не изменяет память?..

Я кивнул.

– Это хорошо, что искусствовед. Этим делом надо заниматься.

– Так я из другой области...

– Неважно, из какой области, а вот то, что мы с тобой за одним столом сидим и чай пьем – это, брат, хорошо. У нас с тобой, если пошире подумать, одна область... Помнишь, я тебе тогда, зимой, рассказывал, что работал я в Приволжском книжном издательстве?

– Как же, хорошо помню.

– Так вот, – сказал Африкантов, наливая мне в чашку ароматного чаю, – работал я себе спокойно в издательстве, заведующим сельскохозяйственной редакцией, и к глине никакого касательства не имел. Если бы не горбачёвская перестройка и

не ельцинская передрыга, то, возможно, Петра Петровича здесь, в этих стенах, и не было бы. А стало бы оно в итоге лучше? Кто знает, кто знает... Уж, во всяком случае, для дела возрождения саратовской глиняной игрушки оно было бы хуже. Но Господь рассудил иначе – и вот я здесь! Знаешь, Евгений, в зрелом возрасте приходишь поневоле к мысли, что человек только предполагает, а Бог располагает. Ему лучше знать, в кого Он какие способности заложил и как этим задаткам лучше проявиться. Вот я хорошо рисовал в школе, участвовал в конкурсах, хотел поступать в Саратовское художественное училище, а не получилось. Окончил Тимирязевский сельскохозяйственный техникум в Татищевском районе, стал механиком, работал трактористом, шофёром, автомехаником, затем окончил филфак, а всё равно не минуло к рисованию вернуться. Не знаю, какой уж я там был тракторист, механик или корреспондент газеты, только, когда настало время собирать камни, с чего я начал?.. А начал я с того, что во мне сильнее всего и заложено было... Всему, Евгений, своё время. Раньше, бывало, никаких желаний и мыслей о возрождении игрушки мне и в голову не приходило, а потом – откуда что взялось! Словно камень на голову свалился! Непостижимо это человекам, только одному Богу известно...

Африкантов замолчал. Он пил чай, глядя поверх моей головы и вглядываясь то ли в своё изрезанное

событиями прошлое, то ли в будущее. Я нарушил молчание вопросом:

– Мы с вами о мистической стороне дела всё говорим, Петр Петрович, тут сто дорог, а вот как в реальности всё происходило? Ну, когда камень-то этот на голову свалился, образно говоря?

Пётр Петрович широко улыбнулся.

– Честно сказать, идея возродить местную игрушку была не моя. Я её, эту идею, только подхватил, а высказана впервые она была на собрании мастеров, в музее прикладного искусства, у Виктора Васильевича Солдатенкова. Человек он был, царство ему небесное, незаурядный, и людей вокруг себя собирал под стать себе, с изюминкой. Вот на таком же чаепитии в музее и зашла речь о глиняных игрушках. Был у нас тогда хороший мастер по резьбе по дереву, он и глиной занимался – Фомин Александр Васильевич, трудовик из пятой гимназии. Это он высказал идею создания саратовской глиняной игрушки, и образцы он же представил. Но Фомин был родом не из Саратова и потому не знал, что в Саратове своя историческая игрушка уже была – и потому заново создавать ничего было не надо: я ведь уже вам рассказывал, что с младых ногтей эту игрушку в руках держал. Тут я и сказал Фомину, что заново ничего создавать не надо, что эта игрушка издавна была в городе. Меня поддержали пожилые мастера-саратовцы, они тоже эту игрушку помнили,

только сами глиной не занимались. Солдатенков и говорит: «Раз ты в эту игрушку играл, на ней вырос, помнишь, раз сам лепкой занимаешься, то и давай возрождай», – так и благословил. Потом ни Александра Васильевича, ни Виктора Васильевича не стало, а я вот так и леплю, с лёгкой их руки...

– А вы, Евгений, пейте чаёк-то, пейте, – попотчевал, прерывая сам себя, Пётр Петрович, – игрушка, она никуда не убежит, она глиняная, а вот чай остынет...

– Это чай, Пётр Петрович, никуда не денется, – парировал я. – Чай и подогреть можно, а вот об игрушке хочется слышать из первых уст...

– А! Значит, зацепила... – сказал мастер весело.

Он подошел к шкафу, отворил дверцу и бережно выложил на стол с десяток глиняных изделий.

– Это все новенькие, ещё на прилавке не были, – заметил Африкантов.

Все игрушки были сделаны в виде свистка, с удлинёнными туловищами, двумя ногами. Были тут Баба Яга в ступе, русалка с витиевато изогнутым хвостом, волк, филин. К ступе мастер приделал куриные ноги, получилось очень оригинально. Я присмотрелся – туловища у всех игрушек были одинаковые, а вот головы и некоторые другие детали – разные. Сказал об этом мастеру.

– Молодец, наблюдательный, – похвалил игрушечник, – правильно подметил. Эти все, о двух но-

гах, с вытянутыми одинаковыми туловищами – это гуделки...

– Свистки, значит?

– Нет, свистки – это самые маленькие, звонкие. А это гуделки: у них голос другой, более низкий. Мы их так в детстве называли. Взрослые мастера, может быть, так и не называли, а мы вот делили... Туловище я оттискиваю вот в этой гипсовой формочке, потому как у гуделки должна быть приятная высота звучания. При помощи гипсовой формы легче сделать пустоту внутри. Каждый раз в этот объём пустоты, что внутри тела игрушки, попадать трудно.... Это, можно сказать, тональные свистки, я их делаю с двумя игральными отверстиями. Получается устойчивый звук и чёткий переход на другую высоту при поочерёдном закрытии пальцами отверстий.

– Я видел у той бабушки маленькие свистки с двумя отверстиями, – заметил я.

– Это свистки с высокой частотой звучания, – пояснил мастер, – я такие тоже делаю, но только без игровых отверстий. Слух режет перебор на такой октаве, маленькие дети даже испугаться могут, а этот звук много мягче, но и свистковое отверстие делать сложнее, ведь струю воздуха надо не только разорвать, но и закрутить, тогда хрипов не будет и глухоты. Наши предки это умели очень хорошо делать – и свистки, и гуделки, и кукушки, и даже окарины.

– Мне внучка Никитичны о «кукушке» говорила, что это такое?

– В кукушке есть одна хитрость. По сути, это та же гуделка, на одно или два игральных отверстия, только объём резонатора подобран так, что при закрытом игральном отверстии она выдаёт звук «до» четвёртой октавы, а при открытии игрального отверстия переходит на «ми». Так и звучит поочерёдно: «до» – «ми», «до» – «ми», а нам слышится «ку-ку», «ку-ку»...

Мне захотелось спросить Петра Петровича об окарине. Я раньше слышал о таком музыкальном инструменте, но никогда его не видел.

– А вы окарины тоже делаете?

– Балуюсь понемногу... Делаю простые и полифонические, – и мастер вытащил из стола глиняную птицу с вытянутой шеей, элегантным хвостом и короткими приспущенными крыльями.

Птица, казалось, приготовилась оттолкнуться от земли и взлететь. По её туловищу, с обеих сторон, шли игральные отверстия. Пётр Петрович взял изделие в руки, приставил к губам, и тотчас тишину кабинета наполнило бархатное звучание. Птица пела, и мне показалось, что она не желает взлетать, а сидит на ветке и, вытянув шею, всматривается туда, где должны появиться первые солнечные лучи...

– А вы, Петр Петрович, хорошо разбираетесь в музыкальной грамоте? – задал я очередной вопрос.

– В музыкальной грамоте не шибко разбираюсь, я самоучка. Но есть друзья-музыканты. К примеру, Шайхутдинов Леонид Халяфович руководит детским оркестром народных музыкальных инструментов в нашем районе, так его дети играют и на моих окаринах тоже. Федотов Игорь с ним в паре. Этот инструмент, грубо сказать, большой свисток, только отверстия просверлены не как у гуделки, лишь бы яркие звуки выдать, а согласно звуковой гамме, ну там, знаете: «до», «ре», «ми»...

– Вы и играть умеете?

– Нет, вот играть я не умею, – признался мастер.

– А как же, не умея играть, инструменты делаете?

– Играть – это одно, а делать – другое. Мы же не требуем, чтобы музыканты сами умели делать пианино или скрипку! Разумеется, основы строя знать надо, – хотя, если вы имеете абсолютный музыкальный слух, то и этого не требуется. У меня такого слуха нет, потому ориентируюсь на знание музыкальной грамоты. А настраиваю под компьютер, раньше под баян настраивал. Компьютер более точно воспроизводит звук, и подбирать под него легче, удобнее, хотя бы растягивать меха не надо. Я обо всём этом подробно рассказал в своей книге «Саратовские сказочники». Солдатенков Виктор Васильевич её на грант издал. Эта книга о мастерах и о музее народных художественных ремёсел. Я там всю свою технологию описал...

– Так вы и книги пишете, гм... А это что у вас за глиняные трубочки на столе лежат?

– А, эти... – Петр Петрович несколько смутился. – Да я, знаете, на орган керамический замахнулся. Это образцы игральных труб. Знаете... кучу литературы перечитал. Мне хочется сделать его в виде аккордеона. Чертежи сделал, несколько игральных трубок, а дальше пока отложил, переориентировался на другое, но от задумки своей не отказался, цепляет. Пока окариной занимаюсь, да флейтами...

Я не стал углубляться в окаринную тему, хотя понял, что об этом Пётр Петрович может говорить долго и со знанием дела. Мне хотелось побольше узнать о саратовской глиняной игрушке и я перевёл разговор в прежнее русло.

– Скажите, а какой вы помните игрушку вашего детства? Какой она в вашей памяти сохранилась?

– Я отлично помню ту игрушку, которая стояла у нас в шкафу и ту, которую возил по деревням на лошади тряпичник. Я вам о нём уже говорил. У него в телеге стоял сундучок, в котором были разные гребешки, булавки, заколки и, конечно, глиняные игрушки. Помню свистульки и гуделки. Их было много, на разный манер сделанные, большие и маленькие. Что тогда было востребовано, то и делалось мастером. Куклята ещё были, их девочки покупали. Из куклят самыми ходовыми были «ребёнок в зыбке» и «кормящая мать». Мальчишки покупали сви-

стки с разными головами: медведя, барана, коня. Старались составить коллекции. Сейчас марки собирают, а мы собирали свистки. У меня тоже была такая коллекция. Я сейчас и сам на продажу такой свистушечный набор сделал, вдруг жажда в детворе проявится?

– А чем конкретно, Петр Петрович, отличалась саратовская игрушка от дымковской, например?

– Много, чем... технологией изготовления, создаваемыми образами... У нас, если опираться на память, любили лепить коней с развевающимися гривами. Вообще любили лепить домашних животных, но кони превалявали. Я тоже всяких животных леплю, но вот как за коня берусь, обязательно в душе что-то ёкает. В этом животном особая поэзия и особое звучание проявляется...

Мастер помолчал, подумал.

– А что касается технологии, Евгений, то здесь ведь всё зависит от глины: какой её цвет был до обжига, какой в сухом состоянии и какой после обжига. Вот дымковскую игрушку почему выбеливали: основной-то цвет у нее тёмно-коричневый. С этим цветом на рынке далеко не уедешь, но в основе глина хорошая. В Саратове для обжига нет хороших глин, все загрязнены известью. Попадёт такой кусочек, величиной с игольное отверстие, и пиши пропало. После обжига известь начинает поглощать из атмосферы влагу, начинает увеличиваться в разме-

рах, раз в пять-шесть, и разрывает изделие... Перед тем, как сделать «жжёнку», с глиной надо было повозиться: перетереть, пропустить глиняное молоко через ткань, затем выпарить на солнце. «Сушки» было гораздо больше, потому как таких сложностей здесь не было: она не обжигалась, а просто хорошо высушивалась на солнце и раскрашивалась. Сверху все игрушки крылись молоком. От этого им был присущ матовый блеск. Таким методом в России пользовались многие игрушечники, это не секрет.

– Со «жжёнкой» мне всё ясно, там огонь цвет даёт, а почему у вас «сушки» в основе разного цвета? Вы их что, так специально красите?

Тут я, по правде говоря, немного слукавил, потому как уже знал ответ на этот вопрос от Никитичны. Но мне интересно было услышать ответ от Петра Петровича.

– Да нет, не специально. Наша игрушка вообще не покрывалась красителем сплошную, предпочитался естественный цвет глины, тем более, что глина к этому располагает. Естественный цвет – он и есть естественный, а краска – она всегда только краска. Почему у меня «сушка» нескольких видов? Можно сказать, что это дань старине. Просто в Саратове делали «сушки» из разного цвета глин: из серо-белой глины, которой по саратовским горам видимо-невидимо, из желтоватой и из коричневой. Тут уж всё зависело от вкуса мастера. В большинстве

своём «сушки» были самыми простенькими игрушками – изготовление их было технологически не обременительным делом: пошёл, копнул лопатой глинки, и лепи. Из неё и лепил всяк, кому не лень. Но «сушки» делались и профессиональными мастерами. Раньше, к примеру, мастера и мастерицы со стажем обязательно добавляли к серо-белой глине коричневую, для плотности и теплоты. Из плотной глины свистковые устройства удобнее делать. Я же добавляю коричневой – с расчётом, чтобы получился состав светло-коричневый, или бежевых оттенков, на этих цветах и работаю по «сушке». Покупатели ведь все разные, кому бежевая нравится, кому серая, а кому и светло-коричневая. Сейчас у мастеров, конечно, возможности другие: красители на выбор, лаки тоже. По «сушке» краской или лаком поработаешь – она зазвучит, только вот такого золотистого цвета, как у «жжёнки», у неё никогда не будет: там огонь красит. С огнём ничто не сравнится!

Я посмотрел на «жжёнку», потом на «сушку». Теперь я уже хорошо понимал их различия. Первое, что отметил взглядом: штапиковые углубления на «жжёнке» подкрашивались одним коричневым цветом, а на «сушке» мастер использовал разные цвета. «Жжёлка», мне показалось, выглядела импозантнее, но зато «сушка» была сама непосредственность.

– А что, если и у «жжёнки» залить ямочки разными красками? – спросил я Африкантова.

– Мы, Евгений, в этом случае больше потеряем, чем получим.

– Что же потеряется?

– Историчность. Вот у бежевой «сушки» тоже заливали ямки одним цветом, подгоняя её под «жжёнку», а наоборот никак. Иерархия, дорогой Евгений, иерархия... Ты к ним приглядишься, к обеим...

Я так и сделал, отметив: «жжёнка», имея не меньшую непосредственность, по декоративным свойствам была на порядок выше, однако и что-то теряла, если рядом не было «сушки».

– Взаимодополнение? – выговорил я, догадавшись, к чему меня выводил мастер.

– Вот именно, – обрадовался Пётр Петрович. – Ты зайди в цветочный ряд, где стоят одни гладиолусы... понравится? Вот тебе и ответ, цветоводы-дизайнеры это хорошо понимают. Понимали и наши предки, выставляя на прилавок игрушки разного плана...

– А с чего вы начинали – со «жженки» или с «сушки»? Когда уже всерьез-то за дело взялись...

Африкантов даже просиял – так ему нравилась наша беседа.

– С самого трудного, со «жжёнки»! Оглядываясь назад, скажу: сейчас бы, наверное, не взялся за это дело, делал бы одну «сушку»...

Фото. 1. «Бык - гора», «сушка» серо-белая. Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 2. «Голубь». Гуделка светло-коричневая, «сушка». Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 3. «Акробаты», «жжёнка». Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 4. «Оберегатель», «сушка» серо-белая. Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 5. «Рыбачка», «жжёнка». Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 6. «Тройка». Трёхтоная гуделка, (сушка).

Фото. 7. «На охоте», «сушка» серо-белая.

Фото. 8.
«Глиняный
петушок». По
стихотворной
сказке П.П.
Африкантова
«Сказка о
глиняном пе-
тушке»,
«сушка» серо-
белая.

Фото. 9. «Козлик», «сушка» светло-коричневая».

Фото. 10. «На мостике», «сушка» серо-белая. Игрушечная сценка по стихотворной сказке П.П. Африкантова «Сказка о глиняном петушке».

Фото. 11. «Хозяюшка», «сушка» серо-белая. Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 12. «Машенька и медведь», «сушка», «крашенка», из серо-белой глины, пустотелая. Высота 115 см.

Глиняные игрушки бывают и в рост человека. Этой игрушке более десяти лет. Изделие установлено в фая корпуса «Центра дополнительного образования детей» Заводского района г. Саратова.

Изготавливали дети объединения «Керамика».

Фото. 13. Рельефная картина из глины по сказке «Лисичка-сестричка и серый волк», (115 X 74 см).

Большие игрушки и большие картины из глины украшают фая корпуса «Центра дополнительного образования детей» Заводского района г. Саратова.

Изготавливали дети объединения «Керамика».

Фото. 14. «Огней так много золотых...», «крашенка». Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 15. «Синегривый», «сушка» серо-белая, гуделка.

Фото. 16. Игрушечная сценка по комедии П.П. Африкантова для подростков «Глиняный Топ».

Фото. 17. «Бычок», «сушка» серо-белая, гуделка однотональная

Фото. 18. Игрушечная сценка по роману-сказке П.П. Африкантова «Старый дом под черепичной крышей», «сушка» серо-белая.

Фото. 19. «Филин», (жжёнка). Из фондов музея имени А.Н. Радищева.

Фото. 20. «На бал», «сушка» серо-белая.

Фото. 21. «Саратовская калачница», «сушка» серо-белая.

Фото. 22. «Лисонька», (жжёнка). Из фондов музея имени А.Н. Радищева.

Фото. 23. «Гоша», «жжёнка». Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 24. «Поостерегись», «сушка» серо-белая, свисток трёхтональный. Из фондов музея А.Н. Радищева

Фото. 25. «К заутрене», «сушка» серо-белая. Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 26. «Кто на подворье главный!!!», «жжёнка». Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 27. Лешачок – Гаврюша. «Сушка» серо-белая, «крашенка, пустотелая», высота 80 см.

По повести-сказке П.П. Африкантова «Про Гаврюшу-лешака и Ивана-дурака». Из фондов музея художественных народных ремёсел «Солдатенковы».

Саратов, 2005 год.

Фото. 28. «Ух!.. ты!..» Саратовская гармошка с колокольчиками, «жжёнка».

Фото. 29. Игрушечная сценка по пьесе для младших школьников П.П. Африкантова «Скудя».

Фото. 30. «Барбос», «жжёнка». Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 31. «Рыба-кит», «сушка» серо-белая. Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 32. «Поединок», игровая сценка, «сушка» серо-белая. Из фондов музея А.Н. Радищева

Фото. 33. «Вкуснятина», «сушка» серо-белая. Из фондов музея А.Н. Радищева.

Фото. 34. «Козлик», свисток простейший, «сушка» серо-белая. Из фондов музея А.Н. Радищева.

Он взял паузу, как бы собираясь с мыслями.

– Когда укоренилась во мне эта мысль – о воссоздании саратовской глиняной игрушки, посоветовался я с сестрой. Оказалось, она тоже отлично помнит ту игрушку, даже в деталях. У неё даже и сама игрушка такая была, с тех самых времен осталась, только куда-то задевала она её. Я поначалу долго примеривался: дело-то не простое, историческое. Новодел, конечно, лепить сподручнее, тут история за шиворот не держит. Но я так не хотел... Подготовительный этап длился года два. В основном, он был технологический: надо было найти глину в окрестностях города, ведь местные игрушечники за тридевять земель за глиной не ездили. Пришлось закинуть рюкзак на спину, в руки лопату взять – и пойти по оврагам и овражкам. Много расспрашивал местных жителей. Те старались помочь, делились воспоминаниями. Эти разговоры многое дали. Саратовские старожилы мне даже показывали некоторые старые игрушки, но они были как-то не к душе. В памяти моей стояла игрушка, в которую я в детстве играл, и эта память оказалась ревнивой. Я играл вот в какую: в золотисто-коричневую, с подпалинами, терракотовую игрушку с вмятинками и штришками. Но к тому времени, как уже опытный гончар, я знал, что такой цвет получить довольно сложно. Нужно было найти глину, дающую после обжига точно такой цвет... Был и другой путь, более слож-

ный: можно было добиться такого цвета, смешивая разные глины, одна из которых обязательно должна быть светложгущаяся, то есть принимающая после обжига белый или беловатый оттенок. Такой глины я тоже не находил. Товарищи мне говорили: делай «крашенку», она тоже в Саратове прежде в ходу была... Крашенка – это когда игрушку полностью красителем покрывали и расписывали... А я – нет, и всё. Кроме той, которая в глазах стоит, никакую другую делать не буду! Буду делать ту, которую хорошо помню, на которой вырос, которая в душе сидит!

Я слушал Петра Петровича, затаив дыхание.

– От меня тогда отмахнулись: дескать, ежели охота по буеракам с лопатой таскаться – таскайся. Перед семьёй было уже совестно – с копейки на копейку перебивались тогда. А я, взрослый мужик, отец семейства, всё в поле ветер ищущий. И вдруг – удача. Помог шофёр поломавшегося грузовика, которому я немного помог, как бывший автомеханик. Он-то и сказал мне, что встретил однажды очень жирную глину около пересечения кольцевой дороги с Вольским трактом, около старой птицефабрики. Там, когда объездную дорогу делали, целый карьер отрыли, правда, он не знал, беложгущаяся эта глина, или нет. Сказал мне только, что она по цвету чёрная. Это дало мне надежду: главное, что не коричневая и не жёлтая. Эти после обжига обязательно красный или коричневый цвет дадут. А тут – чёрная... Когда я эту

глину нашёл, она действительно оказалась в сыром виде чёрной. И глина была не только в карьере. В этом месте берег речки был сплошь из этой глины! Значит, доступность её для предков была абсолютная. Но вот какой она будет в обжиге – это было мне неизвестно. Смущало то, что по цвету и жирности такая же глина была гораздо ближе – в карьере керамзитового завода, и в карьере кирпичного, в Елшанке, ну – просто один в один. На деле же именно глина из карьера оказалась светложгущейся, а те – нет. Откуда этот пласт вынырнул, вообще неизвестно. Немного пришлось мне повозиться с подбором к этой глине пары. Глину для смешивания я нашёл на Алтынной горе, в овраге, где начинается дачный массив, она была желтоватая. Такие глины не дефицит, их можно найти повсюду, главной была та – светложгущаяся. Потом нужно было выявить процентное соотношение глин и определить режим обжига. С этим тоже пришлось повозиться. Пробы выявили приоритетную смесь. Оказалось, что если в смеси 40 процентов красножгущейся глины, то цвет на выходе самый благоприятный. Температура обжига – 700-800 градусов Цельсия...

Мастер умолк, отпил из чашки – и покачал головой: напиток давно уже остыл. Можно было поставить чайник заново, но Африкантову, судя по всему, не хотелось обрывать нить рассказа.

– И этот этап, Евгений, тоже был пройден. Наступил второй, самый в художественном плане щепетильный, но и интересный – этап душевного полёта. Я в это время прямо-таки не жил на земле, а летал по воздуху. Вспоминались старые игрушки, нарождались в душе свои, все они перемешивались, разговаривали друг с другом, прошлое и современное жило одной жизнью. И когда началась непосредственно лепка, я уже никому больше никаких вопросов не задавал, я просто лепил. И, как всякий мастер, старался сделать игрушку как можно более выразительной: подбирал штампики, разрабатывал и разделял ямчатые рисунки, выискивал в душе новые образы. Ведь скопировать старую игрушку – для мастера какая польза? Да никакой! Никакой уважающий своё дело мастер этого делать не будет, он будет делать своё! Ещё важно было в изделиях проявить особенности игрушки, можно сказать, её строй. Именно музыкальный термин здесь более всего уместен, потому как одно это слово вмещает в себя многое. Так и вообще в игрушечном деле: у «дымковки» свой строй, у «ярославской» свой. Есть свой строй и у саратовской. И этот строй просто изумительный, ни на какой другой не похожий. И вот над этим-то строем и надо было мне работать. И вот, Евгений, какое странное дело: у Никитичны я старосаратовскую игрушку видел позже, а мыслями всё равно уходил в детство. Тогда всё было гораздо

ярче, экспрессивнее. Думаю, меня выручила цепкая художественная память. Обычная-то память у меня не ахти какая. Спроси, кого как зовут, да ещё с какого года рождения – ни за что не отвечу. А вот лица, закаты, росписи – тут мне и напрягаться не надо, они так в глазах и стоят. Но не просто лица. Просто лицо я и не запомню, и узор тоже, если только, по выражению Шукшина, «по душе не шаркнуло», по моей образной памяти. И еще – фантазия. С детства у меня всё было с фантазией в порядке, малокрюковские ребятишки так «фантазёром» и называли. Никто не мог так чего-то напридумывать, как я. И всё эти задатки сохранились и в пожилом возрасте.

– Чудно как-то... – заметил я, – непостижимо...

– Да тут всё просто. Тебе вот дети встретились, пятиклашки. Казалось бы, чего в этом возрасте запомнишь? Ан нет... помнят, да ещё и как! Те девочки, с которыми я занимался пятнадцать лет назад, сами уже стали мамами, своих детей ко мне приводят. Приходят такие мамы, берут глину и сами садятся рядом с детками лепить. Я гляну: навыки и приёмы просматриваются невооружённым глазом. А сами ведь с пятого класса и глину в руки не брали. Так-то...

Старый игрушечник улыбнулся уголками губ.

– Сейчас вот хочу о саратовской глиняной игрушке детям книжонку написать, – продолжил он, –

чтоб знали, что и как делать. А то, не ровен час, сгинет всё опять. Я уже и главки придумал...

– Петр Петрович, а о технологии лепки что-то можете сказать?

Мастер как будто ждал этого моего вопроса.

– Особенности лепки саратовской игрушки просты. Фигурки лепились в основном правильной формы, по крайней мере, козёл от барана отличался, а гуделки и свистки изготавливались отдельно, по другой лепной технологии, свистушечной. Их оттискивали в керамических формочках, гипса ведь не было. Слепит мастер барашка, высушит, а затем оттиснет в мягкой глине с двух сторон – вот тебе и формочка. Я и сейчас по старой технологии свистки делаю. Свистки, Евгений, делались без всяких излишеств. Как правило, слепленная фигурка «расточивалась». То есть, на её чуть подвяленное тело наносился древний ямчатый декор. Раньше мастера использовали для этой цели палочки с разными примитивными вырезками на концах. Эти палочки служили штампиками. По телу слепленного животного ими делали вмятинки. Потом в эти углубления, – не во все, а выборочно, исходя из художественного решения мастера, – закапывалась тонкотёртая коричневая глина, смешанная с молоком. Там она высыхала, и выскрести её оттуда не было никакой возможности. Использовалась в подкрашивании копыт, глаз, рожек, хвостиков чёрная глина, смешан-

ная с молоком, или густо-коричневая. Чёрная глина – эта та самая беложгущаяся глина, – только в сыром виде, как я тебе уже говорил, она имеет чёрный или слегка голубоватый вид. Как видишь, наши предки на Саратовщине совсем не использовали ни анилиновых красителей, ни темперы, ни гуаши, а тем более масляных красок. Набор для изготовления был самый простой...

«Простой... А об игрушках этого не скажешь. Выглядят они не так уж и просто, – подумал я, – взять хотя бы того, купленного мною у Никитичны, конька».

– Я когда начинал торговать, один старичок подошёл и говорит: «Наконец, в Саратове опять ямчатая появилась. Думал, что сгинула, а она живая». На горшках сделать ямчатый декор – дело нехитрое, круглая форма принимает любое сочетание, а вот в игрушечном деле такая разделка поверхности представляет определённую сложность. Ладно еще, если надо подчеркнуть штришками вьющуюся гриву у коня или обозначить ресницы или глаз – это и в других местах делали. Но заслуга саратовских мастеров в том, что они стали геометрические штамповые рисунки наносить на тело игрушки, а это – особое искусство. Вот, посмотри-ка...

Петр Петрович показал мне только что слепленное изделие, по телу которого шли выдавленные геометрические рисунки, ещё без подкраски ямок.

– Видишь, и подкрашивать не надо, рисунок сам за себя говорит. Раньше некоторые игрушечники и совсем не подкрашивали, продают, и хорошо. Главная особенность рельефа состоит ведь в том, что свет, когда попадает в ямочки, отражается по-разному. Каждая вмятинка по-своему лучи отражает, потому и глаз привораживает. А гладкие изделия, те всей боочиной отражают, глаза слепят.

Я разглядывал будущую игрушку: неподкрашенный рельеф выглядел весьма эффектно. Крестики, точки, звёздочки веером расходились на груди коня.

– Неотмирность какая-то, – сказал я, пытаюсь проникнуть в идею рисунка.

– Именно так... – удовлетворённо сказал игрушечник. – Это ты правильно уловил и слово хорошее подобрал. Вот видишь, сам и определил главную особенность саратовской глиняной игрушки – «неотмирность». А по-нашему – просто сказочность. Обрати внимание: вроде те же лошадки, свинки, птички, а убери геометрический рельефный декор – и всё пропадает.

Как бы в подтверждение своей мысли, он поставил на стол другого конька, точно такого же по форме, но не декорированного ямчатым декором. И пристально посмотрел на меня, желая узнать реакцию.

Отличие было разительное. Гладенькая лошадка проигрывала в главном – это была просто лошадка,

каких тысячи. А вот лошадку с рельефным декором и лошадкой как-то неудобно было назвать: в ней была некая фантастичность при абсолютной реальности: настоящая лошадиная голова, туловище, ножки-глиняные палочки. Всё, вроде бы, такое же, но совсем не такое.

– Дух другой, – выразил я своё ощущение.

– Верно, Евгений, – тем же удовлетворенным тоном сказал Африкантов, – вот в этом духе и вся изюминка. И выражается сей дух вот таким нехитрым способом: точками, крестиками, то есть ямками, а в целом иносказательно.

Пётр Петрович довольно потёр руки и повел речь о технологии дальше:

– Рисунок штампиками наносится не абы как. Это – очередная сложность. Каждая ямочка – это готовый неплоскостной рисунок. Он может быть мельче, глубже, но это все равно рисунок. Из таких оттисков составляется композиционный рисунок, который формирует характер изделия. Больше применил колечек – получился один характер изделия; заменил колечки на квадратики или крестики – стал характер совершенно другой...

Я засмотрелся на игрушки. Что-то обволокло мою душу, нереальное стало реальным, и лихой конь с косящим зраком, с множеством звёздочек на спине, предстал предо мной в совершенно ином плане: звёздочки – это Млечный путь в необъятном космо-

се, и по этому Млечному пути скачет конь, унося на своей спине вцепившегося в гриву малыша...

– Похоже на то, что ваша игрушка помогает человеку подняться над действительностью, осознать свою значимость, подсказывает ему, что человек – это создание божественное... Что земля – это его временное пристанище...

– Каждый человек, глядя на такую игрушку и размышляя, достигает до своего уровня понимания, – тихо и серьезно сказал мастер. – Это я хорошо осознал, стоя за прилавком. Вопрос с ухмылкой: «Почём, дядя, лошадь?» – это одно состояние души. И совсем другое дело, когда человек присаживается рядом с моим ящиком на корточки и долго смотрит, как вы тогда, помните?.. Я раньше думал: «Чего это они там разглядывают?». И только потом осознал – когда у одной покупательницы на глаза навернулись слёзы...

В коридоре раздались ребячьи голоса. Я понял, что идёт на занятия другая группа. Но прежде в комнату вошла статная девушка, старшеклассница. Немного смущаясь, она протянула Петру Петровичу на ладошке красивую глиняную птицу, изукрашенную ямчатым декором.

Лицо Африкантова просветлело:

– А ты говорила, не получится!..

– Форма получилась, Петр Петрович, а свисток всё равно шипит. Чего я ему сделала, чего он сер-

дится? Как в детстве гуси шипели, так и сейчас шипят.... Я вам оставлю, посмотрите, пожалуйста, а я после уроков зайду... ладно?

– Заходи, Ириша, заходи.

Девушка, окинув меня взглядом, вышла.

– Узнал? Нет? – спросил мастер.

Я нерешительно пожал плечами.

– Да Иришка же это, правнучка Никитичны с Сенного!

– А, это у нее всё свистки не свистели, а шипели! Помню-помню, только разве её сейчас узнаешь.... Вон какая стала! К вам, значит, ходит лепке учиться?

– Не только учиться, – довольно сказал Африкантов, – она и сама уже дипломант областного конкурса. Видно, в прадедушку пошла. А свистки у нее свистят, да ещё как, только она желает достигнуть в этом искусстве особого полёта.

Что-то дрогнуло в моей душе. И я тут же решил вернуть Иришке купленный когда-то у Никитичны свисток. Как-никак, а родовая память, семейная реликвия.

Через некоторое время я исполнил задуманное. Описывать, какое это действие произвело на девушку, не буду: не всё можно рассказать словами...

В коридоре гудела толпа ребятишек. Я заторопился и, чтобы не мешать педагогическому процессу, вышел, наскоро попрощавшись. Мимо меня спешили

улыбающиеся дети, и мне на миг захотелось самому стать таким же шумливым и беззаботным. Они спешили в сказочный мир Петра Петровича...

За дверью раздавался голос педагога, и я поневоле остановился, вслушиваясь.

– Сегодня мы будем лепить с вами саратовскую глиняную игрушку – «сушку». Для этого подходит любая глина, которую вы найдёте. Белая глина – лепите из белой; жёлтая тоже годится; на красную набрали – делайте из красной. Только совсем тёмные не берите. У нас в Саратове делали игрушки из разного цвета глин. Основной цвет глины не закрашивали, а наносили на него штампиками рельефный геометрический рисунок. В качестве штампиков можно использовать колпачки от фломастеров, ручек, пуговицы и так далее. После этого вмятинки от штампиков заполняются гуашевой краской. Для начала используйте один простейший штампик-шарик и вмятинки от него заполните краской одного цвета, коричневой. Увидите сами, что получится. Привыкните сначала к одному штампiku, не рвитесь использовать множество, бойтесь штампиковой мазни. Рисунок должен быть говорящим. Даже одним штампиком можно создавать очень интересные, насыщенные композиции. Простейшим штампиком может послужить обыкновенная шариковая ручка. Чем больше вы найдёте штампиков, чем удачнее составите рисунок, тем интереснее получит-

ся ваша игрушка... Вот посмотрите на эти две игрушки: в лепке они совершенно одинаковые, а расточка разная, потому и характеры получаются разные...

Лето 2010 года выдалось жаркое, 37 градусов в тени. Но в кабинете у Африкантова было прохладно и уютно, как и прежде. Хозяин встретил меня приветливо, я видел по глазам, что ему не терпится мне что-то рассказать.

– Что новенького, Петр Петрович? – осведомился я. – Как житье-бытье?

– Всё прелестнейше, Евгений, – воскликнул старый игрушечник. – Вроде как такого и быть не могло, а вот на тебе – раз, и есть!

Справившись с волнением, он начал рассказывать: – Вот тогда, после наших бесед, ты очерк написал. Хороший очерк, мне понравился – и про деревенку нашу и про устои, всё верно. Только мы оба врунами оказались! Вернее, это я врун, а не ты, потому как с моих слов всё тобой писалось. Только и я на тот момент всего не знал. А тут случай подвернулся... Помнишь, я тебе говорил про родственницу свою по отцовской линии, – она игрушкой занималась.

– Конечно, помню. Я же это и в очерке отметил, что была такая, в Саратове жила. Как вы сказали – так и написал.

– Так вот, что продавала – это точно, только в Саратове она тогда не жила. В общем, не суди строго, что люди говорили, то и я повторял. А теперь кое-что прояснилось и, в общем-то, подтвердилось.

– Что, нашёлся человек, кто её хорошо знал? – удивился я.

– Бери выше, – улыбнулся Пётр Петрович, – нашлась она сама...

– Неужели! Сколько же ей лет? Вы тогда о ней говорили в давно прошедшем времени.

– Говорил... говорил, но тогда было одно, а теперь другое. На сегодняшний день она самая старая жительница нашей исчезнувшей деревни. Можешь записать – Пахомова Пелагея Андрияновна, вот так вот. Пелагея Андрияновна была подростком и помогала своему отцу и моему деду, Андрияну Илларионовичу, продавать игрушку.

– Так, что же, ваш собственный дед лепил, а вы и не знали? Так получается?

– Стыдно признаться, Евгений, но именно так. Только добавлю – не просто лепить, а профессионально лепить. Я ведь раньше и не знал, что происхожу из рода игрушечников. А тут как-то стал стариков расспрашивать, которые в Малой Крюковке родились и жили, приехал в город Энгельс, к Смысловой Антонине Николаевне. Бабушке уже восемьдесят один годок стукнул, а всем интересуется и многое помнит. Я её спрашиваю, мол, так и так, же-

лательно игрушку старую найти. А она мне на это и отвечает: «Это она у вас в доме должна была сохраниться в первую очередь». Ну, у меня от недоумения глаза на лоб, а она добавляет: «Это, Петруша, твой родной дедушка лепил. На моей памяти он уже много не делал, только лепил игрушки младшему сынишке Васе и внучатам. Но о том, что игрушкой он, как сейчас говорят, профессионально занимался, я от своей мамы и от бабушки Маши слышала. Да ты у тётки своей, у Дуни спроси – она постарше меня, поточнее об этом скажет».

Вот тебе и раз! Такого сюрприза я, конечно, не ожидал. Бросился к тёте Дуне, благо, та рядом живёт. Она с двадцать третьего года, восемьдесят семь лет исполнилось. Просвети, говорю, дурака, знать не знал, что мой дед Андриян из глины лепил. А тётя Дуня в ответ: «Лепил, как не лепил. Я маленькая была, но помню. По вечерам лепил. Мама, помню, шьёт чего-нибудь, а он лепит. Семья большая, каждому всё надо. У мамы швейная машинка «Зингер» была, это было её приданное. Она шьёт, а тятя за столом сидит, лепит. Я, малая, то на машинку смотрю, как у неё детальки двигаются, то к тятю подсаду. Возьму глину, тоже лепить пробую. Тятя свисток слепит, свистнет, аж уши заложит – и даст мне. Вот только это в памяти и осталось, больше ничего не помню с того времени».

Рассказывая, мастер буквально весь светился от удовольствия. Это настроение передалось и мне.

– «Так он, – говорю я ей, – что же, игрушки эти продавал?» А она: «А просто так кто ж делать будет? Праздно у нас в деревне никто время не проводил. Сестра моя старшая, Мария, говорила мне, правда, что лепил он игрушки на продажу только по одиночеству, до образования колхоза, тогда ему примерно сорок пять лет было. А еще и так просто, для забавы внуков, лепил. Помню, младшенькому сыну Васе, он у нас с тридцать восьмого года, слепил большую лошадку, красивую такую, грива завитая, хвост колечками. Вася на неё верхом садился и так-то радовался, так ему весело было! Лошадка высокая, примерно до колен, без чужой помощи он на неё даже и забраться не мог. Вот, и такое в памяти всплыло. Больше, кажись, ничего не вспомню. Но ты к Пелагее поезжай, к тётке и крёсне своей, она постарше меня будет, она с тятей в Саратов на базар ездила, она и расскажет». Я ей наводящий вопрос даю: «А из детей Андрияна никто больше этим делом не занимался?» Она отвечает: «Из нас только Пелагея да Василий были даровитые. Васе это дело сильно передалось – что хошь слепит. У него в подвале целая маленькая мастерская была. Уйдёт туда и не показывается. Его все племянницы и племянники очень любили, так к нему и липли. А он налепит им всяких игрушек и с ними же играет,

только понарошку. Тятя его куда-нибудь пошлёт, а он с детьми заиграется и забудет про всё на свете... ну, за это тятя его ругает...».

Вот, послушал я тетю Дуню, и думаю: ну, дальше в лес – больше дров. Я-то считал, что это я один такой в роду молодец, а оказывается, и не молодец вообще. Обидно, что всё это узнаёшь только к шестидесяти, а кого винить? Сам виноват – не спрашивал, не интересовался. Думал, что если сейчас не лепят, то и никогда не лепили... Излишняя самонадеянность к добру не приводит! Ну, думаю, надо теперь ехать к крёсне. Крёсна же мне родной тёткой по отцу доводится, как и тётя Дуня, а я ей, стало быть, родной племянник. Я был у неё года три назад в Полчаниновке, только мы о моём занятии игрушкой и не говорили совсем. Она знала, что я работаю в школе учителем. Почему же я ей не сказал, что учу детей лепить из глины? Глядишь, и она бы разговорилась, вспомнила, тогда бы не пришлось технологию по крупицам собирать. Эх, умён мужик задним умом! В общем, поехал. Крёсна в это время временно в Саратове жила, её туда внучка Лена из деревни взяла. Еду, значит, я тётку навещать, а самому стыдно, что столько времени у неё не был. Встретились. Ей хоть и девяносто четыре, один глаз только видит, но ума не потеряла, шутки шутит. А памяти моей крёсны позавидовать можно, особенно хорошо она помнит давние события. Это, говорят, старикам

присуще. Много я ей в тот день вопросов задал, долго разговаривали. От тогдашнего её рассказа и сейчас еще голова у меня кругом. Уехал от неё, а вопросов ещё больше появилось, чем было раньше. Браню себя, что не спросил про то, про это...

– А вы съездите, да и доспросите, – решил я прервать монолог мастера.

Тот помолчал, поразмышлял. Потом взглянул на меня:

– А может быть, вместе махнем к ней? Ты свои вопросы задашь, а я свои... Боюсь я, что опять чего-нибудь не спрошу, забуду...

– А разве можно?

– Так дверь не закрыта! Созвонимся с внучкой, и всё. Из первых рук оно лучше будет, чем в пересказах...

Нечего и говорить, что я с радостью согласился.

На следующий день мы уже были в Елшанке. Пелагея Андрияновна встретила нас радушно. Бабулька оказалась бодренькая, с живинкой в глазах, красивые черты лица просматривались даже в ее девяносто четыре года. И она, действительно, всё отлично помнила, даже все имена.

– Тятя игрушки красивые делал, ладные, – начала бабушка Поля, – по единоличеству на лошади в Саратов ездил, продавал. Да не то, чтобы одни игрушки, а масла, яиц, сметаны, творогу накопит, за-

пряжёт Махорку, так лошадь звали, и на базар, вот как это было. А игрушечное дело он от своего отца перенял, от дедушки Иллариона. Лепил по вечерам, чаще поздней осенью, зимой и ранней весной, когда в поле ещё работы нет. В деревне у нас почти в каждом доме чем-нибудь, да занимались: кто шорничал по вечерам, кто сани делал, кто дуги гнул, люди без дела не сидели. Например, Захар сани и телеги делал, у него отапливаемая мастерская во дворе была, Степанкины кожами занимались. А игрушки в деревне только наш тятя делал, боле никто. Дедушку Иллариона я не помню, только говорили, что тятя в него пошёл. Мы откупщики были. Дед Илларион сперва в Большой Крюковке жил, потом от барина откупился и в Малую Крюковку переехал с семьёй. Лентяем, понятно, не был, и голова была на плечах. У нас в семье всегда три лошади было. Тех лошадей не помню, как звали, а на Махорке мы в город ездили. Помню, мне хочется в Саратов, а тятя говорит вечером за столом: «Возьму того, кто не проспит». А как не проспать, ведь уезжал затемно. Так я верёвочку одним концом к ноге привяжу, а другим – к дверной петле. Тятя на двор идёт лошадь запрягать, дверь открывает, а меня верёвочка – дёрг за ногу. Пока тятя сбрую выносит да лошадь выводит, я уже в телеге на сене сижу. И до Саратова ни за что не усну. Дорогой, пока едем, всё мне интересно: по Петровскому тракту столько тогда людей шло и повозок

ехало, просто тьма-тьмушая: артели на заработки шли. Кто пилу на плече несёт, кто топор; обозы с товаром шли, на одного кучера – две, три упряжки. Обозники – люди крепкие, сплочённые; на них ведь нередко шайки грабительские нападали; тятя говорил, что у обозников и ружья имеются. А Саратов начинался там, где сейчас Сенной базар. Я тятю продавать помогала, он масло да творог продаёт, а я игрушки: сижу да нахваливаю, в свистки посвистываю. Тятю это нравилось, а мне хотелось вперёд тятю всё продать, да еще по базару походить, на игрушки да на всякую всячину поглазеть, а если удастся, то и выспросить, что и как делается... Я бедовая была. Тятя говорил: «Какой толк Ефимку на базар брать, будет только сидеть и покуривать, пусть уж лучше дома, хозяйством занимается», – это он о старшем сыне так говорил, тот меня на два года постарше был. Ефим у нас всегда дома хозяйством занимался. Если отец лепит, то он со скотиной управляется...

– А вы с отцом игрушки и по другим деревням продавать возили, Пелагея Андрияновна?

– Нет, мы только в Саратове продавали, заодно уж ездить, творог и масло везёшь – ну, и игрушки к ним. Для нас главным был земельный надел, живность, а игрушка была как бы в довесок, надо же было чем-то зимой заниматься. Тятя у нас мастер был хороший и придумщик редкостный. Как приедем на базар, в первую очередь к нам игрушечники

бегут – посмотреть, что привезли. Я, конечно, по ихним рядам тоже пробегусь, посмотрю, что у них новенького. Край уха слышу, как по рядам про нас говорят: дескать, пока Андриян здесь – торговли у нас не будет. А это потому, что у нас игрушки интересные были: кувырчалочки, шаталочки, свистульки на разные голоса. Тятя – страсть, какой придумщик был!

– А заказы на игрушки вам поступали?

– Тятя заказы не принимал, потому как мы не каждый день игрушкой торговали. За шестьдесят вёрст часто не наездишься. Кто из игрушечников в городе жил, тем было удобнее, базар ведь рядом, у них там и свои места были.

– И до какого же времени ваш отец игрушку лепил?

– У нас в деревне в тридцать первом году колхоз организовывался. Только не сразу с этим дело пошло. Первый колхоз развалился. Всю скотину отвели на общий двор, а потом опять её по домам развели, спорили – страсть как. Потом начальство с района приехало, стали уговаривать, грозить, опять на общий двор скотину повели. А как колхоз образовался, всех лошадей в одну конюшню свели, тут и вся жизнь изменилась. В единоличестве – это одно: своя лошадь, куда хочу, туда и еду, что хочу, то и делаю, а в колхозе стало не так. Вот тятя и лепить перестал. Кто ж тебе лошадь даст в Саратов ехать игрушки продавать? А на себе не понесёшь. В три-

дцать третьем голод был страшный, все лошади в нашем колхозе передохли от бескормицы...

– В общем, можно сказать, что ваше семейное занятие игрушкой в тридцать втором году закончилось окончательно, – подсказал я.

– Можно сказать и так, – утвердительно ответила баба Поля. – В колхозе уже не лепили, нет.

– А вы сами лепили?

– Лепить лепила, как не лепила!.. Но не так хорошо, как тятя. Как говорится – каждый спляшет, но не как скоморох. С десяти лет я тятю глину для игрушек мять помогала, а в шестнадцать уже на равных с ним в Саратов ездила, продавала. Тогда дети воспитывались не как сейчас, сейчас до женихов не работают. А у нас Ефим подросток был, а уже на тройке пахал.

– Как это, на тройке?

– А так – две лошади плуг тянут, а третья сзади борону. Поди-ка, управься...

– И отец, значит, бросил игрушкой заниматься? – спросил крестную Петр Петрович.

– Если б в Саратове жили, или где поближе, то бы так и лепили. А так, что ж...одни мытарства.

– А у крестника вашего игрушки – на отцовские похожи?

– Схожие-то они схожие, только у крестника бросче. У нас ведь тогда и красок таких не было... так, глазки сажей намалюешь да красной глиной по белой в ямки вкапаешь, или коричневой, если в обжиг идёт, вот и всё. Тятины игрушки смешливее

были, но это от характера мастера зависит. Глазки у зверушек, я смотрю, он авторучкой делает, вытащит из неё стержень – вот тебе и глазничка. А в то время всё палочками делали. Палочки кончик скруглишь на камне, проволоку в печке накалишь, да в середину закругления ткнёшь. Эта прожженная дырочка в торце и даёт сам зрачок. Для маленьких размером игрушек делала я маленькие глазнички, для больших – побольше. А их больше трёх и не требовалось. Ещё делались глазнички без закруглений торца у палочки. Такими глазничками у «людей» глаза оттискивали.

– А почему не теми?

– Если «человеку» глаз полукруглой глазничкой оттиснуть, то он неестественный получается, а у «зверей», наоборот, выразительней становится.

– А что ваш крестник не так делает, не традиционно, что ли, не по-семейному?

– Его игрушки я сначала за тятины приняла. Даже удивилась. Вот ведь как талант передаётся. У него своего много. А из старинных... Не вижу я у него коричневой игрушки с серым крапом, когда по коричневому телу вмятинки палочками делаются, а потом в эти вмятинки серо-белая глина закапывается и наоборот. Тятя такие делал...

Пелагея Андрияновна горестно вздохнула:

– Эх, только не пойму, зачем вам всё это надо? Почитай, восемьдесят лет с тех пор прошло... столько лет минуло... Всё быльём поросло – и деревня, и игрушка наша...

Мы с Петром Петровичем переглянулись, покивали и опять взялись за своё.

– Наверное, помните, где глину брали? как готовили к лепке?

– Глина у нас в двух местах была: на выгоне, за домом, где Таня Степанкина жила, там светло-коричневая. В Тарнах, около кладбища, белая, это с другой стороны деревни, где Васянька жил, Тани Степанкиной зять.

– Ну, вот, а говорите, что всё забыли.. вот даже и про Васяньку вспомнили

– Не надо всё это никому... Тогда не надо было, а теперь и подавно...

– Надо, баба Поля, ой как надо! – заметил я. И задал новый вопрос:

– Но что ж никто из детей по стопам отца не пошёл?

– Самым срушным в этом деле младшенький Вася у нас был, больше никого. Он и слепит, и вырежет из дерева, залюбуешься. Таких людей у нас «срушными» называли.

– Значит, талант был, а всерьез не лепил?

– Большой талант был. Только жизнь в его молодые годы к иному звала, глиняную игрушку тогда пережитком прошлого считали. Разве молодой парень будет ей заниматься!.. засмеют! На прораба пошёл учиться. А талант был. Когда учился в технике, игрушками подрабатывал, только сам не продавал.

После паузы Пелагея Андрияновна подытожила:

– Чтоб настоящую игрушку сделать – одного таланта маловато, к этому призвание должно быть. Талантливых людей много, а призванных мало.

– А муж ваш, Михаил Павлович, лепить не помогал?

После этого вопроса баба Поля от души рассмеялась.

– Нет, не помогал. Человек он был работающий, но и погулять любил. Бывало похмелиться ему нечем, так проказник, игрушки потихоньку от меня возьмёт и продаст кому-нибудь. Глядь, уже под хмельком идёт.

Баба Поля немного помолчала и добавила:

– У него другие таланты были. Миша мой прирождённый был артист. Бывало зайдёт в дом с работы, увидит по телевизру балет показывают, так он прямо в полушубке и валенках точь в точь скопирует все движения балерины...

Певун был и частушечник. На ходу частушки сочинял. Его на гулянке никто перепеть не мог.

– Может быть он и о игрушке сочинял?

– Обо всём сочинял и об игрушке тоже...

– А может быть вы вспомните какую? Интересно...

Баба поля немного подумала и тихим голосочком пропела:

С глиной мается Полина,

Мается и мажется,

Слепить Поля индюка

Никак не отважится. (Смотри приложение 2).

Это он про меня сочинил. – И улыбнулась.

Возвращались мы от бабы Поли в приподнятом настроении.

– Трудная у неё была жизнь, не позавидуешь, – заметил Пётр Петрович, – внуков и правнуков вырастила. Двух детей схоронила. Вот так оно в жизни бывает наверчено.

– А игрушки, лепленные ею, какие-нибудь сохранились?

– Тогда другое отношение к ним было. Что не продали – ребятишки порастаскали... Знаешь, дорогой Евгений, сколько я дорог исходил, чтобы саратовскую игрушку возродить, технологию восстановить. А технология – вот она, всё время рядом была. Пойди и спроси, как дед лепил... эх, кабы знать...

– Пётр Петрович, а как, по-вашему, саратовская глиняная игрушка – это явление уникальное в культурном слое планеты?

Африкантов засмеялся.

– Ох ты, куда хватил! Жаль, что не о вселенной спросил, со всеми её галактиками и туманностями.

Помолчав, он ответил уже всерьез:

– Думаю, что эта игрушка имеет только местное значение. Просто жили люди, ваяли игрушку себе на потребу, воспитывали с её помощью детей, украшали этим свою всегда трудную жизнь...

– Но, всё-таки, делали ее именно так, а не по-другому...

– Для этого были свои причины. Если говорить о конкретике, то в других местностях тоже применяли

метод ямчатого декорирования, как сосудов, так и игрушек. Правда, после нанесения штампикового рисунка изделия там покрывали глазурью. Глазурь затекала в штампиковые углубления, сгущалась в них, получались рельефные затемнённые участки.

– А на Саратовщине, значит, штампиковые углубления подкрашивали, а не глазурировали...

– Глазурь, сгустившаяся во вмятинах и имеющая более тёмный цвет, тоже их подкрашивала, дорогой мой Евгений, разве это сложно заметить? Мы замечаем, и наши предки замечали. Они ведь не сидели на месте, они ездили по другим городам на заработки, видели, что делают другие мастера, сами старались воспроизвести увиденное. В искусстве, Евгений, мало что начинается с нуля, за какую ниточку ни потяни – всё выведет к чему-то более древнему. Так что, тут никакого открытия нет, тем более во вселенском масштабе! – мастер вновь засмеялся. – Нет, наши предки не первооткрыватели этого способа декорирования. Но вот о том, что они взяли его себе на вооружение, применили в своём игрушечном творчестве, развили его до определённых пределов, отработали геометрический рисунок, создали свой стиль – об этом говорить можно и нужно, такого нигде нет!

– А игрушку всё же восстановили вы, а не кто-то другой, – упорствовал я.

– Забывать ничего не надо, тогда и восстанавливать не придётся! Общаться друг с другом нужно почаще, знать историю своего и чужого рода, по-

ближе друг к другу быть! Это – не только мне и тебе наказ, а всем, можно сказать, всему нашему не только роду, но и народу... Если же говорить обо мне, то я с большой радостью поменяю слово «возрождатель», которое частенько в отношении меня употребляется, на слово «продолжатель». Проще сказать, не я теперь в этом деле всему голова, а дед Андриян! Так-то, мил человек. То, что ты там раньше в статье написал, подправь, если можно. Не люблю я этого слова «возрождатель», корявое оно какое-то. Вот «продолжатель» – совсем другое дело!

Мастер немного помолчал.

– А если, Евгений, ещё глубже копать, то игрушка в наших местах гораздо раньше была, ещё до появления Саратова. Это показывают раскопки Увекского городища. В этом средневековом городе был русский посёлок мастеровых людей. В их мастерских, по всей видимости, и вырабатывалась глиняная игрушка. Её сейчас находят. Она даже глазуровалась. Вот так-то. Так что, не мы первые и не мы последние.

– Средневековый город – это иная культура...

– Я не говорю про весь город. Я говорю про русскую общину в этом городе. Там были православные церковь и монастырь... Смекаешь?

Я слушал Петра Петровича и думал о превратностях человеческой судьбы. Верно, говорят, что яблоко от яблоньки недалеко падает. Вот и Пётр Петрович не с небес свалился, и он оказался простым яб-

лочком, которое откатилось от яблоньки чуть дальше своих собратьев. И все-таки... все-таки сам Пётр Петрович – в каком-то смысле, загадка. Ведь не зря же его тянуло к лепке! Ещё в издательстве он работал, а в библиотеку уже ходил, книжки по керамике читал... И пусть лепил он больше по интуиции, но в результате этой интуитивной лепки даже баба Поля его игрушки за отцовские приняла. Каким образом сохранились и передались древние знания? Загадка... Увекские игрушки тоже загадка. Может быть не только люди, но и сама земля, как тело умное и живое, тоже передаёт знания, или побуждает людей к их передаче, к восстановлению утерянного? Непостижимо...

А послесловие к очерку я Петру Петровичу твердо пообещал написать. «Сегодня же засяду за очерк, – решил я, – и, что бы там ни было, обязательно напишу про Махорку, Ефимку, про бабушек-старушек и про девчонку Полю, которая сидит в тряской телеге и прижимает к себе корзинку с игрушками. И про дядю Васю, которому бы лепить, да лепить, а не бежать за призрачной звездой прогресса...».

Как это было?

*Вспоминают жители деревень Малая Крюковка и
Большая Фёдоровка, Татищевского района.*

Октябрь – ноябрь 2010 года.

Пахомова Пелагея Андрияновна, год рождения 1916-й.

В молодости я была озорная, активистка. Где, какое собрание, то я обязательно там. Время ещё было такое, коллективизация, первые колхозы, всё в новинку. Вот, как после Горбачёва, всё перевернулось и всё людям в новинку стало, так и для нас тогда. Назвать жизнью это было нельзя, выживали. Наша семья до революции крепко на ногах стояла. Конечно, не ленились, жили дружно. Отец мой ни дровни, ни телегу никого не просил делать, всё сам и дугу согнёт и супонь совьёт. А когда на поле работы оставались, он садился игрушки лепить. Это только с виду вроде всё просто, а кому бог дара не дал, то ничего не получится.

Вы просите меня рассказать чего-нибудь. А что рассказывать? Вот скажу, что в Саратов ходили пешком после коллективизации. Идёшь, да ещё сметану, творог и игрушки на себе тащишь, чтоб

продать. Вот и считайте: туда пятьдесят с лишним вёрст и оттуда.... И ведь ходили. Коллективизация наше игрушечное дело подкосила.

Глиняные игрушки – товар был доходный. Вот смотрите, чтоб от коровы маслице иметь, надо сарай построить для неё, сена накосить, хлеба подсыпать. Потом же корову пасти надо. У коровы молоко на языке и каждый день догляд. Вот и считайте. А игрушка: глины привёз, намял, слепил и всё. Тоже труд, но уже другой, от погоды на улице не зависит. На улице пурга, метель, а ты в тепле и уюте, за столом игрушки лепишь.

Свистки были самым ходовым товаром. Их больше всего делали. Да, тогда кроме самодельных игрушек больше никаких и не было, это сейчас их по магазинам пруд пруди. Потом, игрушки сейчас машины делают из пластмассы, а тогда из глины да из тряпочек мастера делали. Я телевизор смотрю, вижу и сравниваю. Разница в производстве большая, что тысячу изделий за день наштамповать, а то и больше, а что десяток копилочек слепить. Мастер хоть и использует при этом гипсовую форму, но основа всему всё равно – руки, а там ещё высушить надо, обжечь, подкрасить, так, что за машиной не угнаться.

В нашем роду игрушечный промысел пошёл в гору, когда со службы пришёл мой двоюродный дедушка Григорий Африкантович. Он был солдат. В армии прослужил двадцать лет. Взят был на царёву службу в 1845 году, а пришёл со службы и женился в

1866-ом. Участвовал в Крымской войне. Затем служил унтерофицером в Санктпетербургской команде внутренней стражи. Видел двух царей Александра второго и Александра третьего. Человек был грамотный и бывалый. Всех братьев выучил грамоте. Он и привёз, после демобелизации, в деревню тамошние краски. Солдат Григорий не только краски привёз, но и рассказал, как их в тамошних краях делают. Сам он игрушку не лепил, только о красках говорил, ему некогда было. Да и за время службы от крестьянского житья- бытья отвык. Он был вольнодумец. Всё куда-то уезжал надолго, а землю его братья Илларион и Евдоким обрабатывали. Семью солдатскую кормить надо.

Краски хоть Григорий и привёз, а вот один в один их у нас было не сделать, оттенок получался всё таки другой. А тут много от цвета зависит. Краску переиначили на свой лад. За основу взяли краску ту, что испокон века делали, к ней добавили то, что у привозной понравилось. После этого наша игрушка поинтересней стала и поприбыльней, потому как покупать её стали лучше. (Саратов, посёлок Елшанка).

Евстифеева Евдокия Андрияновна, год рождения 1923-й.

Семья у нас была большая дружная. Я помню, как мой отец лепил из глины игрушки: козликов, барашков, гусей, уток. Особенно мне запомнились петушки. Их было много разных. Одни из них поют,

голову к небу подняв, другие клюют зёрнышки, третьи друг на друга хохлятся; клушки с цыплятами гуляют и обязательно один из цыпляток на матери сидит. Такие у них повадки – под крыло спрятаться и оттуда выглядывать, или на спину курице забраться. Ещё делались кувырчалочки. Это когда медведь через голову кувыркается, или медведь с мужиком борется. Тятя это в цирке видел; на такие игрушки спрос хороший был. Делались ещё шаталочки. Так кур, гусей и уток делали. Тронешь игрушку-шаталочку, она покачивается и вроде клюёт. Все игрушки придумывались и брались из жизни. Я была маленькая, но играть в них любила. Особенно мне не нравилось, когда сделанные игрушки увозили на базар. Я даже плакала по своим любимцам, так мне их было жалко. Некоторые игрушки прятала, спасала от продажи. Мне тогда казалось, что я игрушкам доброе дело делаю. Мне за это не раз попадало. Ребёнок была, по-детски и мыслила. Я знаю, что в роду мои дедушка с бабушкой игрушничеством занимались. (Энгельс).

Ивлиев Василий Алексеевич, год рождения 1924-й.

Маленький я был, но то, что игрушку лепили помню. У детей на это память хорошая, как говорится, их интерес. О производстве игрушки, знаю больше по рассказам моей матери - Матрёны. Этим делом занимались Ларины, у них это по крови. Ларины – это их по уличному так звали, по деду Илла-

риону, а так – Африкантовы. То, что игрушку возили из Саратова и по деревням продавали, это факт. Игрушечник её на телеге возил. Помню, однажды собаки испугали его лошадь, точнее не её испугали, а жеребёнка. Жеребёнок побежал, собаки за ним, кобылица в упряже следом бросилась, жеребёнка спасать. Сундучёк с игрушками с телеги долой. Для игрушек это ничем хорошим не кончилось, вещь хрупкая. Гончар, те игрушки, что уцелели, подобрал, а мы, ребята, стали собирать глиняный бой, потом долго пытались из этого боя собрать и склеить тестом из ржаной муки игрушку. А вот уж получилось у нас чего или нет из этой затеи, не помню. Телегу с игрушками не только я помню, но и мои дети тоже помнят, только старшие Людмила и Александр. Игрушки долго по деревням возили, продавали или меняли на что либо. Просто в нашей деревне игрушечный промысел загдох, а где-то в самом Саратове ещё теплился. (Саратов).

Егорова Антонина Ивановна, год рождения 1925-й.

– У нас, в Малой Крюковке, только в одной семье игрушки делали, у Лариных. Это их по-уличному так звали, по дедушке Иллариону. Глина у нас в деревне была белая и коричневая, из этих глин и делали.

Запомнила ещё, рассказывали, как Пелагея Андриянова от волков игрушками оборонялась; волк к ней, а она в него игрушками из ведра. Мы потом на

это место бегали и игрушки искали. Кто-то находил, а я нет, видно невезучая. Васянька Ивлиев всех больше нашёл, а увидел, что я ничего не нашла, то и поделился со мной. Только потом уже не помню, чтоб кто кроме Пелагеи Андрияновны лепил. Гораздо позже стали в деревню игрушку на телеге возить из Саратова и продавать.

Пелагея весёлая была и очень красивая, таких красивых в округе не было, разве только её сестра Анна. Пелагея нам, детям, всегда маленькие игрушки давала. Игрушки были красноватые, а по ним точки и чёрточки разные выдавлены, их так разрисовывали. Мы, девчонки, эти игрушки в тряпочки заворачивали и как малых детей баюкали. (Саратов).

Филиппов Владимир Матвеевич, год рождения 1927.

Я по профессии лесник. Всю свою жизнь, до пенсии, проработал лесником. Знаю не только все леса и перелески в округе, но и в каком овражке какой кустарник растёт? Из одного хорошо мётлы вязать, из другого корзинки плести, разумеется, и где какая земля тоже мне ведомо, где камешек залегает, а где глина и для чего эта глина годится? Сейчас, например, вряд ли кто знает, что рядом с деревней Большая Крюковка был кирпичный завод. Там деревушка была небольшая – «Графка» по местному, или «Еленино», как по документам. Она на километр дальше от Большой Крюковки по речке стояла. Вот

между этими деревнями и завод был. Завод построили, потому что там находится залежь кирпичной глины. Глину брали в овражке, что от Лисьего куста к речке идёт и у Графки в речку впадает. Лисий куст – это лесок небольшой, рядом с Балашовским лесом. Из соседних деревень и из Большой Фёдоровки тоже, на этот завод люди работать нанимались.

В нашей местности, и особенно, около деревни Малая Крюковка залегают разные глины и по цвету и по свойствам. Так в Тарнах – белой глины залежь, в Песчановском лесу – тоже белая глина, только с большой примесью охры. Там на окрайке леса, ещё при царе, охренный завод был. От этого завода и сейчас ещё ямы остались. На выгоне, около самой деревни Малая Крюковка, жёлто-коричневая глина залегает. Из этих глин и делали в Малой Крюковке игрушки. Только это всё давно было. Я потому и знаю, что всегда всем интересовался. Я от роду любознательный. Интерес мой к глинам заключался ещё и в том, что я занимался валяльным делом. В старину шерсть перед валянием глиной мыли. Вот я и думал, использовать местную глину для мытья шерсти. (Село Большая Фёдоровка Татищевского района).

Смыслова Антонина Николаевна, год рождения 1929-й.

Мне рассказывала моя мама, Мария Андрияновна, она с 1910 года рождения, и бабушкина сестра

Наумова Мария Михайловна, она с 1893 года рождения, про то, как мой дед Андриян из глины игрушки лепил и продавал, и какие они у него чудные выходили. Я сама не помню, чтобы мой дедушка на продажу лепил игрушки, мала ещё была, а как стала помнить, то он уже только для внучат лепил понемножку, надо же нам было во что-то играть. Дед унаследовал мастерство от своего отца, Иллариона, а тот от своего отца, Африканта. Мама говорила, что это у нас по роду идёт. А потом двоюродный брат Петя стал этим делом заниматься. Не молодой ведь за это дело взялся, видно кровь сказалась.

Запомнила, что у дедушки был из глины слеплен большой конь, как настоящий и грива завитая и копытца точёные, глаза бойкие. На нём дедушкин младший сын Вася катался. Залезет к нему на спину и понукает. Глиняный конь, конечно, никуда не едет, а мальчику радостно. Вся деревня на этого коня приходила смотреть. Он всех поражал большими размерами. Я таких глиняных коней нигде не видела. Сейчас таких коней делают из дерева или пластмассы, на колёсиках. В Малой Крюковке, в доме дедушки большой резной шкаф стоял, до потолка, мамин двоюродный брат делал. Так в нём игрушки стояли. Ни у кого в деревне такого шкафа не было. Красивый такой. Я всё резьбу рукой гладила и игрушки через стекло разглядывала. Те игрушки, которые в

шкапу стояли, трогать не разрешалось. Этот шкаф был наподобии музейной выставки.

Дедушка Африкантова Петра Петровича по материнской линии – Ивлиев Иван Андреевич (1892-1960) и дедушка по отцовской линии Африкантов Андриян Илларионович, были в деревне уважаемыми людьми, жили тихо, мирно, с сельчанами в согласии, чёрных слов не произносили и к вину пристрастия не имели. Под стать им были и их жёны Ивлиева Пелагея Ивановна (1894-1953), и Африкантова Вера Михайловна.

Известен факт. В 1917 году, когда жители деревни бросились грабить помещичью усадьбу Теофила Вайдемана, в этих действиях из деревни Малая Крюковка не приняли участие только три человека – Африкантов Илларион Андриянович, Ивлиев Иван Андреевич и его сосед Пахомов Пётр Васильевич, это мой дедушка по отцу. Грешное это было дело людей грабить.

Если б меня лет на двадцать раньше об игрушках спросили, то я гораздо больше всего помнила, а теперь забываться всё стало. (Энгельс).

Африкантова Пелагея Ивановна, год рождения 1929-й.

Я вышла замуж и жила вместе с мужем в доме Андрияна Илларионовича. Свёкор был жив и жил с нами. Моим ровесником из семьи Лариных был Ва-

силий. Он, когда парнем был, то хорошо лепил из глины и из дерева вырезал. Особенно любил с ребятами возиться, они к нему так и липли. Намнёт глины, даст им, вот они и лепят. Думаю, что мой сын от него многое перенял, только мал был и забывал, а навык не забывается, его не голова, а руки помнят. Дядя, можно сказать, первый его учитель был. То, что сын впоследствии стал игрушечником – это дядина заслуга. Ведь он не просто мальчику технологию объяснял, это само собой. Он с ним в сделанные поделки играл по-настоящему, как дети с детьми играют, такой у Василия был талант, детей, забавляя поучать. Он и с Петиными сыновьями Костей и Антоном так же играл, только уже не лепил, старичок стал. Василий Андрианович был редкостной души человек. Я к игрушечному делу пристрастилась позже.

У нас в деревне, у Африкантовых, шкаф стоял высокий, под самый потолок, типа серванта, весь резной, удивительной красоты. Этот шкаф сделал двоюродный брат моего мужа Пётр Евтеевич. Ни у кого не только в селе, но и в округе такого шкафа не было. Так в этом шкафу за стеклом у нас игрушки глиняные стояли, память об дедушке Андрияне. Игрушки были беловатые и светло-коричневые, а по ним рисунки выдавлены. Когда из деревни переезжать в Саратов стали, то машина перевернулась, шкаф в дребезги, мы с мужем в разные больницы

попали, а игрушки в кювете остались. Чужие люди пожитки собирали. Самое ценное, на их взгляд, собрали. Не до игрушек тогда было, да и спросить не у кого.

Помню такой эпизод. У нас в деревне была саманка, хлевушок такой из самана сделанный. В нём свиней держали. Стенки жестью в саманке были обставлены, чтоб свиньи стены не подрыли. Так вот, когда жель эту оторвали, то за ней нашли глиняные игрушки и большого глиняного коня, высотой чуть ниже колена. Красивый такой конь, в яблоках, грива завитая, чёлка, узда, всё как у настоящей лошади. Яблоки, это такие круги оттиснутые. И видно, что эти круги тёмным чем-то подкрашены. Сам конь был желтоватый, то ли цвет у него такой был, то ли от навоза пожелтел, столько лет в свинарнике пролежал, да и пропах весь навозом. Я его хотела отчистить и ребятишкам дать, а муж воспротивился. Сказал, что он не допустит, чтоб его дети в вонючие игрушки играли и выбросил. Мне было жалко коня, я его искать стала, но не нашла, а муж смеётся – «не ищи, я его похоронил», закопал значит. Потом я свёкра спрашивала, где он этого коня лепил. Он мне сказал, что лепил его в этой же саманке, там раньше свиней не было. На этом коне его младший сын Вася катался в детстве. Где этого коня муж закопал, неизвестно.

Ещё была история с портретом Иллариона, это дедушка моего мужа. У нас была небольшая фотография Иллариона, пожелтевшая от времени. Старая фотография. Эту фотографию делали в Саратове. Старший сын Иллариона, Николай, был волостным старшиной. Человек он был грамотный, знающий. Когда они с отцом были в Саратове, зашли к фотографу. Фотография тогда была новинкой, как сейчас компьютер. Он сам сфотографировался и отца сфотографировал. Так свёкор рассказывал.

В семидесятые годы мы решили увеличить фотографию, сделать портрет. Тогда такая мода была портреты делать. По деревням ездили фотографы. Они фотографировали жителей деревни и брали фотографии на увеличение. Собрали мы старые фотографии родителей и отдали на увеличение. Отдали фотографию и Иллариона. Примерно, через месяц, привезли готовые портреты. Мы посмотрели на них и ахнули. Наши старики на портретах все приглаженные и причёсанные, помолодевшие, в костюмах с галстуками. Мы их никогда такими и не видели. Одну бабушку Веру, мать мужа, хорошо сделали, без украшательств. Её и украшать было не надо. Красивая была женщина, как нарисованная. Её портрет на стену в малокрюковском доме и повесили, а другие вешать не стали, потому что посчитали их испорченными.

Подпорченными оказались и фотографии, что мы фотоаппаратам отдавали. На каждой из них белой краской была закрашены разные места. На фотографии деда Иллариона было всё закрашено, что ниже бороды. В этом месте они костюм нарисовали. Видно у них тогда была такая технология. Только нам от этого не легче. Мы возмутились и отдали этим мастерам фотографии на переделку, чтоб сделали родителей такими, как были в жизни. А того не подумали – кто же краску с фотографий отдерёт? В общем, с тех пор ни фотографов мы в своей деревне не увидели, ни старых частично закрашенных фотографий. Портреты же сложили в папку с тесёмками, завязали и убрали подальше, а потом и забыли о них. (Саратов).

Ивлиева Тамара Васильевна, год рождения 1930-й.

У моего поколения в детстве игрушек покупных не было. Сами дети и делали себе игрушки. Кто из тряпок, кто из глины. У каждого по-своему получалось. Одни были мастеровитее, а другие нет. Из глины игрушки лепить было сложнее, чем из тряпочек делать. У нас в Малой Крюковке из глины хорошо лепил Васька Андриянов. Слепит, на солнышке высушит и на крыльце расставит. Мы ему семечек жареных дадим, а он нам куклят глиняных. Кук-

лят этих в пелёнки заворачивали, рубашечки на них вырезали из тряпочек, косынки повязывали. Потом он нам ещё кошечек делал, собачек, коровок. Куклёрка мы ещё могли из тряпочек скрутить, а вот коровку не могли. Это сейчас мягкой игрушки навалом, а тогда этого ничего не было. (Саратов).

Голубева Мария Николаевна, год рождения 1935-й.

Я как школу в деревне закончила, то сразу в Саратов уехала, стала на швею учиться. Жила у бабушки Маши на квартире. Она моей родной бабушки Веры Михайловны родная сестра. У неё комната была в центре, на ул. Челюскинцев. Комнатка была всего семь метров. Хорошая была старушка, богомольная. Она мне рассказывала, как мой дедушка игрушки лепил, как возил их в Саратов продавать. Ночевать он у неё всегда останавливался, больше нигде. Днём торгует, а ночевать к ней приходил в семиметровку. Она много чего помнила и мне рассказывала. У неё на столике под божницей, в красном углу, всегда несколько игрушек глиняных стояло. Я их любила в руки брать, а бабушка Маша не велела, боялась, что разобью. Она говорила, что эту игрушку ей дедушка Андриян подарил, когда на фронт уходил. Это ещё в первую германскую войну было.

А ещё, я хорошо помню, глиняную игрушку в городе на базаре продавали, весёленькая такая была,

беленькая и коричневатая, с разными тиснениями. Эти тиснения были подкрашены. Я уже взрослая была, невестилась. Остановлюсь и смотрю на красоту такую, пока продавец не прогонит, чтоб товар не загоразивала. Нравилась, а купить было не на что. Когда бабушки Маши не стало, то в её квартирке стала жить Аня Жирнова, это моя двоюродная сестра. Игрушки по наследству к ней перешли. (Саратов).

Филиппова Мария Ивановна, год рождения 1938-й.

Мы баню начали строить. На каменку камень-песчаник понадобился. Каменкой называется в бане печка. В эту печку вмазывается чугунный котёл для нагрева воды, а на дымоход накладываются дикие камни –песчаники. Эти камни при топке печи нагреваются и когда на них плещут водой, то они дают пар. Вот такое нехитрое сооружение. Мой муж Анатолий поехал за камнем в соседнюю деревню Малая Крюковка. Деревни уж не было, а камни-дикари оставались в фундаментах печей, которые не успели разломать. Дом Африкантовых был сломан последним и в фундаменте печи были эти камни.

Когда Анатолий фундамент разбирал, то наткнулся в нём на небольшую нишу. Она как раз ниже пола приходилась. Такие ниши делались, чтоб кухонный инструмент хранить. Рядом с печкой всегда вход в подполье устраивался, такая дверка в по-

лу с колечком, чтоб дверку поднимать. Удобно – поднял дверку, опустил руку и достал из ниши сковороду. Так в этой нише Анатолий нашёл несколько глиняных свистков и формочки из глины, чтоб эти изделия оттискивать. Формочки он не взял, а свистки-лошадки привёз, ребятишкам отдал играть. Один свисток дал Анне Жирновой, на память. Это ведь был дом её родителей. В нём жили её деды и прадеды. Её отец Пётр Андриянович игрушками, я знаю, не занимался. Тогда, значит, эти принадлежности были дедушки Андрияна. У этого свистка то ли год, то ли инициалы были натканы, сейчас уже не помню, но что-то было такое, потому Анатолий его и не отдал ребятне.

А ещё эта игрушка стояла у Африкантовых в шкафу: баранчики глиняные, коровки, свистульки разные. Красивый такой был шкаф, резной. Моя сестра была замужем за Петром Андрияновичем и я у них в доме часто бывала, жили то наискосок от нас.

(Село Большая Фёдоровка Татищевского района).

Жирнова Анна Петровна, год рождения 1949-й.

Я, когда в университете училась, то жила в Саратове на квартире у бабушки Маши. Она была умница и имела превосходную память. Бабушка Маша мне много про старую жизнь рассказывала и про то, какой мой дедушка был мастеровой человек, как он игрушки лепил. Когда я была маленькая, он уже их не делал, старенький был, зато нам с братом Петей

дядя Вася, папин брат, игрушки лепил. Ещё, бабушка Маша много всяких историй знала. Я хорошо запомнила её рассказ про петушишку. Я и сейчас себя браню за то, что ничего не записывала. Пока молодая была, помнила и на память надеялась, даже фотографии не подписывала, а зря. По рассказам бабушки Маши можно было книгу составить.

После того, как бабушки Маши не стало, её квартира со всем имуществом мне перешла. Я была её опекуном. Хотя по закону она тогда и не должна была за мной остаться, но добрые люди похлопотали. Бабушка Маша жила одна и игрушки у неё были как новые. Она никому их трогать не разрешала. Я, после смерти бабушки Маши игрушки в сервант поставила, это уже в другой квартире. Когда мои дети были маленькие, то взяли их и подкрасили: медведям синие усы подрисовали, курочкам платочки; дети есть дети. Чтоб совсем не разбили, я убрала их подальше, а потом и сама забыла, куда подевала. Нашлись, когда сарай ломать стали. Брат Петя стал их реставрировать, он уже игрушками занимался. Скоблил их, чистил.

Такие же игрушки стояли у нас в шкафу, когда мы жили в деревне. Те игрушки вместе со шкафом разбились при аварии.

Хорошо помню, как игрушку привозили к нам в деревню на лошади в телеге и продавали. В основном это были свистки. Свистки имели головы разных животных. Они были большие и маленькие, в боках у них были проделаны отверстия, чтоб звук

менять. Глиняные игрушки полностью не покрывались краской, а только вмятинки, штришки. Игрушки были обожжённые, розово-золотистые, а по ним вмятинки коричневатые. (Саратов).

Африкантов Георгий Николаевич, год рождения 1954-й.

Я родом из Сибири, живу в Новокузнецке. Мой прапрадед Африкантов Илларион Африкантыч. Именно, его два старших сына Николай (с внучатами), Алексей и сестра Акулина (это дети от первой жены Иллариона) уехали во времена П.А. Столыпина в Сибирь и поселились в селе «Городок», а дальше пошло расселение рода по сибирским просторам. Некоторым из родственников не всё пришлось за Уралом по вкусу, и они вернулись в Европейскую часть, осев в Самаре. В 2010 году, осенью, я приехал в Саратов, чтобы повидать те места, где жили мои предки. В ноябре 2010 года мы с Петром Петровичем поехали в то место, где стояла деревня Малая Крюковка. Трепетно забилося сердце, когда ступил на усадьбу Иллариона, чувство незабываемое. На бывшем огороде растёт ещё яблонька, посаженная Илларионом и очень старая дуля. Стоял на земле, где был дом моего прадеда Николая Илларионовича. Мой отец, Николай Владимирович, ему 80 лет, рассказывает, что моего дедушку Владимира Николаевича родители привезли в Сибирь мальцом.

Вместе с Петром Петровичем, мы раскапывали старые глинища. Я накопал глины, чтобы взять её в Новокузнецк. У нас там таких глин нет. Особенно мне понравилась бело-серая, лёгкая, мягкая, при добавлении воды очень эластичная. Глина эту набрал для дочери Ксении, она у меня тоже лепит, видно по крови это идёт, а старшая Екатерина глиной не занимается. Я тоже в своём роде глинолеп, только занятие для души у меня не с игрушками, а с печками связано, люблю класть печки. Красивое это занятие, тёплое и сердечное. Пётр Петрович поведал, что у них игрушки в русских печках обжигали, приеду домой и обязательно попробую обжечь игрушки из Малокрюковской глинки в русской печке. (Г. Новокузнецк).

Сергеев Александр Дмитриевич, год рождения 1953-й.

Мы с Петром Африкантовым в детстве дружили. Можно сказать, были - не разлей вода. Любимым местом у нас был овраг. На дне оврага протекал ручей. Там мы делали запруды, строили в глинистом берегу пещеры, и лепили всякую всячину. Я был специалистом по плотинам, а он по лепке из глины. Что можно сказать ещё про то счастливое время!? Нечего сказать. Счастливое, оно и есть счастливое.

**Родословное древо
игрушечников Африкантовых из деревни
Малая Крюковка.**

(имена игрушечников выделены и подчёркнуты.

Составитель древа Жирнова Анна Петровна)

Григорий (1718 – 1788)?

Жена – Устинья Петровна (1744 – 1807)

Андрей Григорьевич (1747 - 1823)

Африкант Андреевич (1794 - 1858)

жена – Фёкла Ильинична (1797 - 1858)

(От имени «Африкант» произошла фамилия «Африкантов».)

Сам Африкант фамилии не имел,
так как жил до отмены крепостного права.)

Африкантов Илларион (Ларион)

Африкантович (1835 - 1909)

(выкупился от барина, был женат два раза,
первая жена умерла от родов)

первая жена – **Африкантова Ефимия Борисовна** (1838 – 1880)

вторая жена – **Африкантова Анфиса Васильевна** (1855 – 1907)

Африкантов Андриян Илларионович

(1886 - 1958)

жена – Африкантова Вера Михайловна

(1889 - 1932)

Африкантов Василий Андриянович

1928 – 1998

жена – Африкантова

Мария Фёдоровна

(1931 – 2009)

Пахомова Пелагея Андрияновна

1916 – 2011

муж – Пахомов

Михаил Павлович

(1912 – 1982)

Африкантов Пётр Андриянович (1920 - 1993)

жена – **Африкантова (Ивлиева) Пелагея**

Ивановна (1929)

Африкантов Пётр Петрович (1950)

жена – Африкантова Елена Ивановна (1954)

+ + +

История Саратовской глиняной игрушки в рисунках и фотографиях

Фото. 1. Игрушечник Африкантов Илларион (Ларион) Африкантович (1835-1909). (Об истории портрета читать на стр.107 в воспоминаниях П.И. Африкантовой.)

Африкантов И.А. Выкупился от барина и переехал жить в д. Малая Крюковка из д. Большая Крюковка. Был одним из отцов-основателей деревни Малая Крюковка. Похоронен на кладбище в д. Большая Крюковка.

Фото. 2. Дом игрушечников в деревне Малая Крюковка. Построен Африкантовым Илларионом Африкантовичем, перестроен в 1925 году А.И. Африкантовым, сломан в 1970-ом году (снимок 1966г.).

Фото 3. Николай Илларионович Африкантов (1858-1928), старший сын Иллариона Африкантовича, был волостным старшиной, ездил на тройке с колокольчиками, имел в деревне двухэтажный дом и мог позволить себе, более ста лет назад, сфотографировать отца.

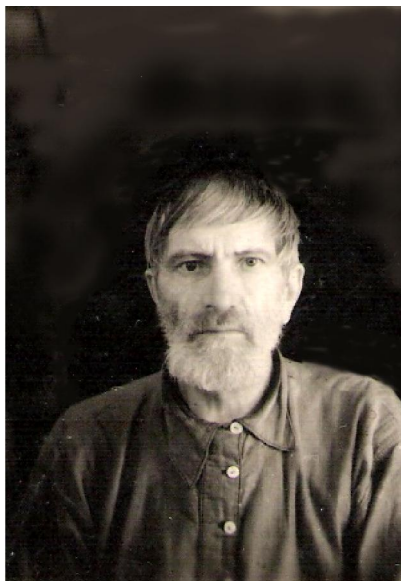

Фото. 4. Игрушечник Африкантов Андриян Илларионович (1886-1958).

Андриян Илларионович прекратил лепить игрушки во время коллективизации, когда лишился лошади и не на чем стало возить и продавать изделия.

Фото. 5. Африкантова Вера Михайловна (справа), (1888 – 1932) – жена Андрияна Илларионовича, с сестрой Марией Михайловной Наумовой (1892 – 1978). Мария Михайловна сохранила игрушку, которую лепил Андриян Илларионович.

Фото. 6. Малокрюковская сказительница Пахомова (Африкантова) Мария Андрияновна (1910 – 1979). Её повествование послужило основой для написания рассказа «Фима». С тётёй Маней у автора связаны самые тёплые воспоминания детства.
Фото 1970 г

Фото. 7. Старинная Саратовская глиняная игрушка: «Медвежонок», «Медведь-кувыркун», («сушка» светло-коричневая); курочка и куропаточка («сушка» серо-белая).

Фото. 8. Пахомова (Африкантова) Пелагея Андрияновна, 95 лет, игрушечница. Ездилa с отцом на лошади в Саратов продавать творог, масло и игрушки. Саратов, август 2011 г.

Фото. 9. Я попросил Пелагею Андрияновну слепить игрушку для книги. Она сначала отказывалась, ссылаясь на немощь, но когда я привёз ей родной деревенской глины, не устояла. Через неделю я приехал и увидел такого вот великолепного индюка. Раскрашивали его мы вместе.

Фото. 10.
Пелагея Анд-
рияновна, в
свои 95 лет,
показывает
приёмы лепки
и декорирова-
ния штампи-
ками глиняных
игрушек.
Саратов, Ел-
шанка, декабрь
2011 год.

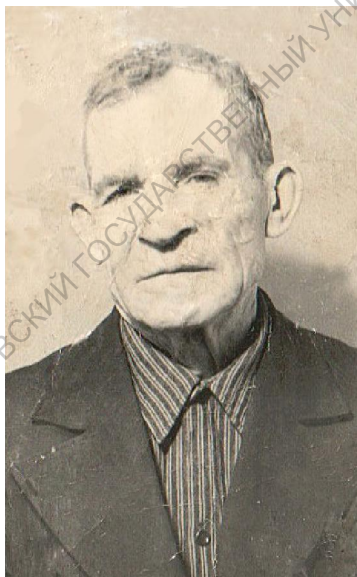

Фото. 11. Михаил Павлович
Пахомов (муж Пелагеи Анд-
рияновны), обладал непревзой-
дённым талантом плясуна и
частушечника. Он и чужую час-
тушку припоёт и свою, если
надо, сочинит. Сочинял он их,
как говорится, схода, не задумываясь. Так, что перепеть его
или переплясать было невоз-
можно. Среди этих частушек
были частушки и о глиняной
игрушке.
Село Полчаниновка, 1976 год.

Фото. 12. Евстифеева (Африкантова) Евдокия Андрияновна поведала историю, которая легла в основу рассказа «Сказ о том, как скудельный петух Фомкиного петуха уму-разуму учил». Фотографироваться для книги отказалась. Сказала, что старая и некрасивая. Дала фотографию, где она тридцатилетняя. В 2013 году ей исполнилось 90 лет.

Фото. 13-15. Штампиковый оттиск на куропаточке выполнен обыкновенной палочкой со скруглённым торцом. Две буквы (АА), что означает (Африкантов Андриян) мастер просто натыкал острой палочкой. Фотография внизу, справа.

Фото. 16. Пётр Андриянович Африкантов (1920 – 1997). Книго-чей и рассказчик. По его рассказам, были написаны такие произведения: «Как моему дедушке сказка и игрушка жизнь спасли?», «Как Илларион от барина вольную получил?» и «Ми» второй октавы».

Фото. 17. Егорова Антонина Ивановна (87 лет), поведала историю, которая легла в основу рассказа «Розовое платье». Ноябрь 2010 г.

Фото. 18. Ивлиев Василий Алексеевич (86 лет), с женой Ивлиевой Тamarой Васильевной (80 лет). Супруги хорошо помнят глиняную игрушку. Рассказ «Гуси» был написан по истории, произошедшей при участии Тamarы Васильевны. Январь 2011 год.

Фото. 19. Африкантова Пелагея Ивановна (82 года), сноха Андрияна Илларионовича. Лепила и декорировала игрушки как штампиковые, так и полностью окрашенные (крашенки), продавала игрушки на базарах «Шарик» и «Стадион Волга» в Заводском районе города Саратова. На снимке Пелагея Ивановна расписывает изделие (крашенку) гуашевыми красками. Январь 2012 г

Фото. 20. Смылова Антонина Николаевна (81 год), внучка Андрияна Илларионовича. Она поведала Петру Петровичу о том, что он принадлежит к роду игрушечников и что его искусство лепки неслучайно. Автор выражает ей особую благодарность за воспоминания и поддержку. Без её рассказов и живого интереса к делу, книга была бы далеко не полной. Сентябрь 2010 год.

Фото. 21. Африкантов Василий Андриянович, младший сын Андрияна Илларионовича (1928 – 1998) В молодости, как и отец, хорошо лепил, и приобщал к этому делу племянников. Его сын Фёдор, тоже художественно одарён, занимается резьбой по дереву. (Фото 1948г.).

Фото. 22-30. «Медведь-кувыркун». Старосаратовская игрушка. При переворачивании Медведь – кувьркун фиксируется в восьми положениях. Декор ямчатый, роспись цветными глинами. Считается, что лепку кувьркуна дед Андриян перенял от отца, «сушка» серо-белая.

Фото. 31. Голубева (Пахомова) Мария Николаевна записала свои воспоминания об игрушке и игрушечнике Андрияне Илларионовиче на электронный носитель. Саратов, январь, 2013 год.

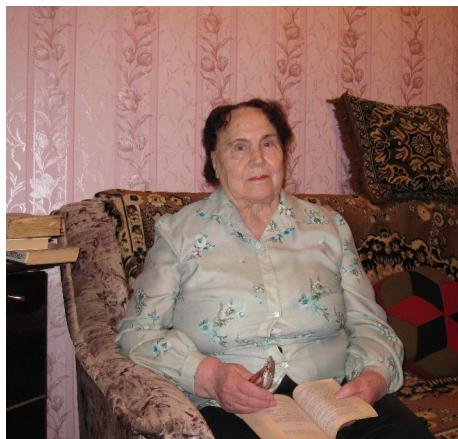

Фото. 32. Жирнова Анна Петровна (62 года), внучка Андрияна Илларионовича, историк, сохранила, сделанную дедушкой Андрияном, глиняную игрушку. По архивным материалам составила генеалогическое древо рода игрушечников Африкантовых. Занимается изучением истории деревни Малая Крюковка.

Саратов, декабрь 2010 год.

Фото. 33. Старосаратовская игрушка «Мишутка» слеплен в движении. Он со сёт лапу, придерживая её для удобства другой лапой.

Фото. 34. Декорирован Мишутка палочкой, так же как и куропаточка. В полукруглые ямки от штампаика закапан молотый кирпич, разведённый молоком.

Фото. 35. Филиппов Анатолий Петрович, проживавший в соседнем селе Большая Фёдоровка, нашёл на месте дома Африкантовых, глиняные свистки и глиняные формочки для их изготовления. Село Большая Фёдоровка, 2000 год.

Фото 36-38. Эту старосаратовскую глиняную игрушку – свисток, сделал Андриян Илларионович. Найдена игрушка в его доме. На изделии стоит дата изготовления – 1914 год. (Из семейного архива).

Фото. 39. Пра-правнук Иллариона, сибиряк, Георгий Николаевич Африкантов в саду предков, сфотографирован у дули, которая «помнит» Иллариона, занимается составлением генеалогического древа рода Африкантовых. Посетив, все известные ему места в Сибири, где проживают его предки, приехал и в Малую Крюковку.

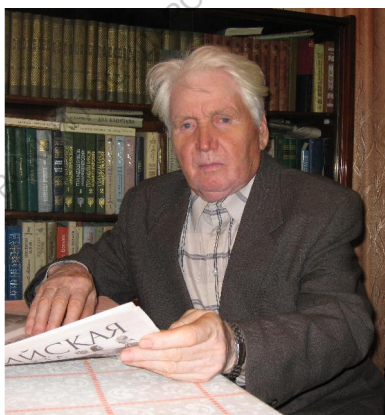

Фото. 40. Ивлиев Николай Иванович (81 год.), рассказывает о деревне Малая Крюковка, как об особом культурном явлении в округе. «Малая Крюковка,- говорит он,- являлась духовным центром окрестных деревень».

Саратов, январь, 2013 год.

Фото. 41. Африкантов Пётр Петрович (игрушечник). Возродил игрушку своих предков.
Фото. 2012 год.

Фото. 42. В деревне Малая Крюковка. Слева направо, первый ряд:

Ивлиев И. А. (1892 – 1960), (дедушка П.П. Африкантова по материнской линии). Африкантов П.А., Африкантов П.П. (7 лет), Африкантова (Жирнова) А.П. (9 лет). Второй ряд: Ивлиева М.И, Африкантова П.И.

Фото. 43. Ивлиева Пелагея Ивановна (1894 – 1953).

Бабушка П.П. Африкантова по материнской линии. Она была замечательной певуньей и рукодельницей.

Фото. 44-45. Курочка, с примостившимися на крыльях цыплятами, сама прелесть. Всё в ней просто, мило и живо. Старо-саратовская игрушка, «сушка» серо-белая.

Фото. 46. Житель села Большая Фёдоровка Филиппов Владимир Матвеевич, по профессии лесник, дал обширную информацию о глинах, залегающих вокруг деревни Малая Крюковка. Он не только указал на места их залегания, но и рассказал об их свойствах.

Фото. 47. Жительница села Б. Фёдоровка Филиппова Мария Ивановна, рассказала о том, как её муж нашёл на месте сломанного дома Африкантовых в подпечье глиняные игрушки.

Фото.48. Начало оврага «Ущельный». На горизонте виден Малокрюковский лес. Фото сделано со стороны Мурского леса.

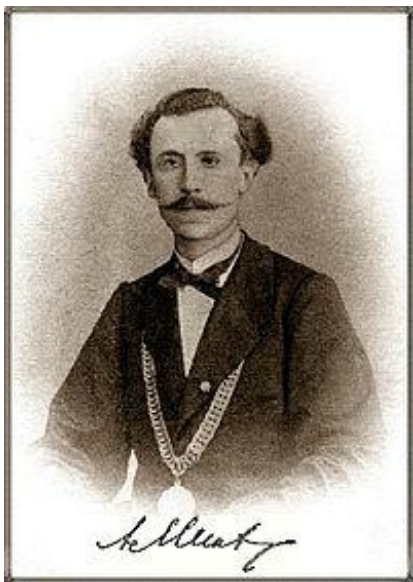

Фото 49. Что барин соседнего поместья в селе Полчаниновка Александр Николаевич Минх лепил со своими дворовыми игрушку, подражая крестьянам, стало известно благодаря его собственным записям карандашом. А был он ни много и не мало председателем Саратовской учёной архивной комиссии.

Фото 50. Пруд в селе Полчаниновка. На спуске к нему от барского дома (противоположная сторона) копалась серо-голубая глина. По свидетельству А.Н. Минха, находилась она на метровой глубине. Фото 2015 года.

Фото. 51. Карта месторасположения деревни Малая Крюковка в Татищевском районе, Саратовской области. Расстояние от дороги Саратов – Петровск до Малой Крюковки 4 км., а от Полчаниновки до Малой Крюковки по прямой 7 км.

Родные пенаты

(очерк)

Вечером, по мобильнику раздался звонок. Звонок из Новокузнецка. В трубке голос Георгия Николаевича Африкантова. «Еду, Пётр Петрович, еду, – дня через четыре буду у вас и, как условились, сразу едем в Малую Корюковку, только бы погода дело не подпортила». Я подтвердил прежнюю договорённость о поездке в деревню. Цель была одна – навесить могилы предков и исследовать старые глинища. В телефоне запикало, конец связи. Телефонную трубку не опускаю, в пальцах небольшая дрожь, звонил из Сибири дальний родственник, с которым я никогда не виделся и даже не знал о его существовании, просто нашли друг друга по интернету. Нас отделяют шесть поколений, а на те ж, вот... едет, за четыре тысячи километров.... Что это?.. прихоть, любознательность, отдавание долга? Что гонит человека в места, где когда-то жил его прадед и прапрадед, откуда его дедушку в Сибирь вывезли при Столыпине мальчишкой? Да вряд ли и он даст на это толковый ответ, потому как этого объяснить невозможно, а слов «потянуло», «захотелось» недостаточно. Здесь что-то большее. А что? Глина она есть и в Сибири и потом, вряд ли она такая уж особенная, что за ней надо ехать на Волгу. Ну, лепили его предки из глины здесь игрушку и что с того?

Ухоженный «Пазик», отрулив на Сенном от стоянки, шустро бежит по городу. Георгий жадно впился глазами в городской ландшафт. «Елшанка» – говорю я, кивая на окно. Георгий читал мои рассказы о предках-игрушечниках и теперь, видимо пытается определить, а где же здесь в девичестве жила его прапрабабушка игрушечница Ефимия Борисовна. Нет, этого уже никто и никогда не узнает. А вот и речка «Елшанка», по которой и была названа, сегодня слившаяся с городом, деревенька, но сохранившая за собой название. Низкие скользкие берега речушки, густо поросшие острой осокой, не дают разбежаться ветерку, чтоб превратить жидкую рябь в волну. Да и где разбегаться, от берега до берега – воробьиный скок. Нас тряхнуло. Автобус резво перескочил через бетонный мостик и, натужено загудев, потянул на подъём.

Слева, у самой речки в карьере работает экскаватор. Он то и дело поднимает ковш и сваливает в кузов «КамАЗа» чёрные комья. «Глину копает, – поясню я. – Верхний слой в карьере глина коричневая, а под ней голубая. В сыром состоянии вот такая, чёрная, маслянистая».

– Может быть, Фимин отец здесь тоже глину копал, – спросил Георгий.

– Трудно сказать. – Я пожал плечами. – Может быть, может быть.... К сожалению это история от нас утаила.

Я искоса смотрю на Георгия, пытаюсь уловить в его поведении, фигуре наше Крюковское, Африкантовское: прямые плечи, строгий, открытый взгляд, это наше. Мы с ним почти ровесники. Мне шестьдесят, он на четыре года моложе.

– У вас здесь нет сопок, – проговорил сибиряк, – по сравнению с нашей местностью, можно сказать равнина изрезанная оврагами, ваши горы – это просто невысокие холмы.

– Да, гор здесь, как таковых, нет. – Я согласно кивнул.

– А это что за село?

– «Каменка».

– Это куда, по рассказу, Илларион с отцом намеревались в непогодь добраться...

– Она самая. – Я улыбнулся. – Запомнил.

Справа и слева по берегам, то - ли оврага, то - ли пересохшей речушки, отвернувшись от большой дороги, вразброс, стоят домики. Это Каменка. Сверху, с горы, домики кажутся намного меньше, чем есть на самом деле. Всем своим видом они как бы говорят: «А нам дела нет до тех, кто на шоссе моторами гудит...».

А моторы здесь действительно гудят. Длинный затяжной подъём отнимает у грузовиков последние силы. Они пыhtят, чадят, кашляют, всхлипывают и переругиваются на своём бензиновом языке. Но, вот подъём преодолён. Слева, вереницей, поблёскивая

крышами, идут на обгон легковушки. Они суетятся, торопятся, выглядывают друг из-за друга, боясь сшибиться лбами со встречными машинами, затем осмелев, выскакивают на встречку и скрываются из глаз.

Справа запестрела домами Полчаниновка. Когда-то Петровский тракт проходил по селу, теперь же, с прокладкой асфальтовой дороги, село осталось в стороне, большак прошёл за огородами. Преодолев полчаниновский изволок «Пазик», ныряя в асфальтовые набоины, оставленные большегрузами, чуть ли не кубарем катится в низину и, пробежав километра два, сходу сворачивает влево и, фыркая в неглубоких лужах шинами, неторопливо катит по асфальтовому отростку. Вот он с упрямством, достойным похвалы, взобрался на первый отлогий пригорок и, перевалив через него, подпрыгивая на гудроновых напльвах, спускается к водотёку. Здесь у железобетонной трубы большого диаметра, пропускающей через себя воду, а сверху автомобили я попросил водителя остановиться. Девушка-кондуктор, удивлённо посмотрела на приготовившихся к выходу двух немолодых людей, произнесла: «Дядечки! Вам действительно здесь выходить... вы не перепутали?.. Здесь никто никогда не выходит».

– Здесь, здесь, дочка, – ответил я. – Это место вряд ли с чем спутаешь.

– Мы на кладбище, – добавил Георгий.

– А-а-а-а...

– Только, когда будете делать вечерний рейс, не забудьте нас назад забрать. Мы здесь на дороге голосовать будем.

– Возьмём, чего уж там...– буркнул до этого молчавший водитель.

Мы сошли. «Пазик», выпустил кольцо сизевого дыма и, пошевелив выхлопной трубой, как шевелит в зубах козьей ножкой заядлый курильщик, и два раза чихнув карбюратором, отъехал.

В низине, куда мы съехали, царит покой и умиротворение. Природа, измученная летней жарой, отдыхает. Желтоватая прозрачная зыбь струится сверху, достигает земли и растекается по ней, ударяясь волнами в косогоры и закручиваясь в крутобоких овражках, устремляется по низине к Большой Фёдоровке. Высоко в небе, не смотря на тепло, уже зарождается предзимняя прохлада. Родные места. Ни с чем их не спутать. Ни с чем не сравнить.

Велика ты тяга Родины! Ох, велика! Несносна боль, которую ты причиняешь и не преодолеть искушения, чтобы повидать тебя снова и снова. Видно, родившаяся здесь душа, незримо пребывает и в тебе и в этих местах сразу. Такое видно у неё свойство – быть и там и тут одновременно. И разрывается она на части, потому как несказанно велика сила тяготения невесомого и невидимого, превышающего в тысячи раз любое другое, даже если это касается тя-

готения галактик в межзвёздных пространствах. Потому, как то тяготение мертво и только подчиняясь воле Творца, имеет силу удерживать в невесомости небесные светила. Другое дело – человек с его внутренним космосом, космосом чувственным, сердцебиенным, умным и нравственным.

Вглядись в себя человек! Зачем ты стремишься к звёздам!? Эти звёзды только украшение миру, обратись к своим внутренним мирам и созвездиям, созвездиям любви, понимания, чувствования, сострадания, где есть свой собственный «Млечный путь», путь долга и милосердия, это крестный путь. Вглядись в себя человек, и ты увидишь, что ты не знаешь себя и что астрономию ты изучил лучше, чем собственную душу и собственное сердце. Всмотрись в эти сверкающие звёзды в себе. И если небесные светила только указывают путь в ночи на местности, то твои духовные звёзды, простирающиеся на твоём изумительно прекрасном внутреннем небосклоне, указывают тебе иной путь, путь к твоему спасению и унаследованию вечности. Разные звёзды внутри тебя и на небе и разные их миры, различен их путь и простираение, но есть только одно место, где они пересекаются, соприкоснувшись друг с другом – это место, где ты родился и ты воистину счастлив, если живёшь всю жизнь в этом божьем месте.

– А места здесь красивые! – вывел меня из задумчивости Георгий.

– Да-да, – поспешно сказал я, понимая, что нечаянно, как воздушный шарик оторвался от ниточки и воспарил в мечтаниях между небом и землёй. Только Георгий этого не заметил, он вынул фотоаппарат и приготовился фотографировать. – Оставь. – Сказал я ему. – Сейчас поднимемся вон к той опушке леса, оттуда все эти места будут как на ладони. – Я кивнул на видневшиеся в полукилометре на горке деревья. Лес полукругом опоясывал низину, в которой мы находились, копируя холмистую поверхность земли, одним концом уходя за Полчаниновку, а другим, словно подняв на опушке от любопытства вихрастую голову, рассматривал нас и, недоумевал, кому и зачем надо в этот предзимний месяц, когда погода за день меняется несколько раз, тащится по стерне сжатого поля неизвестно куда.

Однако, норов ноября не слишком заметен: всю светит солнце, по небу бегут двухэтажные дымчатые облака, над нами высокое янтарное пространство и только в самой вышине просвечивается сапфировое дно огромной перевернутой чаши. Так бы и не уходил никуда отсюда, так бы и смотрел в остывающую после летнего зноя небесную высь, так бы и напивался впрок глаза даровым богатством мерцанья изумительных тонких переливов далёких ирисовых сфер, когда в синем-синем нежно проявляется нежно-голубое, а в голубом уже зарождаются тёплые тона, чтобы там у горизонта разразиться

буйством шалфейных красок. Чудно, странно и невыразимо.

– А как это место называется? – спросил Георгий, щурясь от щекочущих глаза лучей.

– Фёдоровские называют это место «Кореной». Название означает, что из всего лесного массива, что идёт по возвышенности, эта часть леса перво-родная, или коренная, отсюда и «Корена».

– А Малокрюковские, как это место называли?

– Это Мурский лес, а местечко это у нас называлось «Ямы». Смотрите – лес находится в трёх больших низинах, отсюда и «Ямы». Вот та опушка леса, на взгорке, к которой мы пойдём, это и есть первая яма.

Минут через двадцать мы уже стояли у высоких, коренастых деревьев.

– Это что за деревья? – спросил Георгий, – у нас в Сибири таких нет.

– Это дуб. У нас тут леса сплошь дубовые.

– Ах, вот он какой «патриарх лесов!», – удивился сибиряк. – У нас больше сосна, ель, берёза, а дуба нет совсем. Мы вошли под кроны дубняка. Полуоблетевшие кроны деревьев легко пропускали ажурные солнечные лучи и среди дубов, где летом всегда сумрачно, сейчас струилась, обтекая нас и деревья простроченная серебром и золотом бирюза. Лёгкий ветерок, спустившись под кроны, озорно кружит между корёжистыми стволами-великанами, чуть

шурша зеленоватым с дымчатой опушкой мхом, что покрывает изрезанную глубокими складками дубовую кору. Мох искрит холодным ноябрьским светом и розовые, жёлтые, оранжевые и зелёные огоньки вспыхивают тут и там, перебегая со ствола на ствол, избегая по ним чуть ли не до середины. Земля, покрытая опавшей медовой листвой, мягко пружинит под ногами, подошвы хрумят нападавшими желудями.

Георгий набирает желудей, чтобы посадить их у себя на даче, под Новокузнецком. Мы выходим на открытое место. Внизу, откуда мы только пришли, белёсо поблёскивает асфальт, убегая среди бурьяна и пашен к видневшейся, километра за четыре, деревне.

«Большая Фёдоровка, – поясняю я, – мальчишкой в школу туда бегал», а за ней, вон у самого горизонта, где столб дыма поднимается к небу, Глятковка. В Фёдоровку на обратном пути заедем, в обратную в автобус сядем.

– А в Фёдоровке игрушки не лепили? – спросил Георгий.

– Игрушки не лепили, хотя глина у них для этого дела есть. Глину копают, чтоб сараи мазать. Игрушки в Фёдоровке не привились, не нашлось своего игрушечника Иллариона.

– Насчёт Иллариона вы пошутили? – Спросил с любопытством сибиряк.

– Нисколько. – Я пожал недоумённо плечами. – Какое дело не возьми, оно на Илларионах держится, людях смекалистых, с изюминкой. Роль личности в истории деревни всегда значительнее, чем в истории города. В деревне все на виду, потому и личность прозрачнее и доступнее.

«А вот и наша Малая Крюковка», – сказал я, как только мы, обогнув дубняк первой ямы, вышли на противоположную его западную сторону. Георгий остановился, его вопрошающий взгляд требовал пояснения.

– Да-да, это всё и есть деревня, всё, что ты перед собой видишь. Захотел увидеть предков – вот они. Они здесь во всём и в этом дубняке, что покачивает ветками-лапами за нашей спиной и в том лесу, что прямо перед нами на горизонте. Его название – «Малокрюковский», деревенские называли его просто «Наш лес» или «Свой», так что в нём, и, особенно в этом «Ущельном овраге», который начинается у наших ног и даже в том, далёком синеватом лесном массиве, что виднеется на горизонте, левее «Нашего леса», всё это – предки. Дальний лес называется «Зипунный». Он тоже Крюковка, хотя я в нём никогда в жизни и не был, но, просыпаясь изо дня в день, я видел этот таинственный, и казалось мне сумрачный лесной массив перед глазами. Этот лес наполнял моё детское сознание сказочными существами, пленял воображение, да и само название «Зи-

пунный» связывалось в сознании с чем-то большим и мохнатым, типа тулупа. Именно в таких лесах одетых синей поволокой и туманной зыбью, думал я, и живут «Бабы Яги», «Кощеи Бессмертные» и «Кикиморы». Моё детское сознание этих персонажей не поселяло в «Наш лес». Разве могут эти злыдни селиться в «Нашем лесу», если мы знаем там каждый кустик. Если в нём и селятся сказочные герои, то непременно добрые, которые и едут выручать Алёнушек именно в «Зипунный лес». Вот такие рождались в детских головах фантазии и их тоже не отделить от нашей деревни. Да – да, деревня, которая была и которой нет, деревня, которая не просто кормила себя и кормила государство хлебом со своих нив, но делала гораздо большее, ибо не хлебом единым жив человек, а жив он и красивыми песнями и плясками, красивыми сбруями на лошадях, которые выделывали местные шорники, красив человек и с любовью сшитыми рубашками и платьями, потому, как прежде чем перейти тому или другому узору на платье, он рождается в душе селянки и жив он красивыми и радостными детьми, что играют на лужайке в собственные глиняные изукрашенные свистульки с затейливыми головками коняшек, коровок и прочей живности, вылепленных из местной глины; жив он тем, что вырастут потом из этих ребяташек, играющих в добрые игрушки, честные, умные, добрые, отзывчивые и мужественные люди,

впитав всю соль своего народа, и не будет им равных в подлунном мире живостью ума и добротой сердца. Деревня, Георгий, это не просто населённый пункт и не просто дома окружённые садами и огородами, деревня это свой мир, свой дух и единое сердце на всех.

Мы идём с родственником по краю Ущельного оврага. Ноябрь – а такое высокое безмятежное небо, в самой деревне, оно кажется ещё выше, чем там в «Ямах», ноябрь – а такой золотом и карминовой нитью ровной строчкой простроченный горизонт, ноябрь – а такой спящий диск не по-осеннему желтоватого гривастого солнца. Солнечный диск катится впереди нас по мокрой дороге, перескакивая из лужи в лужу. Солнечное отражение смотрит на нас, как бы вглядываясь и пытаясь узнать: «Кто вы? – спрашивает оно, – откуда и зачем?.. с какой такой надобностью?.. Я вас не знаю...

Мы безответно идём по хлюпающей и чавкающей дороге. У каждого свои думы. Я думаю о своей судьбе и судьбе своих предков, думаю, о том времени, когда нашу деревушку записали в неперспективные и их, с десяток вокруг, разом, как языком корова слизала. К этим мыслям приходят уже новые, сегодняшние, когда в неперспективные записывают уже многолюдные посёлки и даже города. Что ж это за наваждение такое? В Европе к каждому хутору из трёх домов асфальт тянут, мосты строят, а у нас...

Разве в моей деревне жили не трудолюбивые люди? Не моим - ли родом, не терпеньем - ли и трудом моих предков прирастала Сибирь! Не лучшие - ли труженики туда выехали! Ленивый выкорчевывать тайгу и разрабатывать поля не поедет. Перестали в деревне делать глиняную игрушку – кому от этого прибыль? Не стало Малой Крюковки, кому от этого польза?..

Мы не заметили, как дошли до речки, куда впадает Ущельный овраг. А точнее в этом месте, где сливаются вместе Ущельный и Вершинный овраги, и начинается речка «Крюковка». Как раз над этим местом, на западной стороне глубокого оврага и стоял дом игрушечника Иллариона, а значит и мой дом. Спускаемся, минуем слабый, топкий водотёк Вершинного оврага. Водотёк Ущельного гремучий и живой. Вода скользит и перекачивается через разноцветные камушки, играя всеми цветами радуги составляя придонный гиацинтовый букет. Не эти - ли зеленоватые, синеватые и желтобрюхие голыши брали Илларион и Андриян для подкрашивания глиняных изделий? Разумеется, здесь и брали, растирали их в порошок, смешивали с молоком и вот тебе готовая краска. Поднимаемся и бродим по Илларионову поместью. Вот яблоня кислушка, а рядом дуля. Их, наверное, сажал ещё мой прадед. Отец мой говорил, что их тоже помнил с детства.

Мой дом с вишнёвыми кустами,
Кирпичный выползень трубы,
Над деревенскими садами
Видны небесные сады...

Продекламировал я вспомнившееся четверостишие.

– Что, с ходу сочинили, – заинтересовался родственник.

– Нет, это так, из ранних. С детства стихами да рисованием баловался.

– Почему баловался?

– Это расхожее деревенское выражение. Если кто не хозяйством занимается, а что-то там ещё делает, не свойственное деревенским занятиям, то значит он балуется,.. психология такая. У меня мама и сейчас мою писанину за что-то серьёзное не считает, по её мнению – я балуюсь.

– Что, до первого заработка на этой ниве?

– О заработке и славе я сейчас не думаю, раньше думал, теперь ушло, просто мысли хочется выразить. Не хочется с собой, наработанное душой, в могилу уносить, отсюда и потребность. Когда человек пишет для того чтоб заработать – это одно, а когда вот так, как я – это другое. Я себя, Георгий, и писателем не считаю, потому, что это всё так, как человек взял бы да откровенное письмо другу написал, он, что после этого тоже должен себя писателем называть?.. Пропагандист я, глиняную игрушку пропагандирую. Другие после меня придут, лучше сле-

пят, лучше напишут. Моя сейчас задача – проблему обозначить, рубеж, и на этом рубеже стоять до подхода главных сил.

– И что это за главные силы, если не секрет?

– Богатыри святорусские, Георгий, богатыри!

– Из былин что ли?

– И из былин, и из сказок, и ещё из чего-то. Из той реальности, которая недоступна рационалистическому миропониманию.

– А как же революционное самосознание масс?

– Это клише устарело, но им ещё пользуются разного рода политики, оно ещё в обиходе.

Мой спутник хмыкнул, погладил усы и промолчал.

Дубовые сваи – единственное, что осталось от дома. Они хоть изрядно подгнили, но ещё стоят как часовые на месте бывшего строения, охраняя вечность. А вечность она вокруг нас: она в летающих в сквозящем воздухе мельхиоровых паутинках, которые едва заметно садятся на тебя, нежно щекочя лицо и шею; она в жёлтой с оранжевым махровым окоемом солнечной тарелке, которая катится по перламутровому небосводу к Нашему лесу, освещая пространство разноцветными ноябрьскими короткими лучиками, которые, как дети гоняются друг за другом над нашими головами, она в гремучем многоголосом воздухе, натянутом между небом и землёй, как натягиваются струны у чуткого музыкального инструмента. Это воздушные струны трогает

человеческий голос и вот уже стройный хор звуков музыкального сопровождения колышется в небесном пространстве, сплетаясь в удивительные аккорды бытия... Грандиозно, несказанно и вечно.

– Интересно, человеческое призвание может упроднится, или нет? – вдруг спрашивает Георгий, выводя меня из мимолётной оцепенелости.

– Как это?

– А просто. Был даден роду какой-то талант и вдруг его не стало, перевелся, истоньшал на нет, а?

Такого вопроса я не ожидал. Ум в голове лениво ворочается, пребывая в блаженстве от воздействия несказанно родного. Ему не хочется анализировать, думать, делать выводы. Наконец он выходит из состояния меланхолии и начинает работать.

– Что можно сказать... – Начинаю я замедленно воспроизводить звуки, которые разбегаются и не хотят становиться словами. – Думаю, что самыми показательными будут разработки отечественных учёных. Я не помню, в каких это было годах, но при советской власти было, это точно. Решили расширить один народный промысел, но не в том селе, где этот промысел бытовал, а за тысячу вёрст от него, там, где природные условия позволяли, и молодёжи было достаточно. Организовали цех, прислали мастеров с коренного производства и стали учить. Только ничего из этого путного не вышло. Учёные быстро смекнули, что построить цех, хоть и первоклассный, мало, нужно чтоб у населения был к этому талант. Тогда они пошли другим путём – выяснили, в какое

место выезжали при Столыпине жители села, где был развит промысел, наподобие наших переселенцев, организовали производство и дело пошло. Хотя никто из этого села даже близко ремеслом своих предков не занимался. Вот так оно бывает... Тому, кому этот талант дан, ты ему только покажи. Он одним глазком увидит и сделает. Так что талант не исчезает, условия, меняются, при которых талант возрастает или в других условиях он находится под спудом. Ему ведь то же, как и растению, благоприятные условия нужны.

– А условия.... Ведь это сложно. В прежний исторический период не прыгнешь...– Георгий саркастически улыбнулся. Было видно, что его тоже мучили многие вопросы жизнеустройства.

– Думаю, что в наше время много и от моды зависит. Завтра будет мода в глиняные игрушки играть, вот тебе и условия, – заметил я.

– Мода – это хорошо, только больно уж они кратковременны эти моды.

– Я уверен, что придёт время, когда учёные придут к мнению, что глиняные или деревянные игрушки не только самые для детей безопасные, но и безвредные для их психики и способствуют физическому здоровью, потому как глина и дерево положительно активны. Это обязательно будет. Оно уже и сейчас так понимается, но каждому делу нужен толчок. А вот, когда этот толчок произойдёт, мы не знаем.

– Да, этого знать не дано. А вот, что дано, то знать должны обязательно.

– Что ты, Георгий, имеешь в виду? Проясни.

– Хотя бы, кто такие были игрушечники? То есть, чем они отличались от других жителей деревни? Вот ты говорил о том, что игрушку должен делать человек без вредных привычек. Я с этим полностью согласен, потому что злой нрав, привязанности обязательно перейдут на игрушку, а затем и на ребёнка. С этим нельзя не согласиться. А в роду это как прослеживается? Знаю, что ты человек без вредных привычек, а вот как дальше? Дед Андриян тоже не имел вредных привычек?

– Нет, не имел, как не имел их и его отец. А я бы не на Африкантовском древе хотел остановиться, а на роде Ивлиевых. И вот почему? Мать моя – игрушечница, а она ведь по крови не Африкантова. В таком случае, можно сказать – опылилась будучи в снохах, но это, сами понимаете, не ответ. Тут всё гораздо глубже. Так вот, если проследить её родовое древо, то на нём тоже не было гнилых ветвей. Основатель фамилии Ивлий Афанасьевич (умер в 1867г.) о нём мы, как и об Африканте, мало чего знаем. А вот имя – Ананий Ивлиевич (умер в 1899 г.), в родстве более известно. Пользовался у сельчан почётом и уважением. Особенно на слуху имя Кузьмы Ананьевича. Человек был до того трудолюбивый, что в светлое время суток его в деревне никто никогда не видел. А его сын Андрей Кузьмич, даже умер в борозде. Нет, эти люди чёрных слов не знали, ра-

боту знали, а чёрных слов – нет. Теперь посуди сам, какой родовой фундамент у моей матушки!? К моему дедушке, её отцу, Ивлиеву Ивану Андреевичу люди за советом из других деревень приходили. Тишайший был человек. Примечателен, Георгий, тот факт, что во время революции Андриян Илларионович, Иван Андреевич и их сосед Пахомов Пётр Васильевич единственные, кто не пошёл грабить поместье барина Теофила Вайдемана, что вызвало среди односельчан насмешки. Они пошли в имение, но гораздо позже, чтобы взять разбросанные книги, которые были никому не нужны и просто бы пропали.

После сказанного хотелось поразмышлять.

– Что ты, Петрович, рассказал, это уже совсем неигрушечный фундамент, и не для игрушки одной предназначен, – со всей серьёзностью сказал Георгий. – Это всей России фундамент. Сколько таких Ивановых, Ивлиевых по всей стране. Сколько их, таких Андреев Кузьмичей умерло в бороздах, – и Гергий, как мне показалось, с горечью, сплюнул.

Дальше шли молча.

Самое малоизменчивое место любого селения – кладбище. Вот и это деревенское, приютившееся у Нашего леса с местным названием «Тарны» обдало нас какой-то забытой патриархальностью. На крестах и памятниках знакомые фамилии: Ивлиевы, Африкантовы, Ефремовы, Смысловы, Пахомовы, Егоровы, Сергеевы, Харьковы. Представители каж-

дого деревенского рода навечно прописаны в этом уютном и тихом месте. Георгий остановился около единственного на кладбище мраморного памятника, вслух прочитал:

Он добрый был, любил Россию,
Косил луга, которые вокруг,
Ещё любил и холил ниву
И был прекрасный муж, отец и друг...

Это военное ведомство отцу поставило, – сказал я, – не смотрится оно здесь среди будылей. Здесь одному дубовому кресту место.

– А стихи, конечно...– и Георгий посмотрел на меня выразительно.

– Стихи эти можно написать на каждом здесь уцелевшем кресте. Это было у усопших основное в жизни занятие, – сказал я.

Ниже кладбища, метров за сто, глиняный карьер. Трава по пояс. «Это поле от деревни до кладбища называется «Тарновский столб»,– поясняю.– Вряд ли кому теперь нужно это название...»

– Что так?– спросил Георгий.

– Тот, кто это поле приобрёл, тому без надобности, своё название придумает. Это поле и на той стороне речки поле, чуть наискосок, «Сто гектар» называлось, были лучшие поля нашей бригады.

Георгий шагнул в борозду оставленную плугом «Кировца».

– У нас в Сибири земли рыжие, глинистые, а здесь чёрные. Вон, борозда почти по колено, а земля всё чёрная, в Сибири не так.

– Это, дорогой, и есть чернозём. Воткни сухую палку, да полей, она милая и листочки распустит. На этом поле в кукурузе лошади терялись.

Георгий покачал головой. Он не мог понять, почему его прадед поехал с такой земли в Сибирь, что его туда погнало?, где и погода суровее и земли плоше.... Сегодняшнему поколению этот порыв почти непонятен.

Пока мы на этот предмет рассуждали, дошли до глинника. Я был обескуражен – куда девались глинные ямы с многочисленными подкопами и горками выброшенной породы. Всё стало неузнаваемо. Земля и время загладили бывшие шрамы и, если бы я не знал, что здесь всё это было, то ни за что бы ни поверил, место было сглажено дождями и ветрами. На месте глиница, покачиваясь от налетавшего ветерка, стоял высокий прошлогодний рыжий бурьян. Я посмотрел на ненужный детский совок, которым я намеревался набирать глину. Здесь нужен был не совок, а острая штыковая лопата, чтобы добраться до относительно чистого слоя. Помощь пришла совершенно неожиданно, выручил житель подземного царства – господин крот. Чуть пониже, по склону он столько оставил куч чистой отборной глины, что мы без труда наполнили ей свои мешочки.

Конечно же, я не удержался от искушения опробовать глину на месте. Тут же, взяв немного глины,

перемял её с водой, получил кусок отменного лепного теста. О-о-о! Это была чудесная лепная глина. Она легко деформировалась в пальцах, была эластичной, мягкой и лёгкой. Эту её последнюю особенность – лёгкость, отметил и Георгий: «Я тебе как печник скажу – у нас я таких лёгких глин не встречал. Отвезу Ксюше, она лепит, пусть сравнит».

Солнце клонилось к закату. Ноябрьский день угасал, надо было поторапливаться. На выгоне за деревней хотелось набрать ещё светло-коричневой глины. Удастся ли её там набрать и вдруг я поймал себя на мысли, что втайне рассчитываю на крота и даже подумал: «Выручит опять крот, то это не простое везение, таких совпадений не бывает». И что же вы думаете – опять выручил, подземный бродяга. Правда, из многих кротовых куч нам попалась только одна с чистой глиной. По всей видимости, в этом месте животное устроило себе продуктивное хранилище. Такие хранилища они закладывают гораздо глубже, чем роют ходовые норы, вот, роя подземную кладовую, и добрался землекоп до материкового пласта глины.

В деревне мы наскоро пообедали на большом круглом кузнечном камне, что служил для ошиновки деревянных тележных колёс.

– Как вижу у вас и кузнец свой в деревне был,.. – не спросил, а просто сказал Георгий.

– А как же, – ответил я, – не просто кузнец, а непревзойдённый коваль, дядя Митя Сергеев, за двадцать вёрст к нему лошадей ковать водили.

– Где ж он такой грамоте обучился?

– В армии службу проходил в конном полку, там этим занимался. Дом его тут же стоял. Вот около этих кустов сирени. А потом кузню новую выстроили, около пруда. Я эту, вот здесь, кузницу едва помню, а в ту частенько бегали посмотреть, как железо плющится и искры сыплют из-под кувалды. Царствие ему небесное, нет его уже на этом свете. А за его домом, двухэтажный дом твоего прадеда Николая Илларионовича стоял. Он волостным старшиной был. Отсюда и в Сибирь подался.

Изменчивая ты осень ноябрьская... ох, изменчивая. Только, простившись с деревней, перешли через речку, и пошли по краю Ущельного оврага в сторону шоссе, как налетел, откуда ни возьмись ветер, закружил над головой листву, понёс её, пряча по распахам и чернильным со стальным гляncем отвалов, бороздам; сразу стало темнеть и, неожиданно появившаяся из-за Своего леса кургузая, непричесанная туча накрыла нас крупным крепким едучим ливнем. В спину барабанило так, будто хотело через намокшую куртку выдубить кожу. Косотелые испуганные облака, как стайка ворон, гонимые ветром убегали от тучи куда-то вбок к Фёдоровке, деревья наклонились, скрепя и всхлипывая.

– Откуда что взялось, – проговорил Григорий, отжимая внизу штанины, когда короткий, но жёсткий ливень закончился.

«Даже местность не хочет расставаться с коренными её жителями, оплакала, как оплакивает нера-

дивых своих детей мать, провожая в неведомый путь.— Подумал я. — За непослушание вначале настучала по спине маленькими материнскими кулачками, да села среди лугов и полей и безутешно заплакала, роняя на распаханную землю струйки пресных обильных слёз».

Мы спустились от «Первой ямы» к шоссе и только ступили на асфальтовую твердь, как нас накрыла, сползшая с горы темнота. Мы едва различали друг друга в пенистом фиолетовом сумраке. Ветер усилился, в отдалении по шоссе скользили огоньки идущих машин.

Вскоре подошёл со стороны Полчаниновки «Пазик». Мы с удовольствием спрятались от ветра за его обшивкой, устроившись на одном из сидений. Через несколько минут впереди расплывчато замаячили огоньки Фёдоровских улиц, затем показались дома. Редкие на столбах электрические фонари, раскачиваясь, смазывали правильную картину уличного порядка. Более того, они, раскачивающимися жёлтыми пятнами безжизненного света, раскачивали и дорогу. Неуютно, зыбко, печально, зябко. За окном ни души.

— Это и есть Фёдоровка?..— спросил Георгий.

— Да... Точнее — это «Серафимовка»,— заметил я. Если наша деревня делилась на три части: «Загорную», «Улицу» и «Вылётовку», разделённые овражками, напоминая внешними очертаниями сапог. А здесь не так. Если взглянуть на Фёдоровку сверху, то мы увидим гусиный клин, одна из сторон которого и

есть «Серафимовка», а другая – «Грачи». Передним же углом его можно назвать «Бутырки». Я в Большой Фёдоровке учился, а в «Серафимовке» жил на квартире. Вообще, село расположено по речке «Большой Колышлей». Здесь река берёт своё начало, рождаясь из двух рукавов, по берегам которых и стоят улицы и переулки, отсюда и клин гусиный, или просто летящая птица. Насколько уцелела эта птица сейчас – не знаю. «Серафимовка цела, а вот «Грачи» или «Бутырки», неизвестно.

– А почему такие названия – «Бутырки», «Серафимовка»?

– В Большой Фёдоровке не один барин был, а сразу несколько. У каждого свои крестьяне. Одним из них был статский советник Бутыгин (Бутыгин) Евграф Степанович. Он в 1858 году имел 500 крестьянских душ, богатей. Видимо, слово, означающее фамилию, трансформировалось в «Бутырки». А «Серафимовка» по барыне Серафиме названа. Её отец Василий Протопопов в 1850 году имение своё между детьми Дмитрием, Юлией и Серафимой разделил. Серафиме достались крестьяне в Большой Фёдоровке по этой улице. Отсюда и «Серафимовка». Вот так оно и складывалось.

Я всматриваюсь в окно, в качающихся разводах мутного фонарного света промелькнул дом Шухровых, затем дом Барсуковых, Маркеловых. Около магазина тускло светит фонарь, изливая в липкую и холодную темноту желтушный с фиолетовыми разводами свет. Его ершистые, встрёпанные лучи, точ-

но осенние мухи, вяло разлетаются в разные стороны и, отлетев сажени две-три, тут же пристают крыльями к липкой тёмной вечерней занавеси. Неряшливая темнота тут же высасывает из них последние силы и сбрасывает на землю, усеивая холодным тлетворным мерцанием опавших крыл усохшие травы. Тоскливо, неуютно, томно.

Достаточно быстрая посадка в автобус и снова в путь. На обратном пути мы уже видим редко освещённые дома другой стороны улицы. Я толкнул Георгия локтем и кивнул за окно:

– Вот дом, где я жил на квартире. В нём и сейчас живёт моя тётка, Мария Ивановна. А Братка, так мы её мужа звали, его уже нет. Помните, я показывал его фотографию, в форменке. Он нашёл на месте сломанного нашего дома в Малой Крюковке глиняные свистульки, с формочками. Баню строил, на каменку понадобились камни-песчаники, они жар хорошо держат. Эти камни в деревне в фундаменты закладывают. Так стал он из фундамента, оставшегося от родительского дома, эти камни выбирать, а игрушки и вывалились. Только в то время никто этому никакого значения не придавал, потом вспомнилось.

– Ты это уже рассказывал...

– Правда?!

– А что ж ты не напомнил?

– Зачем? Человеку приятно вспомнить прошлое...

Пусть вспомнит. Ты скажи, отчего он умер этот родственник?

– Поперхнулся.... А, в общем-то, и зелёный змий виноват тоже. А был душа-человек, таких людей мало.

– И чего её стали так пить? – сердито проговорил Георгий. – Безысходность что ли заставляет?

– Думаю, что русский человек пьёт не от безысходности и беспросветности, как эта деревенская тьма за окном, не от тяжёлых и невыносимых условий быта и обстоятельств – ему к этому не привыкать. У нашего мужичка жизнь никогда не была радостной и сладкой. Прикладывается же сейчас он к рюмке потому, что, положенный в его душу Творцом идеал, отуманился и уже у многих не имеет такого ясного и чёткого очертания, какой имел в стародавние времена. Насильственное обезбоживание тоже нельзя сбрасывать со счетов. Поэтому и мечется его душа в поисках утрачиваемого смысла существования. Озарит на какое-то время – и снова нет. Вот и получается: ещё не до конца истёрто в душе предначертание, а, в то же время, идёт явное нашествие сил супротивных, целей лживых и маяков ложных. Женщин ещё материнство как-то держит и то с жизненных рельс сходят, а про мужиков и говорить нечего. Без Бога в душе, русский человек уже и не русский вовсе, а так – перекасти поле, посмешище миру, шарж на святое.

– Эх, вы как! Так уж и сразу?.. «Посмешище миру, шарж на святое».

– По-другому, Георгий, не выходит.

– А я, ещё думаю, – дополнил Георгий, – торгашеская радость не по нему, задачи по плечу нет. Была бы задача, цель, хоть и не глобального масштаба, тогда другое дело. Нет такой задачи, нет цели... отсюда и пьянка.

– Цели они разные, Георгий... Вот сейчас российские политики хотят такую цель для русского народа обозначить и подсовывают ему разный суррогат. Только зря стараются. Цель для нашего народа со времён крещения Руси определена. Это великая ноша, которую бросить – значит погибнуть и нести тоже не вмоготу. А ведь несём. Велика ноша. Кости от напряжения от мяса отделяются, сухожилия звенят и лопаются, кровь на лбу вместо пота выступает, виски словно обручем сдавливают, но другого пути нет. Некому эту ношу нести, нет такой страны, нет такого народа под луною, кто бы мог вынести эту тягу...

Мы замолчали, думая каждый о своём. Я стал думать о том, что нет, и не может быть в душе у народа-богоносца выше цели, как донести творца в сердце до конца собственной жизни, набивая шишки об углы житейских и эпохальных проблем; Георгий же, по-видимому, примеривает на народ свой кафтан в виде спасительной идеи. В любом случае – оба молчим и думаем.

Мы снова едем к Корене. Сзади Большую Фёдоровку поглотила тьма. Она бесследно исчезла, растворилась. Впереди, за окном – чёрная космическая дыра, изредка прорезаемая метеоритным светом

фар пролетающих большаком легковушек. Монотонно бьёт в стёкла автобуса желеобразная мокреть. В салоне включен свет. Напротив нас сидит крепкого телосложения молодайка. На её коленях примостился мальчишка лет пяти. Женщина разговаривает с соседкой, а карапуз пытается что-то вытащить из материнской сумки. Мать несколько раз бьёт его небольно, но назидательно по рукам, дескать, не лезь, а сынишка не слушается и опять тянется к сумке.

– А что, Пётр, я вижу, ты не долюбилаешь современные игрушки, это что, профессиональное? – спрашивает Георгий, когда мы вышли на основную трассу, и нас перестало бултыхать из стороны в сторону.

Я понял, что Георгию хочется меня разговорить на эту тему и возможно прояснить для себя какой-то важный вопрос.

– Не все, дружище,... не все. Попадаются и сейчас хорошие изделия местных производителей, но мало. Привозят много из-за рубежа или такое же производство здесь наладили, неизвестно, сейчас это просто, сам знаешь.

– А чем вас зарубежное не устраивает?

– Их игрушки, Георгий, созданы другой цивилизацией. А у цивилизаций разные взгляды на мир, жизнь в этом мире, разные религии, которые эти цивилизации породили. Они учат детей через игрушки каждый своему: своим взглядам, понятиям. Возьмём, к примеру, Западную цивилизацию. Посмотрите на их современных супергероев, кому

обыкновенно подражает ребячьи: они нам напоминают не людей, а супермашины. Вглядитесь в их лица,... вы разве увидите в них душу? У них даже такого слова и понятия как «душа» в языке нет, одни заменители, как в лекарственных препаратах.

Супергерой смотрит на вас чаще всего через прицельное устройство автомата или прозрачную маску. Мы должны понять, что супергерой с накачанной мускулатурой и обвешенный оружием, вступивший на борьбу со злом, не имеет ничего общего с нашим сказочным героем Иванушкой, который тоже борется с силами тьмы, только борьба эта разная, средства разные и итог не одинаков. Да и сам Иванушка, открытый, добродушный, ласковый, готовый с себя последнюю рубашку отдать обездоленным, не похож на супермена. А почему он такой? Он такой потому, что его наша русская цивилизация породила, его воспитала православная среда. И это хорошо знают наши противники. Потому и гонят на наших солдат впереди себя жён и детей, рассчитывая, что наш Иван в ребёнка или в женщину не выстрелит, сам погибнет, а не выстрелит. И сколько гибло так?... Вот она тебе наша разность. Запад для себя этот вопрос решил давно и однозначно – чужие судьбы его не волнуют. Сначала начисто разбомбят кого угодно, так что детские кроватки на деревьях висят, а затем начинают завозить оставшимся в живых гуманитарную помощь, да в их чуланах рыться. Здорово... да!?! Всё это не ново. Новое в другом. Воспитывать суперменов или воспитывать Иванушек?

– вот вопрос. Если мы будем воспитывать при помощи игрушек суперменов, то мы практически отказываемся от своей истории и своих традиций и отдаёмся во власть иных народов без единого выстрела. Это война, но иным способом.

– Эх, куда повернул. Думаю, что ни Илларион, ни тем более Африкант об этих проблемах не думали, когда свои игрушки лепили.

– У их поколений были свои проблемы и такой вид оружия, как игрушечный, ещё не был изобретён. Сейчас игрушечное мастерство поиссякло, образовалась щель в потребительском рынке вот в неё, и лезут все как тараканы.

– Поиссякло? Или специально *поиссякли*?

– Я больше склоняюсь ко второму.

– Так ведь не всё поиссякло, например Пётр Петрович жив и здоров, – и Георгий вопросительно посмотрел прямо мне в глаза. Я не увидел в них лукавства и ответил прямо и сразу.

– Нет, Георгий. По современным меркам я, конечно, игрушечник, но, ни Фиме, ни Иллариону с Андрияном я даже в подмастерья не гожусь. Как говорить «На безрыбье и рак рыба»,.. то были титаны.

– Однако, чего бы вы больше всего хотели как «мастер на безрыбье»?

– Проехать бы по школам близлежащих сёл: Полчаниновки, Песчанки, Б. Фёдоровки, Б. Ивановки, поговорить с руководством, провести с детьми и учителями мастер-классы по лепке, научить органи-

зации лепного дела с целыми классами. У меня же, Георгий, в этом большой опыт. И они не будут думать, чем детей на уроках труда занять. Дело это не простое, а из первых рук получить знания, очень даже полезно.

Наступила пауза. В это время малыш всё - таки достиг сумки и запустил в неё ручонку. Я взял и потихоньку погрозил ему пальцем. Видно это карапузу не понравилось, он быстро выдернул руку из запретной сумки, и на меня уставилось чёрное ствольное отверстие игрушечного автомата. «Тла-та-та – произнёс новоявленный супергерой, выпустив в меня длинную очередь с миганием красной лампочки на конце ствола.

– Вы, кажется, убиты, – проговорил тихо Георгий.

– Да, дети, кажется, повзрослеют быстрее, чем мы наделаем собственных игрушек, – ответил ему я так же тихо.

– Хорошо, что ещё контрольным выстрелом не жалуется.

– Ещё бы...

– Ну-ну.

– А, впрочем, всё равно всё будет не так, как нам думается... и наши опасения могут не оправдаться. У России свой путь. Как её за последние сто лет не корежило на жизненных ухабах. У неё никогда не было ровной дороги, как и у этого «Пазика».

Мы молчали. Дальше философствовать не хотелось. Ленивые мысли, словно морские волны, медленно набегают на душу и, не сдвинув ни одного бу-

лыжника былых дум, так же медленно откатываются назад, унося с собой придонный гравий мелочных мыслишек и серую муть воспоминаний.

Водитель выключил в салоне свет. Мы сразу очутились в таинственном сумрачном пространстве, подсвеченном мигающими на приборной доске маленькими светодиодами. Невидно лиц, одни контуры человеческих фигур на сиденьях.

Мелькают за окном придорожные знаки, тёмные маслянистые лужи по обочинам шоссе лениво отражают свет фар; разогнавшись, несётся, поскрипывая обшивкой «Пазик», ввинчиваясь в фиолетовую мокрую жуть облегающего его пространства, и порой кажется, что это не «Пазик», а Отчизна, оторвавшись колёсами от земли, взмыла в небо и катится над планетой, подпрыгивая на звёздных скоплениях и покачиваясь на широтах и меридианах вселенной; это она, недоступная никаким силам, торит свой путь, а внизу, в оранжевом мареве сменяющихся эпох изумлённо смотрят ей вслед народы и тихо спит на руках у матери маленький борец за справедливость, видя обворожительный и таинственный сон.

Август 2011.

Новейшая история саратовской глиняной игрушки в фотографиях

Фото. 1. Современная история саратовской глиняной игрушки неразрывно связана с «Музеем народных художественных ремёсел «Солдатенковы», его директором Виктором Васильевичем Солдатенковым, заслуженным работником культуры Р.Ф., награждённым золотой медалью ВДНХ.

Это он, узнав о глиняном памятнике старины, подвигнул П.П. Африкантова на возрождение местной глиняной игрушки. Виктор Васильевич до последнего своего часа интересовался делами по её возрождению.

Фото. 2. Александр Васильевич Фомин, мастер резьбы по дереву и лепке из глины, первым заговорил о глиняной игрушке города. Идею поддержал В.В. Солдатенков. Жаль, что Александр Васильевич вскоре умер.

Фото. 3. П.П. Африкантов, в начале, занимался лепкой рельефов и скульптурок из глины. На фото. «Играющий на пиле», «Путник на отдыхе». «Путник на отдыхе» сделан из вохклой глины. Изделия патированы под бронзу. Композиция «Охота с лайками на медведя» (сидеролит) – отобрана и передана в фонд ЮНЕСКО. Москва, 2003 г.

Фото. 4. Рельеф А.С. Пушкина. Патированная под бронзу керамика. Всего изготовлено два изделия. Одно было передано «Музею народных художественных ремёсел «Солдатенковы», а другое – библиотеке им. А.С. Пушкина в Саратове.

Фото. 5. Работал Пётр Петрович и с другими материалами. Это направление он назвал «Флорокерамика». Флорокерамика – это когда основание с деталями лепится из глины, обжигается, а затем на него наклеиваются камешки, пух, семена растений и т.п. На фотографии работа мастера «Орёл на скале». 2012 год.

Фото. 6. Демонстрационный зал «Музея народных художественных ремёсел «Солдатенковы». На столе копилка «Петух» (автор П.П. Африкантов). Каждый посетитель мог бросить в копилку монету на нужды музея.

Фото. 7. В зале «Музея народных художественных ремёсел «Солдатенковы» идёт презентация альбома «Саратовские сказочники», авторы: В.В. Солдатенков, Т.А. Солдатенкова, редактор П.П. Африкантов, в котором напечатаны первые фотографии саратовской глиняной игрушки. На фото слева направо: В.В. Солдатенков, П.П. Африкантов, Т. А. Солдатенкова.

Фото. 8. Коллектив мастеров «Музея народных художественных ремёсел «Солдатенковы» (2002 год). В первом ряду третий слева А. В. Фомин, четвёртый – П.П. Африкантов. В последнем ряду седьмой слева В.В. Солдатенков.

Фото. 9-10. В родной школе, в селе Б. Фёдоровка, Татищевского района, мастер проводит занятие по художественной лепке из глины. Октябрь 2011 г.

Фото. 11. Саратовский Государственный Художественный музей имени А.Н. Радищева. Игрушку с увлечением учатся лепить не только дети, но и взрослые. Саратов, 2009 год.

Фото. 12. «У русской народной игрушки душа православная» – эту мысль выразил П.П. Африкантов на городском семинаре – «Православие – культурообразующая религия России». Актовый зал «ЦДОД», 20. марта 2012 г.

Фото. 13. Директор Центра дополнительного образования детей (ЦДОд) Заводского района г. Саратова Н.П. Дорофеева и педагог П.П. Африкантов обсуждают новые игрушки.

Фото. 14. Мастер-класс по лепке свистка из глины в сквере Заводского района, напротив здания администрации.

Фото. 15. В «Культурном центре им П.А. Столыпина» глиняная игрушка была встречена костюмированным концертом – пляской и игрой русских народных инструментов. 2011 год.

Фото. 16. Ступеньки крыльца тоже хорошее место, где можно показать мастер-класс даже для отдельных посетителей музея. Территория музея им. Н.Г. Чернышевского. Май 2013. Саратов.

Фото. 17. Мастер-класс по лепке традиционной игрушки в Саратовском областном музее краеведения (2011 год).

Фото. 18. Выставка Саратовской глиняной игрушки и мастер-класс П.П. Африкантова. Москва, «Царицыно», июль, 2013 год.

Фото. 19. «Образцовый художественный коллектив, оркестр русских народных инструментов «Резонанс». Художественный руководитель Л.Х. Шайхутдинов (в центре с баяном), использует духовые инструменты П.П. Африкантова (окарины, свистульки) в своём концертном репертуаре. На снимке: занятия в ЦДОд Заводского района. Город Саратов, 2011 год.

Фото. 20. Африкантова Елена Ивановна продавала игрушки на базарах Саратова. Пётр Петрович считает свою жену главным помощником в игрушечном деле. Саратов, 2008 год.

Фото. 21. Сотрудники Государственного художественного музея Н.А. Радищева обсуждают план реализации музейного проекта «Добрая игрушка земли саратовской».

Слева направо 1 ряд: П.П.Африкантов с сыном Антоном, С.А. Чеботарева (хранитель дидактического фонда), С.В. Шестова (методист Центра музейной педагогики). 2 ряд: Т.Б. Царева (заведующий научно-просветительским отделом). О.В. Подосинникова (научный сотрудник Энгельсской картинной галереи А.А. Мыльникова).

Фото. 22. «А лепить надо вот так...». Занятия в объединении «Керамика» ЦДЮД Заводского района. Лепит Козырева Настя.

Фото 23. Директор завода «Римкер» Александр Олегович Портнов, узнав о возрождении Саратовской глиняной игрушки, не только приехал познакомиться с игрушкой и с мастером, но и, в дальнейшем, принял активное участие в становлении игрушки, как яркого бренда области. Саратов, 2014 год.

Фото 24. После того, как игрушка побывала на своей первой городской выставке – у неё сразу появились многочисленные почитатели. Одним из них является Вадим Альбертович Кудряшов. Саратов, 2014 год.

Фото. 25. В ЦДОд Заводского района, в рамках программы «Клянюсь низко родной старине» идёт презентация книги П.П. Африкантова о саратовской глиняной игрушке. Дети устраивают сценки и читают стихи про игрушку. Зал ЦДОд «Светлица», 2012 год.

Фото 26. Эта брошюрка (методическое пособие) по лепке глиняной игрушки увидела свет в 2009 году благодаря тогдашнему министру культуры В. Н. Синюкову. В свою бытность он лично отдал распоряжение по выпуску методического пособия.

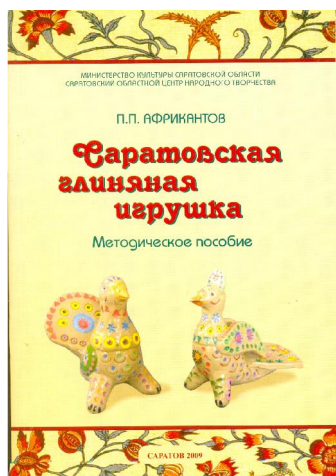

Фото 27. В Саратовском этнографическом музее состоялась выставка игрушечника П.П. Африкантова.

На снимке статья «Причастие глиной и камнем» в «Саратовской областной газете» от 26.01.2007 года.

Фото 28. По характеру Пётр Петрович совсем не бука. Посмеяться над собой и своим увлечением — это запросто. Подтверждением служит этот автошарж. Можно ещё лопату с фотоаппаратом дорисовать. Только, и без них всё понятно.

**Государственное автономное учреждение культуры
Саратовской области
центр народного творчества**

410041 Россия, г. Саратов, ул. Ленинская д. 30, телефоны: (8452) 67-21-47, 67-24-47, e-mail: socnt@mail.ru

[Главная](#) | [О Центре](#) | [Творческие коллективы Центра](#) | [Галерея](#) | [Закупки](#) | [Услуги](#) | [Обратная связь](#)

[Карта сайта](#)

Вы здесь: [Интерактивный культурный портал](#) > [Нематериальное культурное наследие Саратовской области](#)

<p>Мероприятия центра</p> <ul style="list-style-type: none"> События Конкурсы Фестивали Выставки Инициативы центра Проект деятельности Нематериальное культурное наследие Анонсы мероприятий 	<p>Нематериальное культурное наследие Саратовской области</p> <p>Нематериальное наследие – это совокупность, основанная на традициях (форм культурной деятельности человеческого сообщества, формулирующих у его членов чувство «гражданственности», передавая традиционные материальные ценности) общности населения, от «языка» человеку. Материально-институционально-организационные формы постоянно воспроизводятся человеческим сообществом, теряя при этом «личностный» аспект, который сохраняется в качестве формы культуры, потребовавшей создания институтов объектов нематериального культурного наследия (НКН).</p> <p>В материалах Междисциплинарной Конвенции Генеральной конференции ООН по нематериальному культурному наследию сформулированы следующие определения этого понятия.</p> <p>Нематериальное культурное наследие означает обычаи, формы, представления и ценности, а также связанные с ними инструменты, предметы, знания и навыки, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в культурном наследии. Такое нематериальное культурное наследие передается поколениям, растет по мере осознания сообществами и группами в зависимости от среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирования у них чувства принадлежности к сообществу, тем самым укрепляя культурное самознание и чувство уважения. Для целей настоящей Конвенции признается во внимание только то нематериальное наследие, которое соответствует с оговорками международно-правовым актам «языка» и «равновесия» означенного взаимодействия между сообществами, группами и отд. и не угрожающее исчезанию.</p> <p>Так же связанной в статье к нематериальному культурному наследию являются:</p> <ul style="list-style-type: none"> - истинные традиции и формы выживания, включая язык, в качестве неотъемлемого культурного наследия; - основные обычаи, праздники; - языки и диалекты, относящиеся к природе и фольклору; - традиции и навыки, связанные с сельскохозяйственными методами; - центры информации, творчества, реконструкции (сегодня как один из важных способов осуществлять сохранение многих объектов нематериального наследия). <p>Привлечением культуры Саратовской области было создано лабская экспертная группа Единого реестра объектов нематериального культурного наследия Саратовской области.</p> <p>В марте 2015 г. экспертная рабочая группа рассмотрела материалы АНОКН, учреждениями культуры районов и городов области, и вынесла решение внести в Реестр Саратовской области:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. <u>Технология изготовления Саратовской глиняной игрушки</u> 2. <u>Образцы народных песен Саратовской области</u> 3. <u>Народный танец «Совица»</u> 4. <u>Демонстрация народных обрядов</u> 5. <u>Алтайская колыбельная</u> 6. <u>Степан – праздник декоративно-прикладного искусства</u> 7. <u>«Свадьба» – традиция обряда поминки по старости заключенных мужей</u> 8. <u>Традиционная игра «Сорок и пролетка»</u> 9. <u>Алтайская колыбельная</u> 10. <u>Песенка «Сорок и пролетка»</u>
---	--

© 2016 Народное творчество. Все права защищены.

Фото 29. На сайте Саратовского областного центра народного творчества выложен следующий документ: «В марте 2015 г. Экспертная рабочая группа рассмотрела материалы АНОКН, учреждениями культуры районов и городов области, и вынесла решение внести в Реестр Саратовской области:

1. технология изготовления Саратовской глиняной игрушки

Полностью информацию можно получить по этим адресам:
<http://www.socnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/219-tekhnologiya-izgotovleniya-saratovskoj-glinyanoj-igrushki.html>

<http://www.socnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/218-nkns.html>

Фото. 30. Будущие мастера саратовской глиняной игрушки на семинаре в областном центре народных ремёсел. Саратов, 2014 год.

Фото 31. Занятия по лепке из глины в объединении «Умелец». Саратов. Ул. Марины Расковой 9, 2014 год.

Фото 32. В гостях у игрушечника съёмочная бригада телеканала «Культура». Слева направо: П.П. Африкантов, режиссер Юлия Каткова, автор и редактор Евгения Латышева, исследователь истории деревни Малая Крюковка А.П. Жирнова.

Фото 33. Великолепные настенный и настольный календари с изображением Саратовской глиняной игрушки выпущены в Саратове накануне 2013 года. Этот подарок горожанам сделал Завод «Римкер».

Фото 34. Педагог вручает глиняного коня детскому объединению «Светлица» ЦДОД. С детьми объединения и его руководителем Светланой Валерьевной Белоноговой у Петра Петровича самые тёплые отношения. Объединение "Светлица" занимается углубленным комплексным изучением традиционной культуры России: от игрушек и народного костюма до основ православной культуры и элементов музееведения. Объединение «Светлица» ЦДОд. 2014 год. Саратов.

Фото 35. На фото, последователи Петра Петровича по педагогике: третья слева, с дочкой на коленях Венгловская Татьяна Александровна, вторая справа - Черкасова Татьяна Михайловна. Саратов. 2015 год.

Фото. 36. Разновидностью Саратовской глиняной игрушки является вольская глиняная игрушка. Энтузиаст из г. Вольска Алевтина Алексеевна Кондрашкина к делу возрождения Саратовской глиняной игрушки в своём городе подошла творчески. На основе технологии изготовления саратовской игрушки она создала из местной глины не только свою авторскую игрушку - «Вольскую крашенку», но и декоративную роспись глиняной посуды. Талантливый гончар Александр Алексеевич Ерёмин воплотил идею в жизнь. Вольские мастера, перекинули мостик по лепке игрушки из областного центра на периферию. Придёт время, когда к доброму начинанию подключатся и другие города и посёлки области.

На снимке слева направо мастера: А.А. Кондрашкина, А.А. Ерёмин и Н.В. Коптилова со своими изделиями на празднике «День города».

Сентябрь 2015 год. Г. Вольск.

Фото. 37. Коллектив Арт-студии Винтаж (Областной центр народного творчества г. Саратов) помимо винтажных технологий решил освоить и технологию изготовления Саратовской глиняной игрушки и даже вызвал на соревнование мастеров из города Вольска.

На снимке руководитель Арт-студии Маргарита Николаевна Вёшкина (крайняя слева) с частью коллектива. Саратов 2015 год..

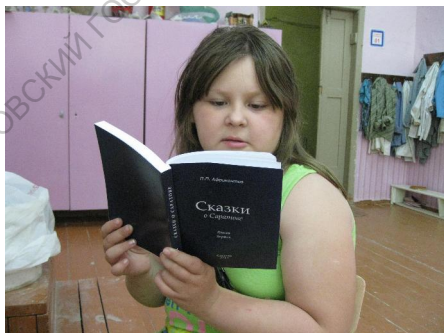

Фото 38. В кабинете ЦДОД можно не только полепить из глины, но и почитать книги про саратовскую глиняную игрушку.

Приложение 1.

Свисти свисток, свисти... (Пошаговое изготовление из глины свистков разной сложности).

Лепка простейшего свистка из глины

Хотите узнать, как делается простейший свисток при помощи круглого карандаша? Всё очень просто. Такой свисток лепят даже первоклассники. Его можно слепить не только из глины, но и из пластилина, был бы только обычный круглый карандаш. Карандаш должен быть непременно круглым, это очень важно. Его может заменить любая круглая палочка такого же диаметра, фломастер, шариковая ручка. Будем лепить изделие по шагам, так понятнее. Каждый наш, описанный здесь шаг, продублирован рисунками на цветной вклейке. Это самый простой способ лепки свистка, все остальные способы требуют определённых навыков. Так леплю свистки я, так лепили их в стародавние времена на саратовщине наши предки. А теперь к делу.

Шаг 1. (см. цветную вклейку стр. 195). Вначале идёт лепка основной части. Возьмите кусочек пере-

мятой глины, скатайте колбаску. Отрежьте от неё кусок (1) длиной, приблизительно в 30 мм (если меньше размер, то уже неудобно лепить), диаметром – немного больше диаметра обычного круглого карандаша. Один торец глиняной заготовки должен быть обязательно ровным. Проще это сделать, легонько постучав торцом о ровную поверхность стола, а можно срезать край ниткой, леской или ножом по кругу. Карандаш (2) должен быть обязательно круглым.

Шаг 2. В торец глиняной колбаски воткните карандаш (лучше незаточенной частью) так, чтобы он не проткнул колбаску насквозь. Можно использовать и палочки большего диаметра, чем карандаш, но сначала надо усвоить лепку на карандаше. Если вы захотите увеличить длину колбаски, а равно и глубину внутреннего карандашного отверстия, то знайте, что даже при самом тщательном изготовлении свистка, после глубины отверстия в 5 см. звук будет неустойчивым, а при глубине в 8 см. он исчезнет совсем. Неустойчивым будет звучание и при глубине отверстия менее одного сантиметра. При увеличении глубины глухого отверстия, тональность свистка будет понижаться, он будет басовитее.

Шаг 3. Не вынимая карандаша из глиняной колбаски, вырежьте на торцевой части, куда воткнули карандаш, прямоугольное отверстие (окно) (4). Глину при этом счищайте до самого карандаша.

На карандаше в месте выреза не должно быть глины. Окно по ширине должно быть равно диаметру карандаша. Прямо по карандашу и вырезайте. И далее, если речь идёт о ширине окна, то всегда имеется ввиду ширина выреза по диаметру карандаша. Дело в том, что при изготовлении свистков разной величины (диаметра) размеры прямоугольного окна будут меняться.

(3) – Задняя стенка выреза. Длина выреза (4) относительно противоположного края колбаски,. Далее именно это расстояние и будет иметься в виду, когда речь будет вестись о длине выреза прямоугольного отверстия. Эта длина может варьироваться от 2х, до 5-ти миллиметров, но не больше. Лучше возьмите среднюю величину. И вообще, все размеры при изготовлении свистка при помощи карандаша даются не в оптимальной величине, а от одного значения до другого. Неопытному человеку достаточно вписаться в эти величины и свисток обязательно засвистит.

Шаг 4. Примните заднюю стенку прямоугольного окна под углом приблизительно 30 градусов. Если у вас окажется угол скоса 25 или 35 градусов, ничего страшного. Это, примерно, угол среза деревянной бельевой скрепки. Для большего удобства, получившийся скос (5), лучше сделать вырезанием, а не сминанием. Скос надо загладить. У скоса, получится острая глиняная кромка (6). При заглажива-

нии скоса следите за тем, чтобы глина не расползлась по всему прямоугольному отверстию и не замазывала его, сокращая длину выреза.

Шаг 5. Проворачивая карандаш в глиняной заготовке, вытяните его из глиняной колбаски. Проворачивание обязательно, потому как острая кромка скоса прилипает к карандашу и отрывается, если карандаш вытягивается без прокручивания. Именно поэтому берётся абсолютно круглый карандаш, а не круглый с рёбрами. Перед вытаскиванием карандаша, не забудьте шилом проткнуть в противоположном торце колбаски отверстие. Шило должно коснуться торца карандаша. Иначе, при вытаскивании карандаша, (за ним в колбаске создастся вакуум) глина потянется за карандашом и уменьшит глубину отверстия (7). Старайтесь при всех процедурах по вырезке и заглаживанию скоса и, особенно, при обработке его острой кромки, которая контактирует с поверхностью карандаша, обходиться без воды, вода всегда провоцирует сильное прилипание.

Теперь, ещё раз проверьте – не уменьшилось ли вырезанное вами прямоугольное отверстие при обработке скоса, если нет, то отложите готовую деталь свистка в сторону и начинайте изготавливать вторую деталь - дульце. Это та часть свистка, которую берут в рот и дуют в свисток воздух.

Шаг 6. Лепка дульца. Отрежьте от оставшейся глиняной колбаски ещё кусочек (8), длиной при-

мерно 20 мм и изготовьте из дерева палочку-протыкалочку (9 - 10). Проще всего палочку-протыкалочку сделать из деревянной ручки от акварельной кисточки, они тонкие и конусообразные. Можно её вырезать и из любой подходящей палочки, главное – соблюсти размеры. Диаметр палочки – 6-7 мм, длина среза – 30-40 мм, ширина в тонкой части – 2-3 мм. Что из себя представляет такая палочка хорошо видно на рисунке.

Шаг 7. Продолжаем делать дульце. Прижмите отрезанный глиняный кусочек (8) (рис. А) торцом к поверхности стола (9) (рис. Б) (этим вы торец уплотните и выровняете), затем, сминая среднюю и верхнюю часть, вытяните глину вверх, сделав конус (8а). Дульце можно сделать и не из колбаски, а из глиняного шарика. Скатайте в ладонях шарик величиной (по массе) равный детали (8). Легонько прижмите шарик к поверхности стола. У вас от этого образуется на шарике плоская поверхность. Не отнимая шарика от стола, вытяните верхнюю его часть в конус, высотой, примерно, 30-35мм. Затем, не отнимая конуса от стола, как в первом, так и во втором случае, проткните его с острого конца насквозь (перпендикулярно сверху вниз) палочкой-протыкалочкой, до стола (рис. В).

Возьмите в руки проткнутую заготовку и прижмите её плоской стороной, где должна выйти палочка, к мягкому месту ладони руки. На плоской поверхно-

сти заготовки остриё палочки резко обозначится. После этого, продвиньте палочку (9) в теле заготовки ещё дальше, чтобы она вылезла с другого конца, как показано на (рис. В). Удобнее это сделать, нацелив остриё палочки между пальцами. Продвиньте так, чтобы с плоской стороны заготовки дульца палочка вышла не менее как на один сантиметр. Очистите вылезший острый конец палочки (12) от прилипшей глины. Утрамбуйте (пригладьте) в местах (11), вокруг вылезшего конца палочки, глину.

Шаг 8. Выньте палочку из заготовки. Лучше это получится, если вы возьмёте дульце в руку так, чтобы длинный конец палочки-протыкалки проходил у вас между пальцами. У вас получилось в дульце конусовидное отверстие (13).

Проследите, чтоб нигде в отверстии не было ни одной соринки, особенно на выходе палочки, в узкой части отверстия. Если всё сделано правильно и с усердием, то дульце готово. Рассматривая внутреннюю часть конусовидного отверстия в дульце (рис. а), вы обязательно увидите нарисованную картину (рис. б), только цвета на ней будут другими.

Шаг 9. Обе заготовки соединяются плоскостями торцов. Проверьте, хорошо ли прилегает дульце к основанию свистка. Торцевой срез на обеих частях должен оставаться неизменным – 90 градусов к поверхности колбаски. Прилежать части должны друг к другу без просветов и перекосов.

Лепим простейший свисток из глины

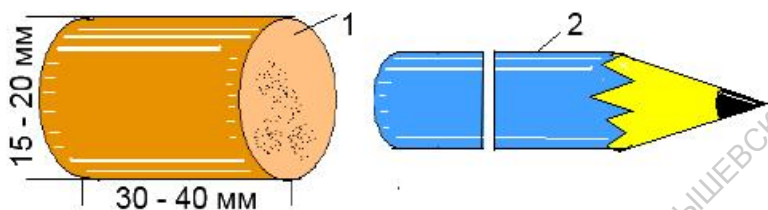

Рис. 1. Шаг 1.

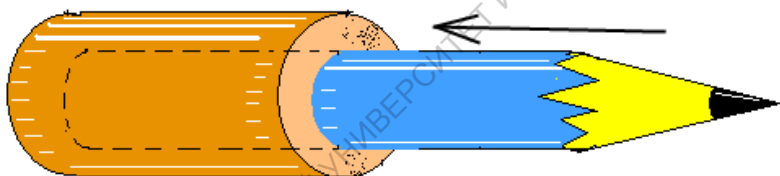

Рис. 2. Шаг 2.

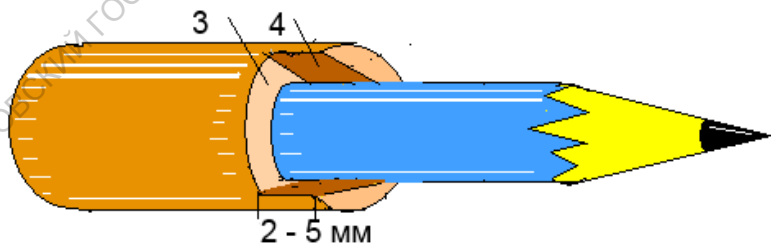

Рис. 3. Шаг 3.

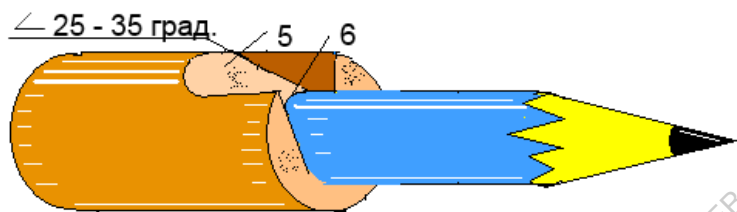

Рис. 4. **Шаг 4.**

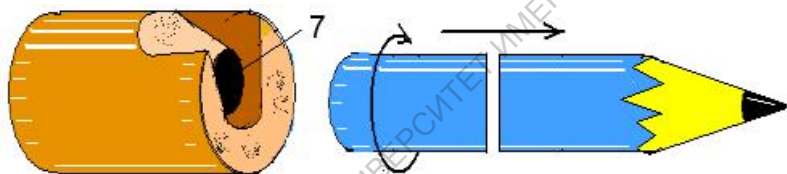

Рис. 5. **Шаг 5.**

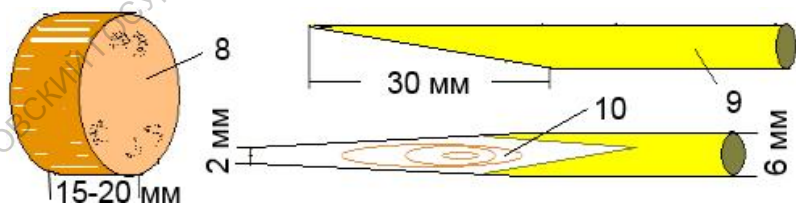

Рис. 6. **Шаг 6.**

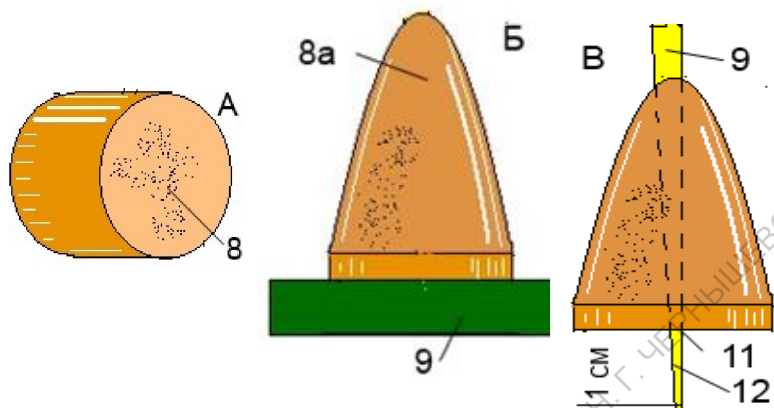

Рис. 7. Шар 7.

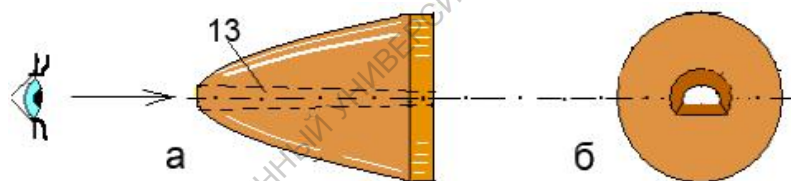

Рис. 8. Шар 8.

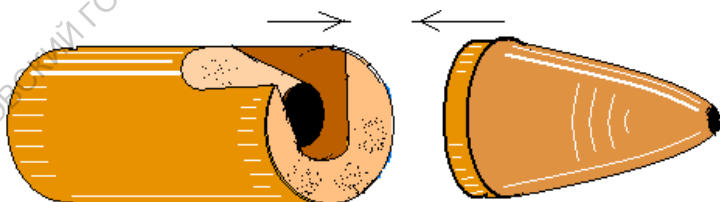

Рис. 9. Шар 9.

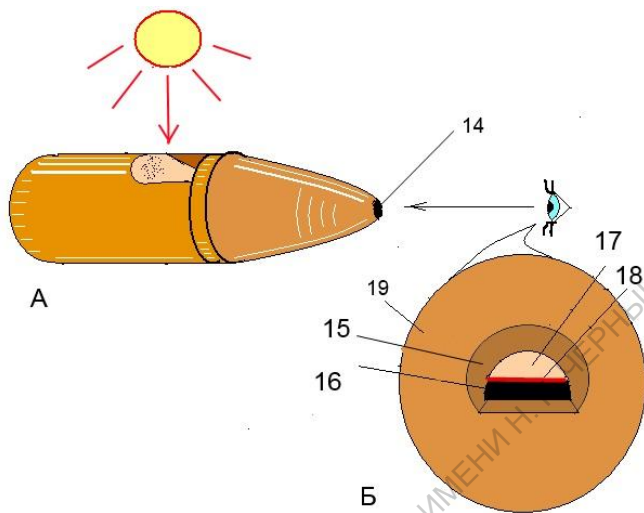

Рис. 10. Шар 10.

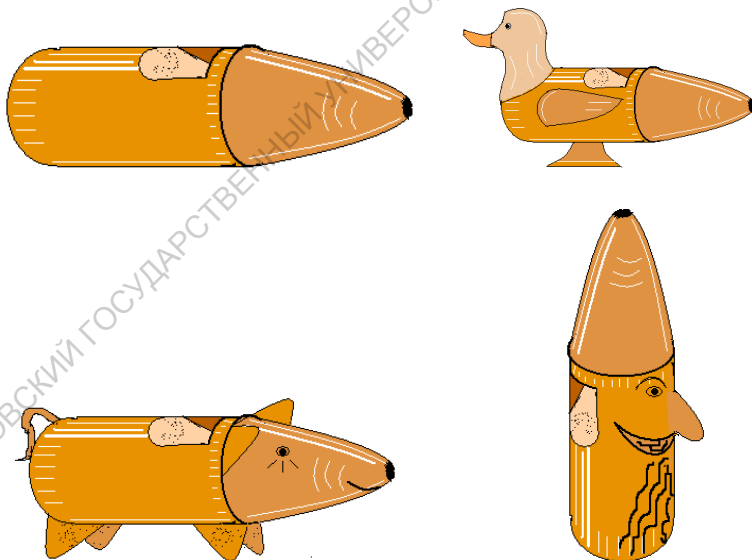

Рис. 11. Шар 11.

Лепка свистка из пирамидки

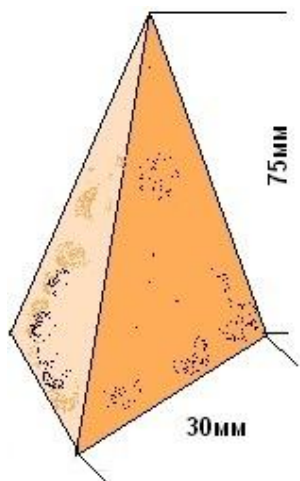

Рис. 12. Шаг 1.

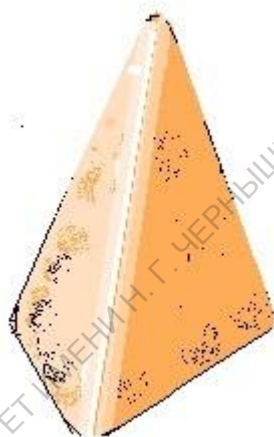

Рис. 13. Шаг 2.

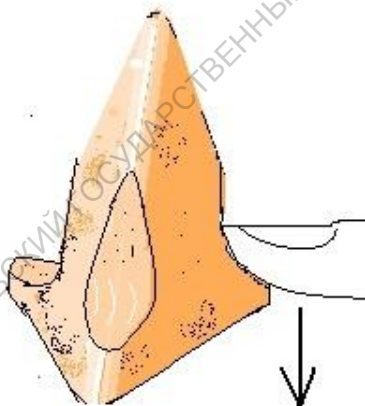

Рис. 14. Шаг 3.

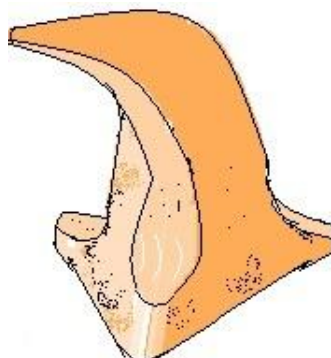

Рис. 15. Шаг 4.

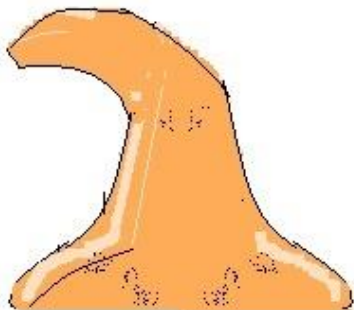

Рис. 16. **Шаг 5.**

Рис. 17. **Шаг 6.**

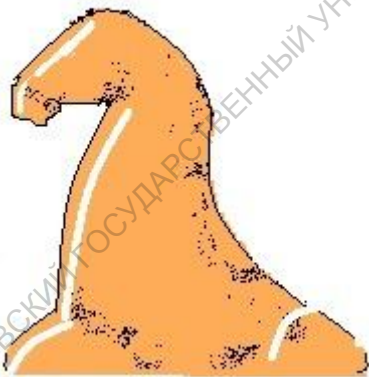

Рис. 18. **Шаг 7.**

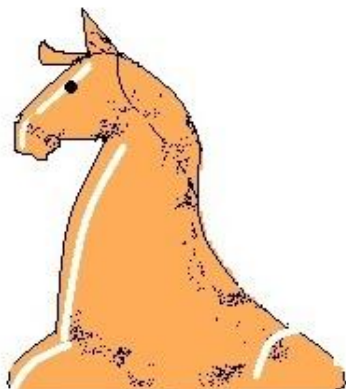

Рис. 19. **Шаг 8.**

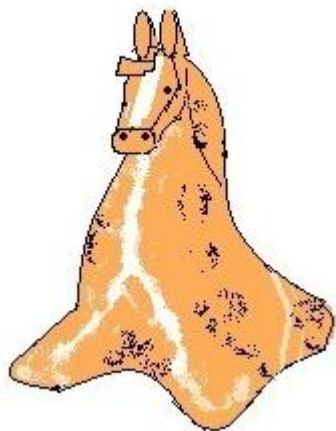

Рис. 20. Шаг 9.

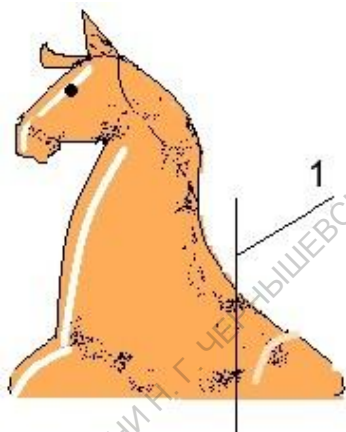

Рис. 21. Шаг 10.

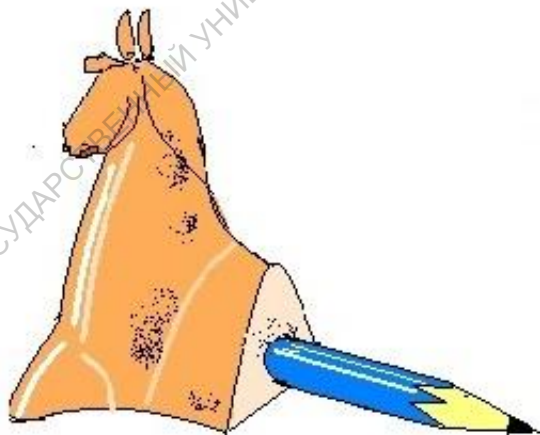

Рис. 22. Шаг 11.

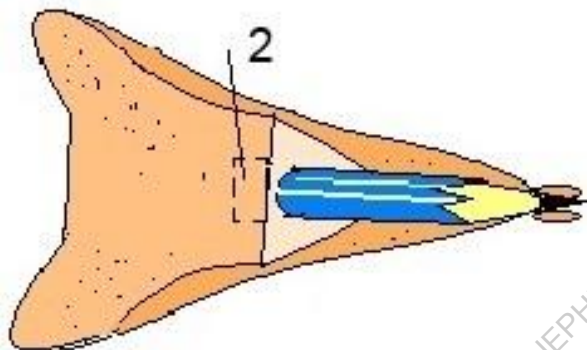

Рис. 23. **Шаг 12.**

Рис. 24. **Шаг 13.**

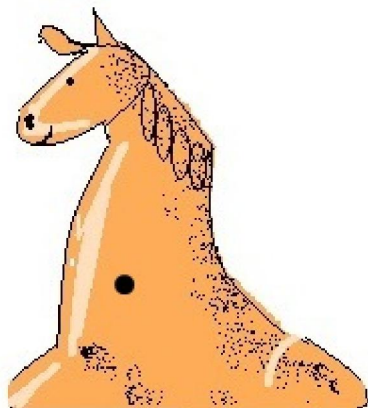

Рис. 25. **Шаг 14.**

Простая гуделка

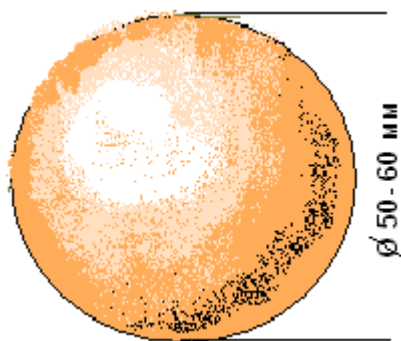

Рис. 26. **Шаг 1.**

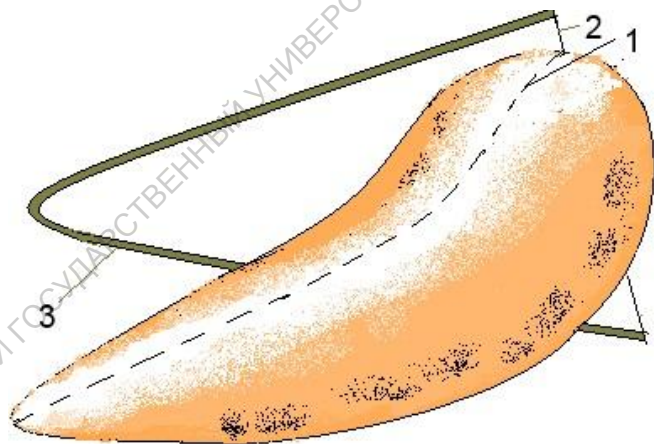

Рис. 27. **Шаг 2.**

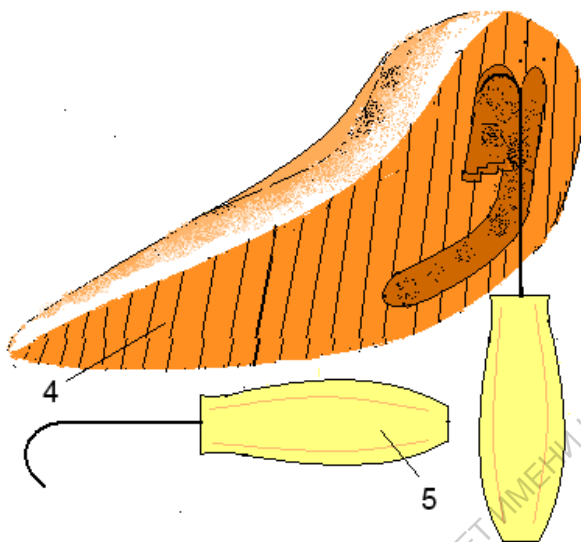

Рис. 28. Шар 3.

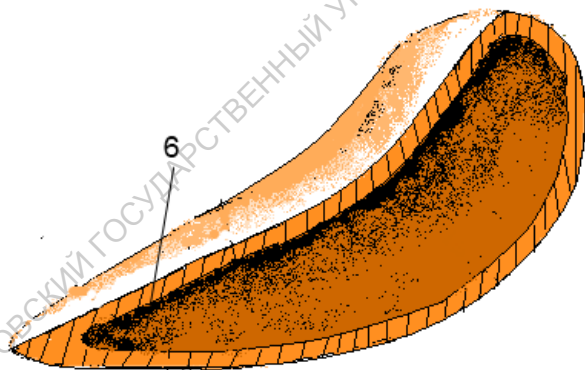

Рис. 29. Шар 4.

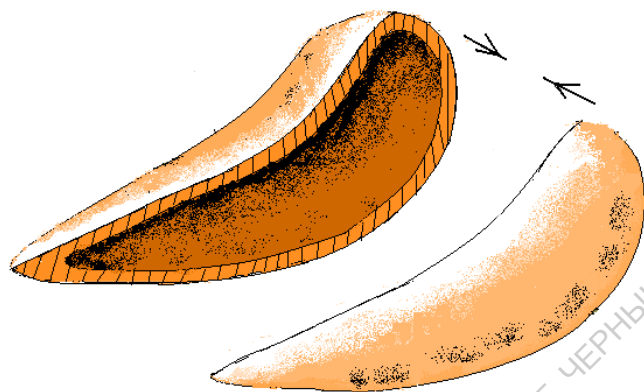

Рис.30. **Шаг 5.**

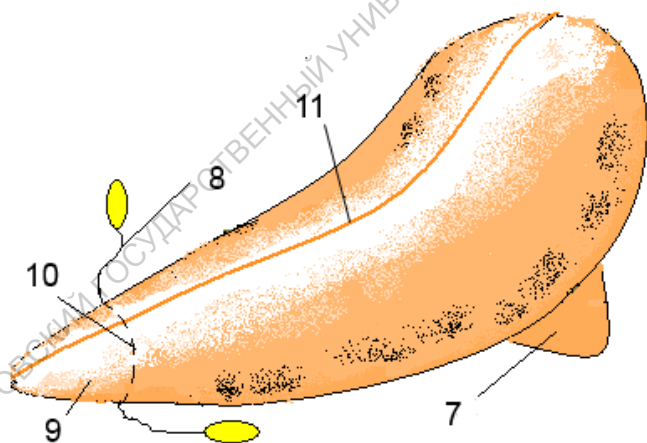

Рис. 31. **Шаг 6.**

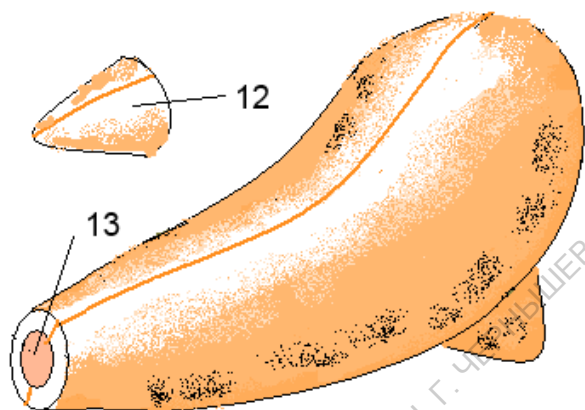

Рис. 32. Шар 7.

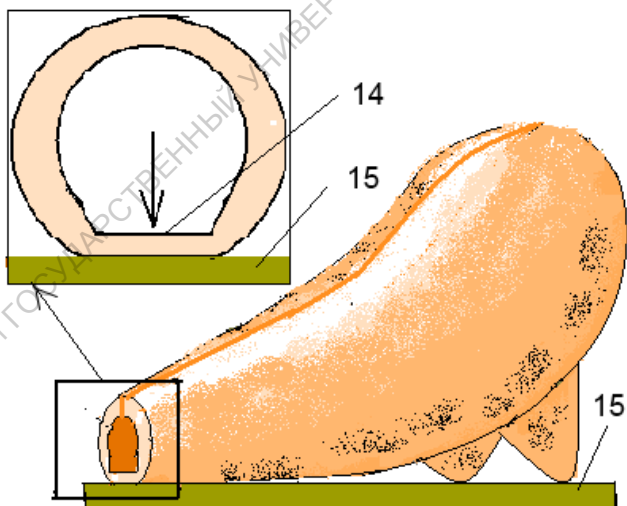

Рис. 33. Шар 8.

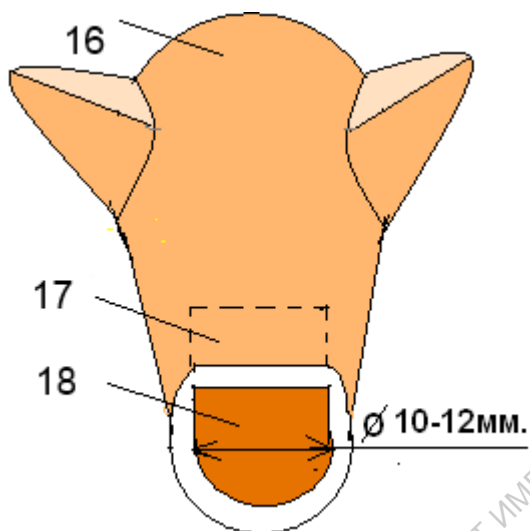

Рис. 34. Шаг 9.

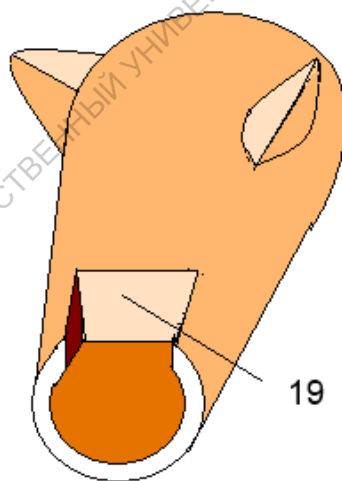

Рис. 35. Шаг 10.

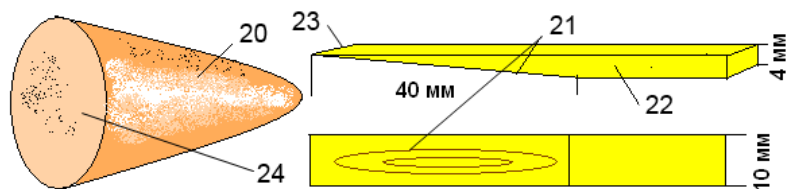

Рис. 36. Шар 11.

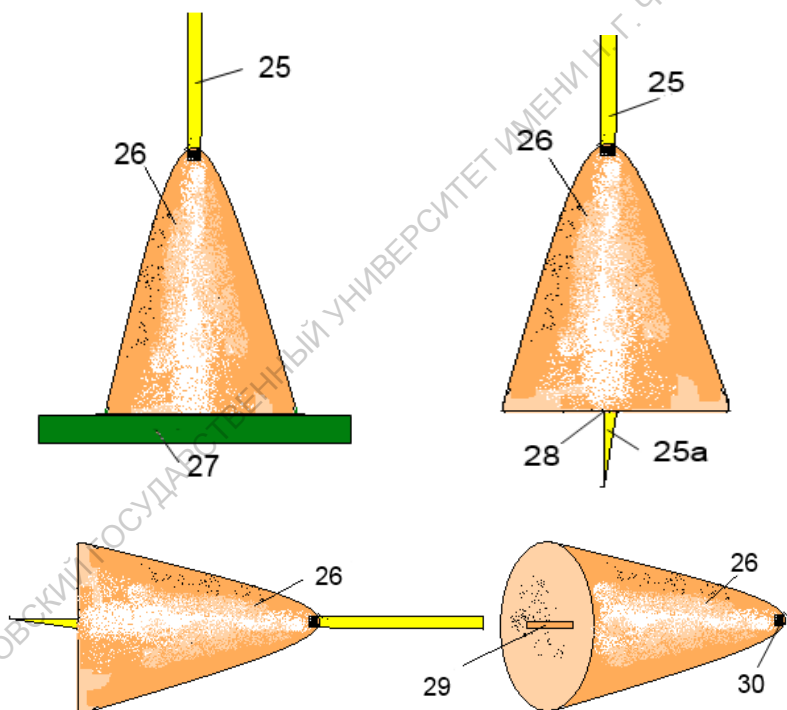

Рис. 37. Шар 12.

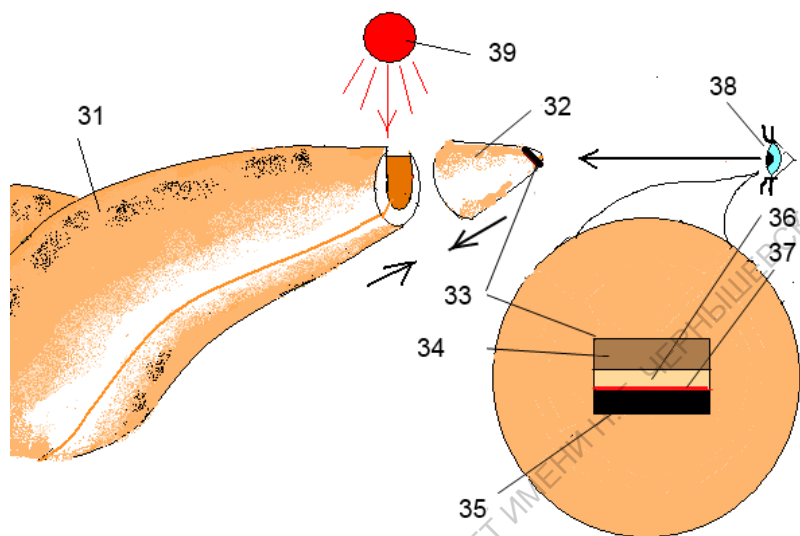

Рис. 38. Шар 13.

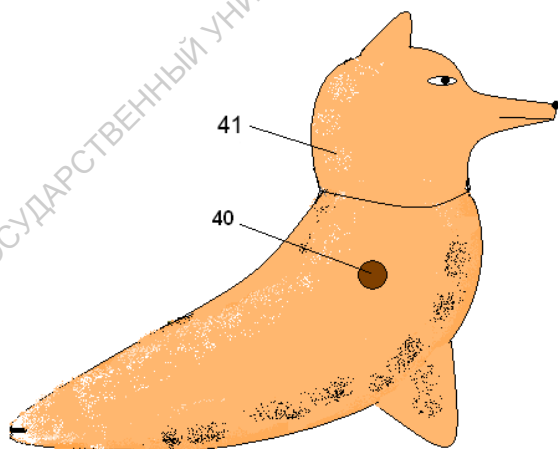

Рис. 39. Шар 14.

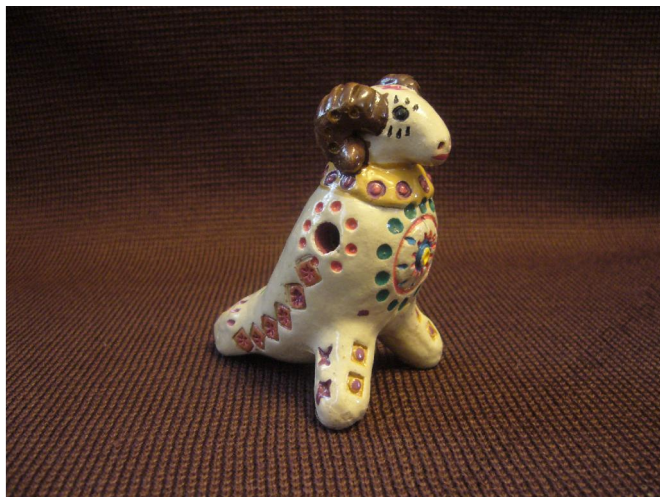

Рис. 40 - 41 **Шаг 15.**

Музыкальная гуделка

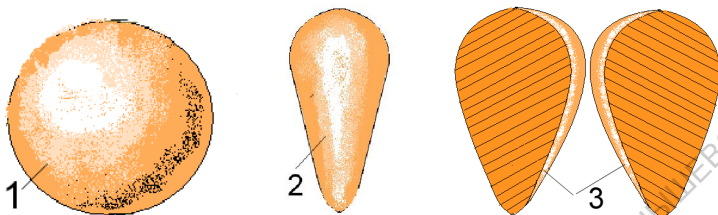

Рис. 41 **Шаг 1.**

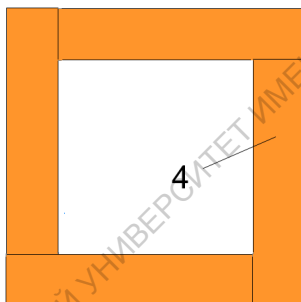

Рис. 42. **Шаг 2**

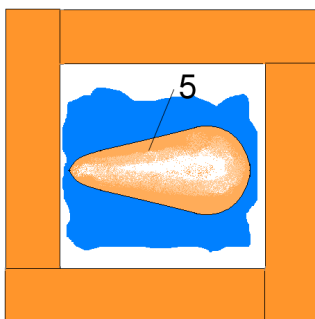

Рис. 43. **Шаг 3.**

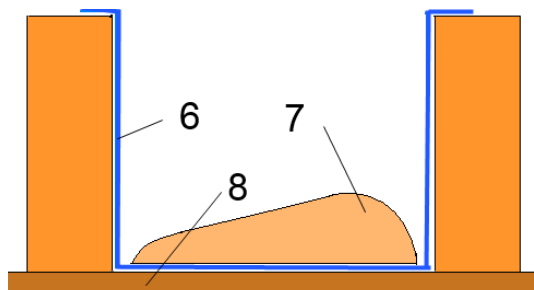

Рис. 44. **Шаг 4.**

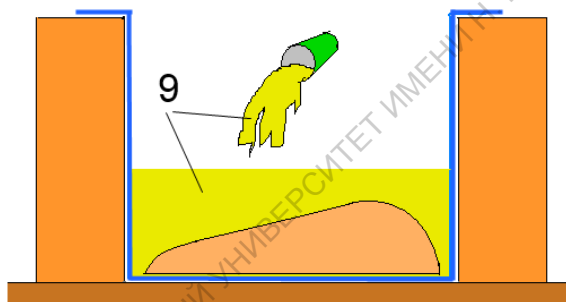

Рис. 45. **Шаг 5.**

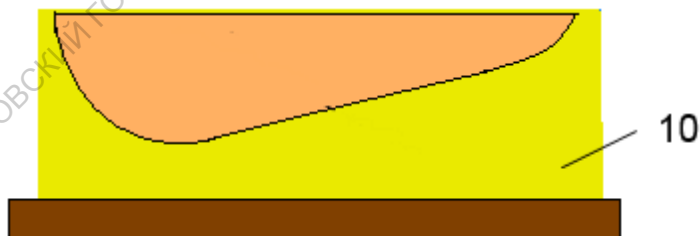

Рис. 46. **Шаг 6.**

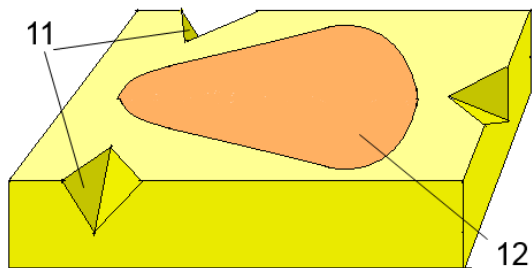

Рис. 47. **Шаг 7.**

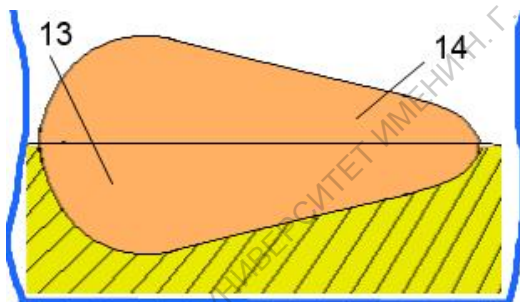

Рис. 48. **Шаг 8.**

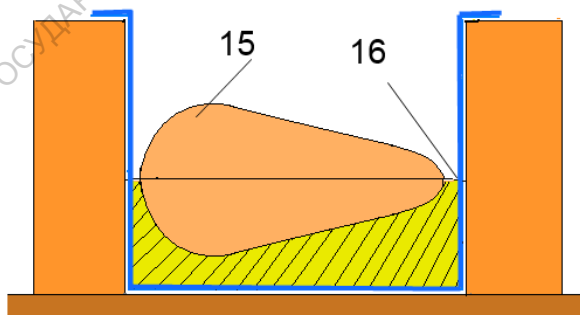

Рис. 49. **Шаг 9.**

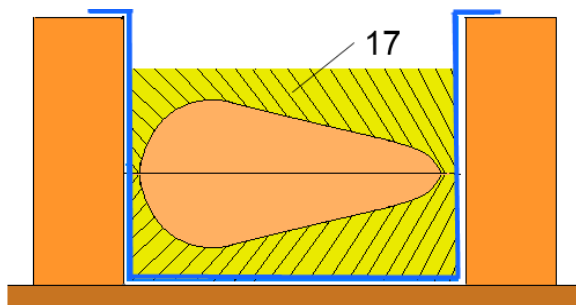

Рис. 50. Шар 10.

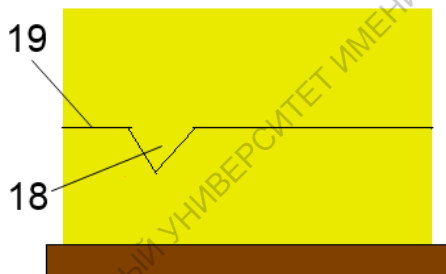

Рис. 51. Шар 11.

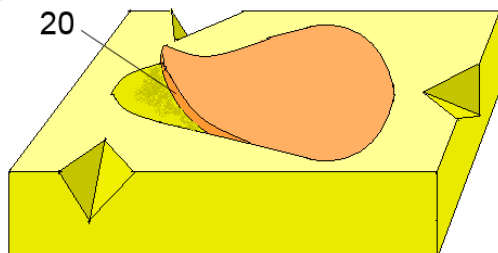

Рис. 52. Шар 12.

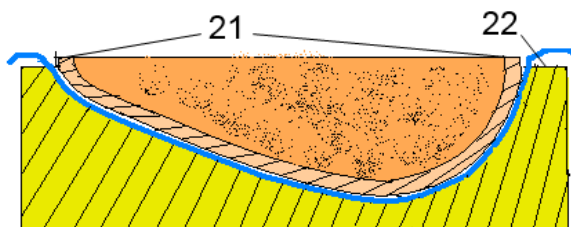

Рис. 53. Шар 13.

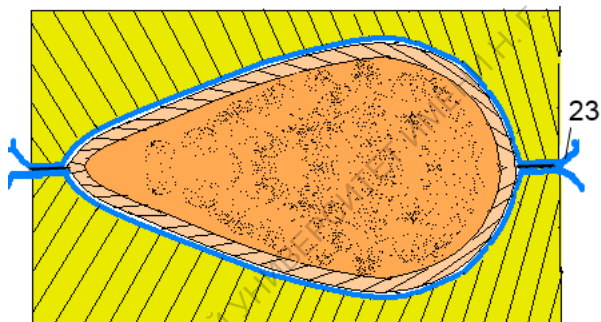

Рис. 54. Шар 14.

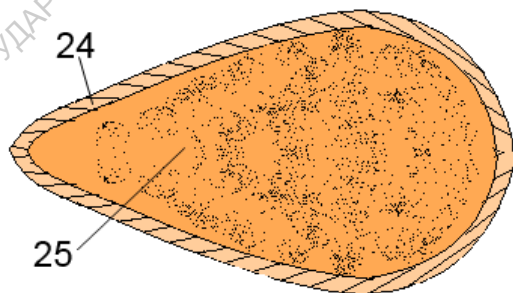

Рис. 55. Шар 15.

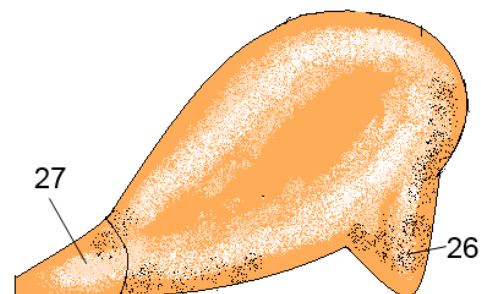

Рис. 56. Шар 16.

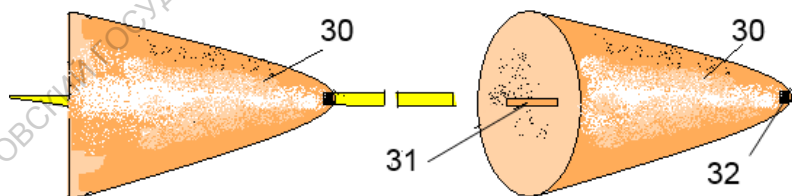
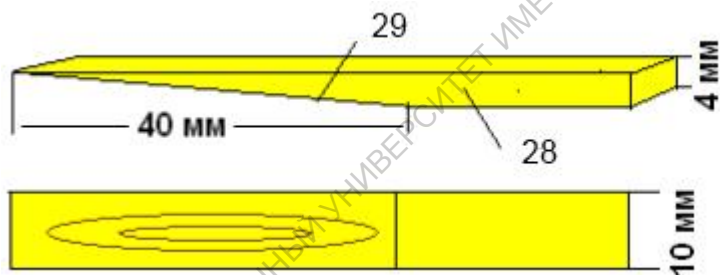

Рис. 57. Шар 17.

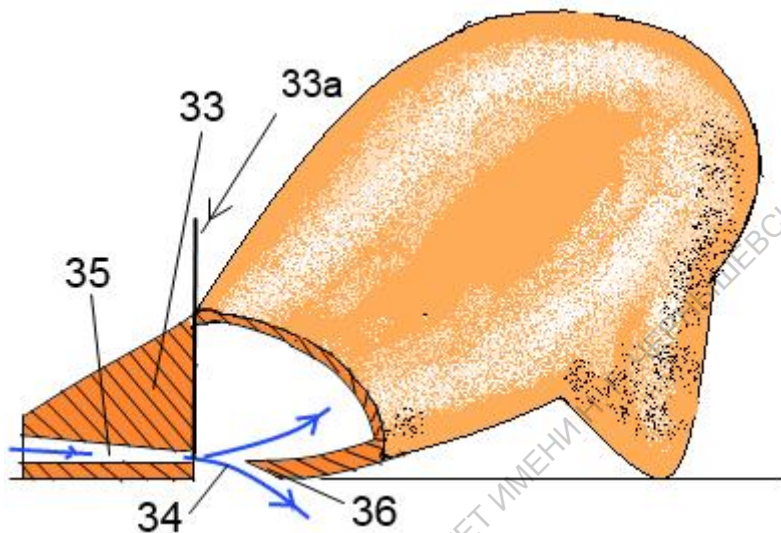

Рис. 58. Шаг 18.

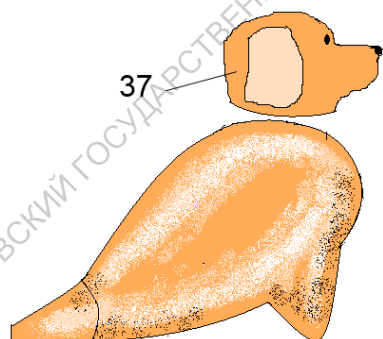

Рис. 59. Шаг 19.

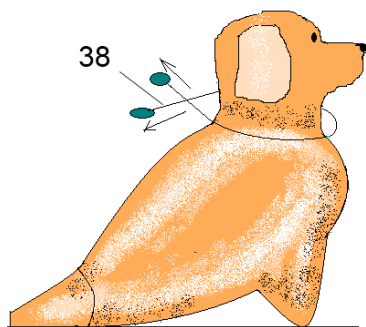

Рис. 60. Шаг 20.

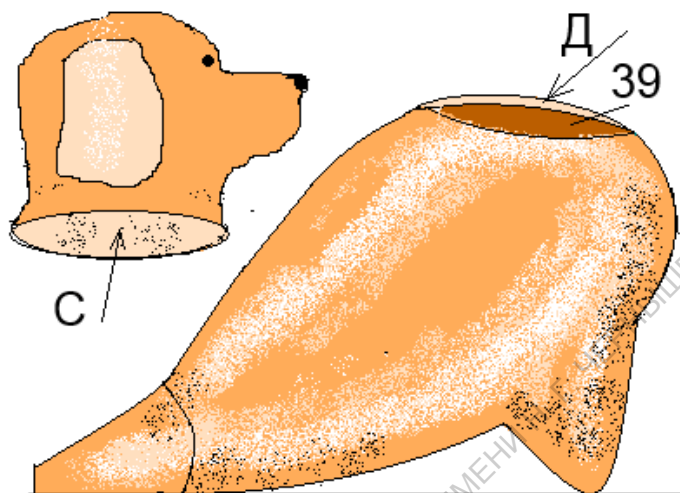

Рис. 61. Шар 21.

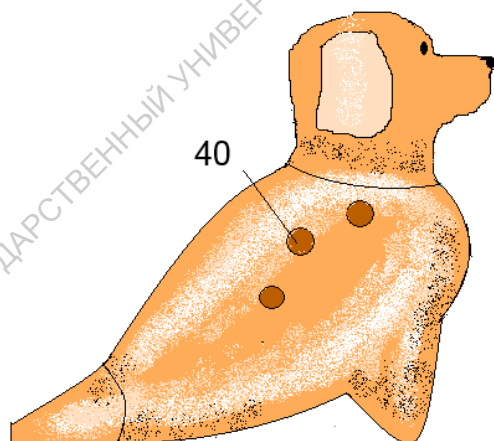

Рис. 62. Шар 22.

Шаг 10. Соединяем части свистка. Возьмите первую заготовку с вырезанным прямоугольным отверстием в одну руку, а дульце в другую. Поверните вырезанное квадратное отверстие к источнику освещения и, глядя в широкую часть отверстия (14) в дульце (рис. А), которое вы проткнули, соединяйте две детали. При правильном соединении (рис Б) вы увидите в отверстии острую кромку скоса (18) задней стенки прямоугольного отверстия первой заготовки (обозначена красной линией). Выше красной линии (17) будет видна, освещённая поверхность скоса задней стенки выреза прямоугольного отверстия. Ниже красной линии (закрашено чёрным цветом) – глухое отверстие (16) от карандаша. Где (19) – тело дульца; 15 – конусовидное отверстие;

Острая кромка скоса (18) должна находиться посередине выходного отверстия в дульце, куда вы смотрите.

Приставив друг к другу, в таком положении, обе половинки свистка, (проследите, чтоб между деталями свистка не было просветов) дуньте в дульце. Если вы всё сделали правильно, то обязательно раздастся весёлый громкий свист. Затеём можно соединить обе половинки свистка на шликер (жидкую глину) или просто примазать детали друг к другу.

Дальше свисток положите на подвяливание.

Шаг 11. Когда свисток немного затвердеет, прилепите к нему головку какого-нибудь животного или птицы, приделайте ножки. Причём, мордочки животных можно изготавливать с обеих сторон свистка, как с тыльной, так и со стороны вдувного отверстия. Со стороны вдувного отверстия налепы делаются особенно осторожно. Помните, что любое, даже самое незначительное изменение внутренних отверстий в результате деформации ведёт к ухудшению звучания свистка, а то и к полному исчезновению звука.

Чтобы, по возможности, избежать такого казуса, никогда по «живой» глине не делайте на свистке налепов. Пусть он немного просохнет (подвялится).

Лепка свистка из пирамидки.

Надеюсь, что вы научились лепить свисток при помощи обыкновенного круглого карандаша. Свисток, сделанный из глиняной пирамидки, в виде фигурки, изготавливается то же при помощи карандаша. Он ничем не отличается от предыдущего свистка, та же глина, тот же карандаш, те же размеры свисткового устройства, а выглядит богаче. Такая конструкция представляет в художественном плане больше возможностей для лепщика. Все шаги по лепке свистка продублированы пошаговыми рисунками. (Смотри цветную вклейку стр. 199).

Шаг 1. Возьмите глины с детский кулачѐк и слепите трёхгранную пирамидку. Высота пирамидки примерно 75 мм. В основании пирамидки лежит равносторонний треугольник с длиной стороны около 30мм. Рассмотрите рисунок, и вы всё быстро поймѐте. Не надо всё вымерять линейкой, всё делайте на глазок. Итак, лепим пирамидку.

Шаг 2. Загладьте грани у пирамидки.

Шаг 3. Каждую грань, примерно от её середины, примните пальцем сверху вниз. В углах основания пирамидки получаются, как бы, небольшие носочки от ботинок. Думаю, что в первых трёх шагах вы трудностей не встретили, просто вспомнили как выглядит пирамидка.

Шаг 4. Согните верхнюю часть пирамидки, пригните её и сгладьте углы.

Шаг 5. Посмотрите на глиняную заготовку сбoku – не правда ли согнутая часть пирамидки немного похожа на голову лошадки?

Шаг 6. Сходство, правда, небольшое, но всё же у фигурки есть. Будем считать, что вы это сходство заметили, но мешают некоторые неточности. Скруглите нос и обожмите двумя пальцами (вкруговую) шейку. Вот и проявилась головка.

Шаг 7. Поработаем немножко над контурами головы, сделаем их более выразительными. При обработке головы фигурки помните, что у лошади лоб и нос лежат в одной плоскости, без перепада от лба к

носу, как это видно у собак, нижняя губа немного отвисает; самое широкое расстояние на лбу, это расстояние между глазами; от глаз к ушам идёт сужение лобовой части. Я назвал главные ориентиры, на которые стоит обратить внимание.

Шаг 8. Продолжаем работать над головой. Придelvesываем к фигурке ушки, чёлку, гриву, обозначаем глаза...

Шаг 9. В этом шаге мы только выверим симметрию, чтоб ничто никуда не ушло, не съехало в сторону. Выверяя симметричность расположения левой и правой стороны изделия, положитесь на пальцы рук, а не на глаза. Глаза в этом случае, могут обмануть, а вот пальцы никогда. Глаза, даже лучше в этом случае закрыть, чтоб не мешали.

Шаг 10. У вас получилась лошадка; самое трудное позади. Осталось сделать свисток и вы, как говорится, на коне. Я не буду дважды объяснять, как делать свисток при помощи карандаша, но ориентиры расставлю. Во-первых, обозначьте на изделии линию реза перпендикулярную столу, на котором стоит ваша лошадка (см. рисунок).

Шаг 11. Разрежьте лошадку на две части по линии реза (1). Отставьте пока в сторону маленькую отрезанную часть, из которой будет изготавливаться дульце, а в плоскость реза на лошадке воткните карандаш. Втыкайте карандаш ближе к плоскости, на которой лошадка стоит, чтоб легче было вырезать

прямоугольное отверстие в торце изделия, куда воткнут карандаш.

Шаг 12. Положите лошадку набок. У вас получилась примерно сходная картина с рисунком. На рисунке штриховой линией обозначено место выреза прямоугольного отверстия. Вам остаётся только взять нож и вырезать на изделии квадрат и продолжить делать свистковое устройство дальше, так же, как вы делали свисток раньше.

Шаг 13. Если для вас сложен шаг 7, то делайте шаг 13. Не думайте, что у вас не получится. Даже если у вас получилась у лошадки голова полешком, проткните в ней ноздри, приклейте спадающую на лоб чёлку и, главное, прилепите правильно уши и тогда уж ни один скептик не скажет, что это не лошадь. Лошадиные уши, голова полешком и чёлка выручали многих начинающих лепщиков, можно сказать вытягивали за уши из сложной ситуации.

Шаг 14. Осталось выяснить, что это за чёрный кружочек на фигурке? Это отверстие, проткнутое шилом. Оно соединяет карандашное отверстие с атмосферой. Закрывая или открывая его при свисте, вы будете менять тональность звучания.

Это отверстие не должно быть слишком большим в диаметре, иначе при открывании отверстия будет пропадать свист. Здесь имеется зависимость между величиной карандашного отверстия и диаметром отверстия, сделанного шилом. Чтобы звук

свистка сделать ниже, надо вместо карандаша взять палочку потолще. Чем больше величина, так называемого, «карандашного» отверстия, тем ниже звучание. Можно объём, этого «карандашного» отверстия увеличить настолько, что свист перейдёт в гудение и будет уже не свистелка, а гуделка. А это уже другой класс свистков.

Изготовление простой гуделки

Саратовская гуделка, это тоже свисток сделанный из глины, только свист у него особенный, гудящий, потому и гуделка. Лепится такой свисток в виде птиц и животных, стоящих на двух ногах и полых внутри. Третьей точкой опоры им служит дульце свистка. Практически туловище у всех гуделок одинаковое, только головы прилепляются от разных зверей, у птиц добавляются хвосты и крылья. Гудение же происходит в таких изделиях из-за большой резонаторной камеры. Она в десятки раз больше чем у обычного свистка, сделанного при помощи карандаша. Чем больше резонаторная камера, тем ниже звук и наоборот. Резонаторная камера у гуделок занимает всю внутреннюю полость туловища птицы или животного.

Гуделки тоже бывают разные. Одни простые, на два, три игральных отверстия, это игрушки, а другие более сложные, на шесть игральных отверстий, эти

являются полноценными духовыми музыкальными инструментами. Так как они названиями не различаются, для удобства описания, одну гуделку назовём простой, а другую музыкальной, тем более, что по внешнему виду и по конструкции свисткового устройства они совершенно одинаковые. О музыкальных гуделках, как о духовом музыкальном инструменте, будет описано ниже, а пока научимся делать простую гуделку.

Когда вы делаете простую гуделку без обжига, то и особых требований к глине не возникает, подойдёт любая, правда, и с любой глиной немного придётся повозиться, это не свисток на карандаше лепить.

Если ваша глина достаточно чистая, то и отмучку производить необязательно, достаточно прощупать её пальцами на наличие камешков. При изготовлении простой гуделки именно вкрапления ракушек и камешков мешают работе.

Шаг 1. В начале, надо слепить туловище гуделки, этот самый резонатор. (Смотри цветную вклейку стр. 203). Для этого надо слепить шарик из перемятой глины диаметром 50-60 мм. Не берите глины много, это вам ничего не даст.

Шаг 2. Слепите из этого шарика туловище животного, как показано на рисунке. Туловище должно быть похоже на большую немного изогнутую сигару. Угол расширения с тонкого конца не должен быть

меньше 30 - 40 градусов. Эту сигару разрежьте вдоль струной (2) (тонкая рыболовная леска или прочная нитка) по линии (1). Леску или нитку лучше привязать на деревянную рогатульку (3) или на согнутую проволоку. Можно просто к концам лески привязать палочки. Имейте в виду, что если из глины не выбрать камешки, то они будут препятствием для лески при разрезании, в результате чего леска просто может не разрезать изделие или изменит ход, огибая препятствие.

Шаг 3. Теперь надо выбрать глину из каждой половинки туловища в месте разреза (4). Эта работа достаточно трудоёмкая требует осторожности, терпения и внимательности. Операция не будет успешной, если не воспользоваться изогнутым ножом (5). Таким ножом может служить заточенная ложка. Можно заточить конец ручки от ложки и изогнуть. После того, как вы вооружились инструментом, положите половинку туловища на ладонь и не толстыми лентами срежьте глину, углубляясь в половинку туловища.

Шаг 4. Будьте внимательны к суживающемуся в виде конуса концу изделия. Угол расширения внутренней полости (6) в этой части должен быть не менее 30 - 40 градусов. Этот угол расширения очень важен при изготовлении свисткового устройства. Если такого расширения не будет, то свисток просто не заработает. Если бы мы делали свистковое уст-

ройство на широкой части резонатора, то там бы этот вопрос не стоял, так как угол расширения камеры резонатора за свистковым устройством всегда достаточен.

Шаг 5. Когда из обеих половинок глина выбрана, то пустотелые половинки надо соединить на шликер. Лучше это сделать, когда глина немного подвялится, станет покрепче. Место стыка заглаживается.

Можно резонатор сделать и без выемки глины из половинок. *При этом, надо половинки резонатора подсушить, накрыть их целлофановой плёнкой, раскатать скалкой пласт глины толщиной 5мм, разрезать его на две части и наложить эти пласты сверху на накрытые целлофаном половинки и обжечь.* Результат будет одинаков.

Шаг 6. Приделайте к туловищу-резонатору ножки (7) поставьте на стол и струной (8) перпендикулярно к столу отрежьте суженый конец резонатора (9). Отрежьте приблизительно 4 см, можно и больше. 10 – линия реза. 11 – стыковочный шов.

Шаг 7 . Отрезав конец заготовки (12) вы откроете внутреннюю полость резонатора (13). Диаметр открывшегося отверстия должен быть не менее 10-12мм. Если диаметр отверстия маловат, то отрежьте ещё колечко.

Шаг 8. Поставьте резонатор на стол (15), на ножки, вставьте палец в отверстие на резонаторе и

пальцем прижмите нижнюю часть круглой стенки (14) к столу. Эту операцию можно проделать и при помощи палочки-протыкалочка вместо пальца. Главное в этой операции получить не круглую, а плоскую часть поверхности в круглом отверстии.

Шаг 9. На перевернутом, ножками вверх, изделии (16), наметьте прямоугольный вырез (17). Диаметр отверстия (18) должен быть 10-12 мм.

Шаг 10. Вырежьте прямоугольное окно (19) шириной 10-12 мм, и длиной 7 - 10 мм. Задняя стенка скашивается точно так же, как и при изготовлении свистка при помощи карандаша, только там палочка-протыкалочка полукруглая и вырезы полукруглые, а здесь плоские, вот и вся разница. Там всё берётся полукруглое и круглое для простоты и быстроты лепки и не более того. Плоскостной вариант более продуктивный и для гуделки более подходящий.

Шаг 11 . Сделайте глиняный конус дульца (20) длиной 2-3 см. и палочку-протыкалочку (22) из дощечки шириной 10 мм, длиной скоса (21) 40 мм. и толщиной 4 мм. Протыкалочку зашлифуйте наждачной бумагой, чтобы была гладкой и достаточно острой. (23) – острая кромка, (24) – плоская сторона дульца.

Шаг 12 . Поставьте дульце (26) плоской стороной на стол (27) и с узкой верхней стороны проткните его перпендикулярно стола протыкалочкой (25)

насквозь с выходом конца палочки (25а) на противоположной, плоской стороне дульца. Уплотните вокруг вышедшего конца палочки-протыкалочку глину (28) и выньте палочку. На плоской стороне дульца появится узкое отверстие (29) и (30) – широкое вдувное отверстие.

Шаг 13 . Совместите дульце (32) и резонатор (31). Важно, чтобы между дульцем и резонатором не было просветов. Через эти просветы, если их не ликвидировать подгонкой, будет стравливаться избыточное давление воздуха при вдувании и свиста не будет.

Теперь поверните резонатор прямоугольным отверстием к источнику света (39) и, смотря в широкий конец отверстия (33) в дульце (32), совместите дульце с резонатором. Совмещать надо так, чтобы в отверстии дульца посередине (смотри увеличенный рисунок) был виден острый срез задней стенки прямоугольного отверстия (37) (выделен красной линией). При этом, выше красной линии – будет виден освещённый скос задней стенки прямоугольного отверстия резонатора (36). 34 – скошенная стенка вдувного отверстия. Ниже красной линии будет темно, это внутреннее пространство резонатора. (38) – глаз, смотрящий в широкое отверстие дульца (33).

Если вы такую картинку видите отчётливо, то смело присоединяйте дульце к резонатору и, взяв в

рот дульце, попытайтесь свиснуть. Дульце обязательно берётся в рот или плотно прижимается к губам. Если вы дуете в дульце на расстоянии хотя бы пяти миллиметров, то у вас ничего не получится. Если раздался свист – гудение, то смело смазывайте места присоединения шликером и так же, продолжая наблюдать в дульце за нахождением острой кромки скоса на туловище, соединяйте детали и примазывайте. Следите, чтобы шликер не попал на узкое выходное отверстие дульца.

Шаг 14 . Теперь прилепите голову животного (41) к резонатору и сделайте по бокам резонатора одно или два отверстия (40) диаметром 5–6 мм. Попробуйте после этого свистнуть. Если свист устойчивый, то можно сделать ещё одно или два игральные отверстия, но и двух вполне достаточно.

Шаг 15 . На фотографиях изображены гуделки с расположением свистковых устройств в широкой и узкой части резонаторной камеры. Голову барана лучше прикрепить к широкой части резонатора. Голову птицы удобно крепить, как с узкой, так и с широкой части резонаторной камеры. Удлиненное дульце может служить опорой хвосту.

Изготовление свисткового устройства на суженном конце резонаторной камеры – это наиболее сложный вариант изготовления свисткового устройства, зависящий от внутреннего угла расширения резонаторной камеры, начиная от прямоугольного

выреза. Чтобы получить нужные пропорции фигурки, не в ущерб звучанию, можно сколько угодно увеличивать по длине дульце, что мы прилепляем к резонатору, а вот внутренней полости резонаторной камеры после вырезанного прямоугольного отверстия не зауживайте.

Сделать свистковое устройство в середине, или в толстой части резонаторной камеры гораздо проще, там нет этой зависимости – прорезал прямоугольное окошко в стенке, сделал ножичком скос на одной из стенок (с внутренней стороны вы его подрезали или с наружной не имеет значения) и прилепили напротив дульце, вот и всё. Мы же с вами рассматриваем более сложный вариант гуделки, исходя из расположения свисткового устройства. Этот вариант необходим только в художественном плане и не более того.

В художественном плане каждый вариант имеет свои плюсы и минусы. Одного или двух отверстий вполне достаточно, чтобы сделать из свистка-гуделки гуделку-кукушку. Гуделка при поочередном открытии и закрытии отверстий будет издавать звуки «ми» – «фа», что соответствует диапазону голоса птицы. Вот и вся хитрость.

Можно сделать основной звук у гуделки «ми» и одно игральное отверстие «фа», а можно сделать гуделку в строе «ре» и просверлить два игральные отверстия одно «ми», а другое «фа». Конечно, на такую гуделку лучше приделать голову птицы. Как на-

строить гуделку на определённое звучание будет рассказано в следующей главе.

Изготовление музыкальной гуделки

Музыкальная гуделка или игральная – это, духовой музыкальный инструмент, то же что и окарина, только название имеет другое. Изготавливается она в виде домашних животных.

Надо заметить, что игральная гуделка по виду и конструкции ничем не отличается от простой гуделки и изготавливаться она может точно таким же способом, как и простая гуделка, однако лепить её удобнее с помощью формы – проще попасть в нужную тональность, или можно обжать глиняным пластом через целлофановую плёнку половинки глиняных заготовок, о чём мы говорили раньше. Оба варианта приводят к одинаковому результату. Можно пробовать и ту и другую технологию.

Игральная гуделка должна выдавать полную музыкальную гамму в определённом строе. Каждая гамма имеет свой доминирующий звук. Доминирующий звук, это звук, который выдаёт гуделка до сверления игральных отверстий. Доминирующий звук у гуделки зависит от внутреннего объёма резонаторной камеры. Вот такая получается цепочка. Когда делаешь игральную гуделку, как простую, то это немного наугад, при такой технологии трудно попасть в нужный доминирующий звук, а когда де-

лаешь по форме, тоже можно немного в тон не угодить, но эту ошибку легко исправить. В старину такие формы делались из глины, сейчас они делаются из гипса. Для одной октавы достаточно иметь четыре - пять формочек.

Игральная гуделка может быть подвергнута обжигу, а может обжигу и не подвергаться. Понятно, что к сырью, что идёт на изготовление обжигаемой гуделки требования выше.

Подготовка глины.

Если вы будете гуделку обжигать, то отмучка глины обязательна.

Возьмите любую глину, какую вы только найдёте (цвет значения не имеет). Глину хорошо высушите, затем положите в ведро и залейте водой. В этом ведре, под воздействием воды она распускается, превращаясь в жижу. Время роспуска у каждой глины своё, примерно от нескольких минут, до недели и больше.

Итак, ваша глина превратилась в жижу. Добавьте в ведро ещё воды (если нужно), чтобы раствор всплёскивался от руки. Хорошенько размешайте содержимое, а затем, через минуту слейте верхний слой раствора, до осадка, в другую ёмкость через ситечко. Этим вы освободитесь от камешков и песка в

глине, а проходя через ситечко, раствор оставит на нём плавающий мусор.

После этого надо дать слитому раствору в ёмкости отстояться, а потом следует отцедить воду. Глиняную жижу следует подсушить до тестообразного состояния, чтоб не липла к рукам. Это обычная технология подготовки глины к работе и в этом нет ничего необычного.

После такой процедуры часть песка уходит из глины и она становится жирнее.

Если вы будете делать музыкальную гуделку без обжига, то на такой подготовке можно и остановиться, а если изделие будет обжигаться, то для меньшей огневой усадки в глину надо добавить просеянный песок. Сколько добавляется песка? Этот вопрос очень важный. Знайте, чем больше вы добавите песка, тем меньше будет огневая усадка. Надо песка добавить столько, чтобы глина не потеряла лепных качеств, чтоб комочки её, после добавления песка, хорошо слеплялись друг с другом. Возьмите для пробы стакан глины и поэкспериментируйте.

Почему нам важно свести огневую усадку к минимуму? Есть глины, дающие сильную огневую усадку, способную значительно уменьшить резонаторную камеру, что повлияет на звуковой строй гуделки (звук уйдёт). Усадка ещё может вызвать коробление в свистковом устройстве, что вызовет вялость звучания или его полное отсутствие после об-

жига. Если такие напасти происходят даже при добавлении значительного количества песка в массу, то лучше сменить глину. Если глины другой нет, то остаётся только одно – обжечь дульце и резонаторную камеру по отдельности не слепляя их в единое целое, а после обжига подточить и приклеить дульце свистка к резонатору. У необожжённой гуделки таких напастей, как правило, не бывает. У каждого варианта свои преимущества.

Образование звука.

Основная задача свистка состоит в том, чтобы преобразовать энергию воздушной струи, вдуваемой в дульце свистка, в энергию акустических колебаний (звуковых волн), создающихся в резонаторе свистка. Звуковая волна имеет свою амплитуду колебаний. Амплитуда колебаний зависит от величины резонатора.

Во всех свистковых устройствах, как совсем маленьких (с полмизинца), так и весьма больших, воздух вдувается в широкую часть отверстия в дульце, а выходит из него через узкое отверстие того же дульца. В дульце воздух уплотняется, ему задаётся направление движения и выходит он из него под давлением плотной струёй, словно воздушный жгут. Эта воздушная струя, выйдя из дульца, пролетает вырезанное прямоугольное окошко в резонаторной

камере, устремляясь к противоположной его стороне. Противоположная сторона прямоугольного окошка имеет острую кромку со скосом. Жгут, налетев на острую кромку резонатора, разрезается ей на две части, на две воздушные струи. Одна струя уходит в окружающую среду, а другая, попадая в резонаторную камеру, повышает в ней давление. Сдавленный воздух в резонаторе ищет слабое место, где можно вырваться из камеры и находит его – это прямоугольное окно в резонаторной камере. А мы уже знаем, что через это окно в резонаторе идёт воздушный жгут из дульца и прикрывает его собой, словно невидимой крышечкой. Сдавленный воздух в резонаторе на доли секунды разрывает воздушный жгут (или приподнимает крышечку) и часть воздуха из камеры вырывается через прямоугольное окошко наружу, давление в камере резко падает, а жгут снова восстанавливается (выпрямляется), после чего снова идёт накопление давления в резонаторной камере. Резкая и частая смена давлений в резонаторной камере раскачивает в ней воздух и создаёт акустическую волну. Разумеется, чем больше резонаторная камера, тем и величина волны больше.

Как мы уже говорили, акустическая волна имеет свою амплитуду колебаний. А амплитуда и частота колебаний зависят от величины резонаторной камеры. Чем больше резонаторная камера, тем труднее в ней раскачать воздушный жгут, превратив его

в акустическую волну, тем меньше у акустической волны частота колебаний, а значит и ниже звук и наоборот. Это можно сравнить с взбалтыванием воды в пузырьке – взял двумя пальцами и взболтал, а уже в бутылке или бутылки взболтать воду гораздо труднее, в ней создаваемая водяная волна от горла до дна дольше бежит, и масса её больше, вот такая закономерность.

Чтобы звуковая волна образовалась, в резонаторную камеру должно входить столько воздуха, чтобы его хватило на создание в камере повышенного давления, способного разорвать (приподнять) воздушную струю (крышечку) над прямоугольным отверстием.

Если у свистка резонаторная камера маленькая, то и воздуха для её наполнения и поддержания необходимого давления и времени наполнения, требуется мало. Поэтому наполнение камеры и выброс будут более частыми, чем у большой камеры, стало быть и частота колебаний у звуковой волны будет больше, то есть звук будет выше и резче.

У гуделки большая резонаторная камера, у неё частота воздушных колебаний меньше, и звук ниже. У неё воздуха в резонаторную часть должно попадать гораздо больше, чем у свистка, сделанного на карандаш, стало быть, и отверстие в дульце делается тоже больше.

На образование звуковой волны сильно влияют размеры прямоугольного окна в резонаторной камере. Если это окно слишком большое, то в камере трудно поддерживать необходимое давление воздуха, воздух будет утекать без напряжения. Если окно сделать маленьким, то, воздушное давление внутри камеры не осилит перервать воздушную струю, проходящую через окно.

Часто бывает так, что свисток работает при тихом вдувании воздуха в дульце, а при более сильном, прекращает свою работу. Или наоборот, только при сильном вдувании воздуха свисток работает, а при малом, нет. Наиболее вероятной причиной этого явления, является несоответствие величины резонаторной камеры и величины окна в ней, затем идёт несоответствие пропускного отверстия в дульце. В любом случае эти три величины очень плотно увязаны. От их увязанности зависит лёгкость игры на инструменте. Когда они подобраны оптимально, то гуделка начинает издавать звук при достаточно слабом вдувании воздуха в дульце и его расход при игре незначителен, что очень важно для музыканта.

Вспомните про изготовление свистка на карандаш. Там разброс всех без исключения размеров достаточно большой, а свистит. Свистит потому, что резонаторная камера очень маленькая, воздух в ней легко раскачать, да и свисток работает на избытке поступающего через дульце воздуха, то есть все его

несовершенства покрываются его малостью. У гуделки труднее создать избыточность поступающего воздуха, размеры не те, разве только разок другой хорошо дунуть с усилием, вот и всё. Загудит, конечно, но играть на таком инструменте нельзя. Вот почему у музыкальной гуделки должны быть оптимальные размеры, то есть размеры резонаторной камеры должны соответствовать размеру прямоугольного окна в ней и пропускной способности дульца. Это условие наиважнейшее. Поэтому я вам и говорю, что глиняный шар, из которого вы будете делать любую гуделку, хоть простую, хоть музыкальную должен быть таких то размеров, потому как из этого количества глины можно сделать только такую по величине резонаторную камеру и не больше. Под эту резонаторную камеру подогнаны размеры прямоугольного окошечка и размеры палочки-протыкалочка. Такие размеры создают базу по оптимизации расхода воздуха.

Из собственной практики скажу, что делать гуделку с резонаторной камерой меньше нормального куриного яйца не стоит, отверстия игральные проделывать места не хватает. Делают, конечно, и книги величиной с ноготь, но читать их без лупы нельзя. В любом деле должна присутствовать разумность и практичность. Обычно гуделка делается размером не больше величины ладони взрослого человека. В любом случае, я призываю вас экспериментировать.

То, что я вам здесь даю – это отправная точка в вашем творчестве. У каждого глиняного инструмента, сделанного вашими руками, обязательно получается свой характер и мастеру приходится искать наилучший звук чуть-чуть увеличивая или уменьшая размеры или выглаживая рабочие детали свисткового устройства.

Когда вы оттачиваете свистковое устройство вас не должна волновать высота звучания инструмента, важно, чтобы был качественный звук и неважно какого тона. Помните – *манипуляциями со свистковым устройством высота звучания музыкального духового инструмента не подгоняется и не регулируется.*

Только на слух определить, какое это гудение совсем хорошее или чуть-чуть хорошее? сложно. Делаешь гуделку, казалось бы с отличным звучанием, а начинаешь отверстия игральные сверлить, а звук после четвертого проделанного отверстия садится, значит звучание было не совсем хорошее, а так нам только казалось, ведь далеко не у всех имеется музыкальный слух.

Пошаговые действия

Шаг 1. Возьмите глиняный шар диаметром 50-60 мм (1) и слепите резонатор в виде яйца (2). (Смотри цветную вклейку стр. 211). Тонкой леской

или прочной ниткой разрежьте заготовку вдоль на две равные части (3).

Шаг 2. Сделайте, для заливки гипсом изделия, опалубку (4). Её проще всего делать из кирпичей. Возьмите четыре кирпича, положите их (на ребро) на любую ровную поверхность так, чтобы внутри получилось окно (как кладут печную трубу). Примерьте, как ляжет в эту кирпичную опалубку одна из глиняных половинок глиняного яйца. Надо чтобы со всех сторон между кирпичами и изделием был зазор не менее 20 мм. Зазор необходим для выреза замков. Если такого зазора нет, то кирпичи немного раздвиньте в стороны.

Шаг 3. Уложите в опалубку тонкий целлофан так, чтобы он покрыл дно опалубки и её стенки (укладывать с хорошим запасом в высоту, так как стенки опалубки могут наращиваться). После этого положите любую из разрезанных частей глиняной заготовки (5) на целлофан внутри опалубки, плоской стороной вниз, и слегка прижмите, чтоб заготовка плотнее прижалась к целлофану и под неё не затёк, вливаемый в опалубку, гипс.

Шаг 4. Края целлофана (6) вытяните из опалубки и уложите на кирпичи сверху (вид сбоку в разрезе). (7) – половинка глиняной заготовки, (8) – крышка стола.

Шаг 5. Заливаем в опалубку гипс (9) так, чтобы он полностью покрыл глиняную заготовку с небольшим запасом.

Шаг 6. После того, как гипс схватится, раздвиньте кирпичи, освободите отливку (10) и переверните её. Время затвердевания гипса (алебастра) 30 – 60 минут.

Шаг 7. По бокам, на рёбрах отливки вырежьте ножом замки (11). (12) – глиняная заготовка.

Шаг 8. Отливку снова положите на целлофан замками вверх. На загипсованную половинку глиняной заготовки (13) установите, по видимому контуру, вторую глиняную половинку (14), без приклеивания.

Шаг 9. Восстановите кирпичную опалубку, подвинув кирпичи вплотную к гипсовой отливке. Расправьте целлофан внутри опалубки и заверните его сверху на кирпичи. Зазор между целлофаном и отливкой (16) по периметру замажьте глиной, чтоб не протёк раствор гипса. Используя кисть, всю поверхность отливки (15) с замками промажьте раза два жидкой глиной.

Шаг 10. После того, как вы устранили щели между опалубкой и отливкой, залейте раствор гипса (17) в опалубку, так, чтобы он полностью закрыл вторую половинку глиняного яйца и не менее как на 2см. был выше её. Не делайте раствор гипса слишком жидким, он будет пористым и не прочным.

Шаг 11. Через час после заливки гипса разберите опалубку и извлеките отливку. Теперь надо раскрыть слипшиеся гипсовые половины. Они разъединяются достаточно легко, потому как окрашенная жидкой глиной поверхность первой отливки включает соприкосновение с ней заливаемого гипса. Дальше берём нож, стамеску или топорик, наставляем остриё на, видимый глазом разъединительный шов (19), и слегка по стамеске ударяем молоточком, гипсовые половинки должны разойтись. Теперь понятно, почему я говорил не склеивать глиняные половинки при наложении друг на друга половинок глиняного яйца, попробуй тогда разъедини гипсовые отливки. При разъединении не повредите замки (18).

Шаг 12. После разъединения гипсовых отливок, выберите из них глину (20), вымойте внутреннюю поверхность отливок водой и просушите, гипсовая форма после этого будет готова.

Шаг 13. Теперь надо оттиснуть резонатор в гипсовой форме. Как это сделать? Всё очень просто. Уложите тонкий целлофан в половинку гипсовой формы, после чего, возьмите хорошо перемятую глину и наклейте на внутреннюю поверхность формы слой глины прямо по тонкому целлофану. Пока нет в этом деле достаточного опыта, накладывайте слой потолще, 6-7мм. После того, как вы полностью облепили стенки формы глиной, немного подними-

те стенки (21) над формой (22) и чуть отогните выступающую часть на форму. То же самое проделайте и со второй половинкой формы.

Шаг 14. Выступающие части наклепленных стенок смажьте жидкой глиной. Целлофан кладётся в форму для того, чтобы вылепленная глиняная стенка не прилипла к форме. *Если у вас качественный гипс, то прилипания не будет, а если вы пользуетесь строительным гипсом (алебастром), что наиболее доступно, то он бывает разного качества. На хороший алебастр тоже глина не залипнет, а если он с примесями, то залипание обеспечено.*

Поставьте половинки гипсовых форм на ребро, соедините половинки форм, следя за тем, чтобы замковые выступы вошли в замковые углубления, а целлофан (23) не загнулся внутрь гипсовой формы, плотно сожмите обе половинки.

Шаг 15. Разъедините форму и извлеките из неё отформованный резонатор (24), уберите лишнюю глину со шва, заделайте трещинки, загладьте изделие и дайте ему немного провянуть, чтоб стенки стали чуть крепче. (25) – внутренняя полость резонатора.

Шаг 16. Далее приделываются к резонатору ножки (26) и свистковое устройство (27). Вы это уже делали при изготовлении простой гуделки.

Шаг 17. Делаем палочку-протыкалочку (28) со скосом (29) или используем ту, что применялась при изготовлении простой гуделки, они совершенно одинаковые. Палочка-протыкалочка должна быть тщательно выглажена. После протыкания на стенках отверстия не должно быть никаких раковин и свободных комочков, выдернутых из стен отверстия заусенцами на палочке, если она плохо выглажена.

Протыкаем палочкой заготовку дульца (30) и получаем отверстие с узкой частью (31) и широкой частью (32).

Шаг 18. Прикрепляем дульце (33) к резонатору. Линия реза (33а) должна быть перпендикулярной к плоскости стола. Это важно. Воздух, пройдя по скошенному отверстию дульца (35), выходит из него и налетает на скошенный острый срез задней стенки прямоугольного отверстия (36). Здесь он разрезается на две части. Одна струя уходит во внутрь резонаторной камеры, а другая (34) выходит наружу. Думаю, что схема вам понятна. Любое свистковое устройство работает вот так.

Напоминаю, что свистковое устройство – самая сложная часть гуделки. От свистка зависит почти всё: и тон, и яркость, и полнота звучания. Сразу скажу – делая свисток, не полагайтесь на авось. Лепка свистка – это чисто техническая работа, с обязательным соблюдением некоторых правил и закономерностей. Об этом мы уже говорили.

Если ваша гуделка звучит вяло, то свистковое устройство надо подрегулировать. При доводке свисткового устройства надо проверить дульце, размеры окна, угол скоса, угол подсоединения дульца к резонатору относительно режущей кромки скоса, правильность угла расширения резонатора от дульца во внутренней полости. Даже небольшие погрешности в свистковом устройстве приводят к его молчанию.

Поясняю – в простой гуделке вы проделываете два-три игральных отверстия и то часто случается, что после второго проделанного отверстия качество звучания снижается. В музыкальной гуделке такие явления не должны иметь места. В ней проделываются как минимум шесть игральных отверстий, некоторые из них бывают значительных размеров и при всём при этом, она должна работать.

Шаг 19. Далее вы лепите голову какого - либо животного (37) или птицы, но пока её не прилепите на резонатор, а просто, хорошо подгоняете по месту. Голова животного на гуделке выполняет двойную функцию. С одной стороны она украшает резонатор, делает изделие сказочным, а с другой стороны, она помогает отрегулировать гуделку на нужный тон. Пока же вы попытайтесь определить высоту звучания получившегося изделия. Делать это надо, когда изделие немного подсохнет, а глина сядет, то есть будет находиться в мягком кожетвёр-

дом состоянии (первая степень кожетвёрдости). Если вы настроите гуделку на основной тон в сырой глине, а глина подсушится и сядет (произойдёт её естественная усадка) и основной тон изменится, потому, что уменьшится в объёме резонаторная камера.

Определение звука и его подстройку неплохо вести под баян. Настроенный баян даёт чистые звуки. Дуя в дульце на резонаторе и растягивая мех баяна с одновременным нажатием на клавиши, определяем в каком звуковом диапазоне работает свисток (происходит совмещение звуков). Это совмещение бывает полным и неполным. Например (что чаще всего бывает) гуделка издаёт какой-то промежуточный звук между основными звуками, например между *ре* и *ми*, или что-то близкое к этому (звук приведён наугад). То есть, звучание может быть ближе к *ре* или ближе к *ми*. Если вы решили доминирующим звуком сделать звук *ми* (повысить основной звук), то это сделать очень даже просто. Возьмите дощечку и постучайте по резонатору в толстой его части. В этом случае нам сразу прилепленная голова животного мешала бы. Постучали легонько, проверили, ещё постучали. Глина под ударами садится, объём резонаторной камеры уменьшается и звук *ми* приближается, если так можно выразиться. В конце-концов вы постукиванием добьётесь своего и свисток резонатора будет выда-

вать чистый звук *ми*. Только учтите, что дуть в дудьце надо ровно с одинаковой силой, потому как от изменения силы вдувания воздуха несколько меняется высота звучания инструмента. Это надо всегда иметь в виду.

Если же вы решили доминирующим звуком сделать ноту *ре*, то в этом случае надо увеличить в объёме резонаторную камеру.

Шаг 20. Как увеличить резонаторную камеру?

Понятно, что при настройке на звук *ре*, резонаторная камера должна увеличиваться. Сделать такое увеличение проще всего при помощи головы животного. Прилепите голову на туловище-резонатор, а потом срежьте тонким ножом (струной (38)), захватив верхнюю часть резонатора.

Шаг 21. Надо срезать так, чтоб в верхней части резонатора появилось отверстие (39). Выберите из головы в точке (С) немного глины и приставьте её на место. Такой операции бывает достаточно, чтобы подвинуть звук на полутон ниже или даже на тон. Всё зависит от величины головы животного. После того как нота зазвучала, приклейте голову на прежнее место.

Бывает так, что манипуляции с головой животного не проходят, например у уточки головка маленькая и на высребание из неё глины надеяться не приходится. В таких случаях надо жгутиками на

месте среза головы (Д) надстраивать резонатор. Одного налёпа обычно бывает достаточно.

Понятно, что для того, чтобы основной звук повысить на две ступени, надо уменьшить резонатор. Для такого большого уменьшения похлопывания дощечкой по бокам резонатора тоже недостаточно. К похлопыванию, надо прибавить наклеивание глины на срез головы в точке (С). На срезе головы получается бугорок. При приклеивании головы бугорок входит в резонатор и уменьшает размер резонаторной камеры. Можно просто глиной нарастить толщину стенок в резонаторной камере изнутри, действуя пальцем. На худой конец можно срезать край резонаторной камеры. Вот несколько приёмов, которые обязательно помогут выйти на основной тон на первом этапе освоения лепки изделия, а дальше вы придумаете свои приёмы.

Шаг 22. Основной тон гуделки найден. Дальше необходимо проделать игральные отверстия (40) и подобрать гамму. Первое отверстие при такой конфигурации гуделки сверлится в противоположной стороне от свисткового устройства, то есть в толстой части резонаторной камеры. Я использую при проделывании игральные отверстия свёрла, потому и везде говорю слово – просверливаю, а не протыкаю.

Настройка музыкального инструмента.

Думаю, что с музыкальной грамотой вы познакомитесь в другой литературе. Лично я музыкаль-

ную грамоту изучал самостоятельно, по книгам с консультациями у музыкантов. В этом нет ничего страшного. Вы же не учитесь игре на музыкальном инструменте, ваша задача добыть эти звуки в нужной последовательности из куска глины, вот и всё. Так что откройте соответствующую литературу и узнайте, что такое октава, гамма и какие эти гаммы бывают.

Каждая музыкальная гуделка работает в определённой гамме. Гамма на инструменте выстраивается при помощи проделывания игральные отверстия в резонаторной камере. Покажем это на примере выстраивания звукоряда в гамме до-мажор. В звукоряде звук до - основной звук, его даёт само свистковое устройство без игральные отверстия (вы на него выходите при помощи увеличения, или уменьшения внутреннего объёма резонаторной камеры).

Первое просверленное пальчиковое игральное отверстие должно дать звук ре. Где сверлить первое отверстие? Сверлить его желательно в верхней части резонаторной камеры около головы или сбоку. В этом месте сверлим потому, что это место является концом воздушного жгута в резонаторе (исходя из вытянутости резонатора). Близко к свистковому устройству игральные отверстия сверлить не надо. Рядом со свистковым устройством зарождаются звуковые волны и там царит некоторый хаос формирования, поэтому ничего путного вы там не найдёте.

Для общей информации надо сказать, что расположение игральных отверстий зависит от конфигурации резонаторной камеры. Если она у вас сделана в виде шара, то игральные отверстия сверлятся там, где удобно их зажимать пальцами, только к свистковому устройству близко не сверлите. В шаре глиняном есть шар воздушный и этот воздушный шар при раскачивании вибрирует (дрожит). В нём нет сильно удалённых от свисткового устройства точек.

Если вы гуделку сделали в виде вытянутого огурца, то и воздух внутри находится в виде воздушного жгута. Этот жгут раскачивается свистковым устройством за один конец, как раскачивается обычная верёвка. У этого жгута есть более толстая часть и более тонкая. За толстую часть верёвки ведь лучше ухватиться и её раскачивать, правда? Поэтому свистковые устройства проще делать в толстой части воздушного жгута. В противоположном (от свисткового устройства) конце воздушного жгута при проделанном отверстии, обязательно будет второй звук, идущий после основного звука по октаве. Если основной звук «ми», то второй звук будет «фа». Такая вот закономерность.

Теперь, когда вы понимаете общую схему раскачки воздуха, то нетрудно догадаться, почему у нашего резонатора с головой собачки (свистковое устройство смонтировано в тонкой части резо-

натора, что менее удобно для мастера) должен быть такой-то угол расширения и такое-то отверстие, иначе с тонкого конца воздушный жгут в гуделке не раскачать.

Начинайте сверлить игральные отверстия трёхмиллиметровым сверлом. Если нота *ре* (с доминирующим звуком *до*) не проявилась после сверления, прежде чем брать большее сверло, расширьте отверстие раскачкой сверла. Если у вас случайно получилось слишком большое отверстие, то его можно уменьшить налепом глины или можно совсем залепить, материал позволяет.

Отверстия друг от друга делайте на таком расстоянии, чтобы их было удобно зажимать подушечками пальцев. (Чем длиннее, вытянутее, резонаторная камера, тем расстояния между игральными отверстиями тоже больше. Здесь нельзя перебарщивать) Советую даже учитывать какой палец длиннее, а какой короче. Действуйте не торопясь и обязательно при пробах звучания инструмента вдуйте воздух равномерно. Каким будет по диаметру ваше первое игральное отверстие сказать сложно, каждый раз получается по-разному, то три, то пять, а то шесть и более миллиметров. После первого просверленного отверстия сверлятся другие, при этом просверленные отверстия остаются открытыми.

При уменьшении любого пальцевого отверстия наполовину звук получается на полтона ниже. За-

чем сверлить лишнее отверстие, когда музыкант может при игре закрыть отверстие пальцем наполовину и получить звук на полтона ниже.

Компьютерная настройка.

Можно определять звук методом сравнения не только при помощи баяна или фортепиано, но и при помощи компьютера. У компьютера в этом плане преимущество – не надо меха растягивать, а нажал на кнопку мыши и будет звучать эта нота, сколько угодно времени. Есть и программки по определению звука, когда гуделка издаёт звук, а компьютер определяет его высоту и показывает его значение на мониторе. Показывает значение по-разному. В одних программах выводится шкала с децибелами, потому, как каждый звук – это шум, а шум определяется в децибелах. В других – рисуется диаграмма, в третьих пишется, в четвёртых что-то из названного совмещается в различных комбинациях. Если хорошая программа и у вас хорошо отлажена аппаратура, то и слух напрягать не надо, всё и так видно и понятно. Эти программки очень хорошо реагируют на силу вдувания воздуха в дульце свисткового устройства – чуть посильнее и уже другое значение.

Я определяю высоту звучания гуделки с помощью компьютера на слух. Открываю специальную программку (их много), вывожу на экран клавиатуру пианино, щёлкаю по названию инструмента (окарина) и нажимая мышкой на клавиши, заставляю

звучать ноты выбранного инструмента. В программе нет инструмента с названием – *гуделка*, а есть – *окарина*, что теоретически одно и то же. В разных местностях она называется по-разному.

Преимущество компьютерной наладки состоит ещё в том, что инструмент на мониторе издаёт звук окарины, то есть то самое звучание, которое нам необходимо. А звучание свистковых, язычковых и струнных инструментов всё таки по окрасу отличаются. Я это говорю не для музыкантов, у которых слух натренирован на звуки, а для людей, не имеющих соответствующего опыта. Совместить однородные звуки всегда проще, чем разнородные.

Обжиг музыкальной гуделки.

После того, как вы выстроили гамму проделыванием отверстий в теле резонатора, встаёт вопрос – обжигать изделие или нет? В сухо-воздушном состоянии гуделка звучит не менее качественно, чем в обожжённом, а вот хлопот с обжигом больше. Обожжённая гуделка крепче, но если упадёт, то тоже разобьётся. Разница лишь в том, что её склеивать попроще, да от воды она не размокает. Только кто же инструмент в воду суёт?

Если вы решили гуделку всё же обжечь, то глина даёт при обжиге огневую усадку, которая уменьшает резонаторную камеру, а последствия уменьшения резонаторной камеры – повышение звука. Чтобы этого избежать, надо свести огневую усадку к мини-

муму. Проще это сделать, досыпав в глину песок, при этом смесь не должна потерять лепных качеств. Правильно подобранная смесь позволяет обжигать изделие с сохранением его настройки. Обжиг в этом случае тоже должен быть умеренным, гуделке сильный обжиг и не требуется.

Обжечь изделие можно в муфельной школьной печи и в костре. Как обжечь в муфельной печи понятно – включил в розетку и жди когда изделие нагреется докрасна, правда, в этом случае должна иметься такая печь. Если её нет, то возьмите лопату, удалите дерновый слой земли, положите вплотную друг к другу в ямку несколько красных кирпичей, (они при обжиге будут служить гидроизоляцией), пресыпьте кирпичи песком и на песок положите гуделку. Сверху гуделку тоже засыпьте песком. И на этом песке разведите костёр.

Вместо песка можно воспользоваться консервной банкой. Пробейте в банке несколько отверстий, положите в неё гуделку, банку поставьте на кирпичи, сверху обложите дровами и разведите костёр. Через несколько часов жаркого горения гуделка обожжётся. После того, как костёр погас, забросайте огневище землёй, через сутки гуделку можно откопать.

Можно устроить в земле простейший горн, он сэкономит наполовину дрова при лучшем обжиге. Горн полезной площадью с ведро легко устроить в земле, особенно в плотной, глинистой. Что такое простейший горн – это по виду валенок, в носике

которого проделывается топочное отверстие. В этом носике разводится костёр, а в голенище размещаются игрушки. Лучше в месте пятки поставить (положить) красный кирпич и на него положить изделия. Верх такого горна (валенка) следует перекрыть красными кирпичами или железом, чтоб был небольшой дымоход. Устраивается такой горн в земле с использованием любого обрывчика (ямки). Сверху обрывчика (в полуметре от него) выкапывается ямка (это и есть горн, куда будут закладываться игрушки), а в обрывчике к этой ямке прокапывается отверстие – это топка, где будет гореть костёр. Сначала разводится совсем маленький огонёк – он досушивает изделие. После обжига, когда изделия стали вишнёвого цвета, и топочное отверстие и дымовое закрываются железом (кирпичём) и заваливаются землёй. Через трое суток его можно приоткрыть и медленно до конца остудить. При всех видах обжига в начале температура должна быть маленькая, а затем понемногу увеличивается.

Декорирование глиняной игрушки со свистком.

Саратовская глиняная игрушка «сушка» делается из бело-серой, и светло-коричневой глины различных оттенков, а «жжёнка» – из смеси голубой глины и жёлтой или жёлтой и бело-серой. При нанесении на «жжёнку» лака получается великолепный золотистый цвет. При декорировании приме-

няются гуашевые и темперные краски. «Сушка» и «жжёнка» полностью не покрываются красителями. На игрушке всегда доминирует естественный цвет глины. Главным в декоре является геометрический рисунок (звёздочка, кружочек, треугольник, линия, круг, квадрат, прямоугольник и др.), который оттискивается штампами. На изделии могут быть как простые одноштамповые оттиски, так и составные, состоящие из множества соединённых вместе оттисков, образующие сложный геометрический рисунок.

На игрушках оттискиваются не только рисунки, но и глаза, оттисками украшаются гривы, копытца, хвосты и так далее. Гривы, копытца и хвосты зачастую сплошь покрываются красителями, а по красителю уже точно подкрашиваются штамповые углубления. Принято рисунок на «сушке» подкрашивать различными по цвету красителями, а на «жжёнке» традиционен коричневый. Он придаёт обожжённому изделию особую импозантность, хотя применение других тонов не запрещается.

Особенность декорирования свистков сводится к тому, что при расточке изделия штампами легко повредить свистковое устройство. Расточка на изделиях со свистковым устройством ведётся в более безопасных местах. Здесь надо хитрить.

Штампами хорошо работать по заветреной глине, а по глине, находящейся в кожетвёрдом состоянии, штампы не работают. Обычно выбирается момент, когда глина как бы затвердела, но ещё

расточивается. Некоторые глины позволяют их точно подмачивать в кожетвёрдом состоянии и по этим местам расточивать. Не используйте на свистках штампики, требующие в работе значительных усилий, лучше берите простейшие и острые. Например, чтобы даже небольшой шарик вдавить в подсушенное изделие, требуется значительное усилие, а большой круг от колпачка авторучки свободно оставляет требуемый оттиск.

После подкраски «сушка» покрывается сначала молоком, или водными бесцветными клеями (ПВА), акриловой грунтовкой, акриловым бесцветным лаком. По ним потом наносится бесцветный масляный лак. Это делается для того, чтобы предохранить глину от соприкосновения с масляным лаком, который сильно темнит незащищённую глину.

Молоком и др. надо покрывать изделие раза три, с обязательной просушкой каждого слоя (5-10 минут).

В «сушке» одежда расточивается, а затем полностью покрывается красителем: штаны одним цветом, рубашка другим и т. д. После чего штампиковые углубления на них тоже подкрашиваются, чаще всего по контрасту. Надо помнить, что большая часть поверхности игрушки не должна сплошь закрашиваться. Надо, чтобы естественного цвета глины на изделии было больше, чем всяких закрасок. Здесь приходится придумывать, чаще всего это относится к одежде человека. Например: платок за-

крашивается, а лицо нет; рубашка закрашивается, а юбка нет. С фартуками можно экспериментировать.

На «жжёнке» одежды, чаще всего, не подкрашиваются, а выделяются разным штампиковым рисунком. Например: платок расточивается крестиками, кофта кружочками, а юбка звёздочками. Возможно нанесение на одежды геометрического орнамента. Надо всегда помнить, что геометрические штампиковые рисунки – это визитная карточка Саратовской глиняной игрушки, её паспорт, этим она отличается от других игрушек.

Лучше при декорировании пользоваться темперными красками, чем гуашевыми, особенно в красных и чёрных цветах. При покрытии молоком гуашевых красок требуется особая осторожность, так как они смазываются и текут. Если нет темперной краски, то хорошо добавлять в красную гуашевую краску молоко. Только не надо закапывать молоко во всю ёмкость (баночку), а лучше отделить немного краски, капнуть туда несколько капель молока и размешать, получится молочная темпера. После использования, остатки такой краски выбрасываются, так как она портится.

Хорошо в краситель добавлять клей ПВА. Краску с ПВА нельзя засушивать, она долго хранится и не прокисает как молоко.

Полезные советы

1. Если вы не желаете музыкальную гуделку обжигать, то покройте внутреннюю часть дульца при помощи пера птицы молоком или любым жидким неводным лаком. Делается это для того, чтобы попадающая в дульце при игре слюна не портила стенок отверстия в дульце. При покрытии стенок жидким (как вода) лаком размер отверстия в дульце практически не уменьшится.

2. Надо знать, что слюна в дульце свисткового устройства во время игры, всё равно будет накапливаться и затвердевать, суживая проход. Её не надо ни в коем случае ковырять шилом, перочинным ножиком или иглой, лучше промыть пером с хозяйственным мылом.

3. Сухую (необожжённую) глину к сухой можно приклеить только при помощи неводных клеевых составов. В этом случае клей «Бустилат», ПВА уже не подходят.

4. Сушить игрушки после лакировки удобно на тонких часто вбитых в доску гвоздиках без шляпок. Лучше гвоздики со шляпками пробить в дощечке насквозь и с обратной стороны на острие ставить

изделия. В этом случае площадь касания игрушки и острия гвоздиков незначительная и сильное прилипание исключено. Чтоб его совершенно не возникло надо, когда масляный лак на игрушке сильно загустеет, переставить игрушку на соседние гвоздики.

5. Можно сушить игрушку и на вбитом в доску гвозде без шляпки. Для этого в основании у игрушек делается технологическое отверстие (обычно в ножке) и этим отверстием игрушка насаживается на гвоздь без шляпки.

6. Можно сушить игрушки, подвешивая их на заострённом крючке. При этом технологическое отверстие не делается, а просто надо проделать небольшое углубление в точке подвешивания, чтобы крючок не соскользнул.

7. Наносить на подкрашенное гуашевой краской изделие молоко и другие водные материалы хорошо тампоном, не касаясь дважды одного места, так как гуашь, особенно красных тонов, обязательно потечёт, или смажется.

8. При нанесении молока на изделие методом окунания, следите, чтоб молоко не скопилось в штампиковых углублениях. При высыхании оно образует в углублениях белый закрап. Если такое происходит, то его из этих углублений легко выдуть при помощи трубочки, не касаясь изделия.

9. Вместо молока можно использовать бесцветный нитролак из семейства НЦ, он делает цветовую

гамму жёстче, а основу (глину) слегка желтит. Это не портит изделие, а придаёт ему особый декоративный эффект.

10. Если молоко немного скрадывает цвета, то ацетоновый лак делает их насыщеннее. Для одних игрушек подходит молоко, а для других нитролак.

11. Чтобы сохранить глину дольше в пластичном состоянии, положите её в два целлофановых мешочка. Между мешочками надо положить губку смоченную в воде. Материя в этом деле не годится, она гниёт.

12. Если у вас во время окончательной просушки изделия или его обжига у «жжёнки» резонатор незапланированно уменьшился так, что вместо основного звука «до» стал выдавать промежуточный, то есть, на полтона выше, то звук можно повесить ещё на полтона и получить звук «ре», просверлив в резонаторе отверстие диаметром в один миллиметр.

13. Чем длиннее вы сделаете дульце свисткового устройства, тем устойчивее будет звучание инструмента, но больше 10-ти сантиметров делать нежелательно. Такие дульца я маскирую у птиц хвостовым оперением, очень удобно и практично. Медведи, зайцы и другие звери требуют укороченного дульца.

14. При изготовлении игрушки старинным способом, без применения современных красителей, красную гамму цветов легко получить из обожженных глиняных кирпичей (от жёлтого до багрово-

коричневого). Просто надо подобрать кирпич нужного оттенка, измельчить его в пудру и смешать с молоком. Пережжённые кирпичи дают целый букет оттенков: зеленоватый, фиолетовый, синий и так далее

15. Зелёную глину нередко продают в магазинах, она входит в гончарные наборы. Я приобрёл один такой детский наборчик из-за кусочка такой глины. Разноцветной глиной, при подкраске, пользоваться всё равно удобнее, чем кирпичным порошком. Таким образом, можно приобрести глину различных оттенков.

16. Если при подкраске глинами вам надо сделать какой-то цвет более насыщенным, после высыхания, покройте его сверху бесцветным масляным лаком.

17. При подкрашивании игрушек, всё время приходится варьировать цвета и бывает трудно запомнить, каким будет цвет при воздействии на краситель молоком, ацетоновым или масляным лаками. Чтобы удобнее было работать, надо составить цветовую палитру (выкрасы). Выкрасы делайте на той основе (глине), из которой делаете игрушки, а не на бумаге и других материалах. Помните, что рядом стоящие цвета влияют друг на друга.

Приложение 2

Частушки об игрушке, сочинённые и спетые
Михаилом Павловичем Пахомовым (муж Пелагеи Андриянов-
ны). Частушки пели на гулянках друг перед другом наперепев.

Как у Шейного оврага,
Течёт малый ручеёк,
Я леплю из глины тройку,
Это Мишеньке намёк...

Хороша в Песчанке глина,
В Кологривовке видней,
Но, а с нашей серо-белой
Жизнь, скажу вам, посытней.

Отчего у нас в деревне,
То овраги, то холмы?
Потому что глину рыли,
Продавали на рубли.

В Варыпаевку поехал,
Ту-рю-рю, брат, ту-рю-рю!
Там игрушки я все продал (пропил)
Дайте с горя закуру...

Уйди от меня,
А то чекалдыкну,
А игрушки не вернёшь –
Мильцанера крикну.

*Частушки, сочинённые П.П. Африкантовым
в подражание М.П. Пахомову.*

О саратовской игрушке
Вам сегодня пропоём,
Хороша игрушка наша,
А Саратов её дом.

Пропоём мы под гармошку,
Под саратовски лады,
В колокольчики ударим,
Ну-да, ну-да, ну-да МЫ.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Меня милка полюбила
За игрушки новые,
Лишь когда их продала
За звонкие целковые.

Петя мой, Петя мой,
А я Петина,
Петя курочек лепил,
А я метила.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

У игрушки Машки
Не глаза, а сказки,
Брови чёрные рядком,
Начертил их угольком.

Я любила тракториста,
В жёны к нему метила,
А что он игрушки лепит –
Я давно заметила.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посылки.

Я игрушку полюбил
За её нарядность,
Я частушку люблю
И за смысл и складность.

Хороша игрушка наша
Ямочки и звёздочки,
Весела частушка наша
Смыслы и задоринки.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посылки.

Лепит Васенька игрушки
То коровок, то бычков,
А я Васе намекаю –
Надо к стаду пастухов...

Я ли не пастушка!
Я ль ни молодухка!
Кнутик лыковый в руке
И веночек на голове.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки
С саратовской гармошкой,
Что не посылки.

Я не прочь пастушкой быть.
Надо только налепить
Васеньке овечек,
Коняшек без уздечек.

Я ли не пастушка!
Я ль ни молодушка!
Кнутик лыковый в руке
И веноч на голове.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Подарить игрушку другу –
Вовсе не безделица.
Это значит намекнуть,
Что девушка умелица.

На Саратовской игрушке
Точки, точки и тире,
Изукрашена на диво,
Будто азбука Морзе.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Тройка борзая бежит,
Аж земля под ней дрожит.
Коренник и пристяжные
Все из глины, удалые.

Я игрушечку из глины
Другу ставлю на комод.
Обольстительница злая
К нему в домик не войдёт.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Тёща лепит всё игрушки
Каждый день и по утру,
Всё слепить овечку хочет,
А выходит кенгуру.

Я с игрушником жила
Имела две перины.
А сыночка родила
Глядь, а он из глины.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Подарил игрушку Сему –
У него пошла экзема,
Любит долларовый род,
Только бакуганый(1) сброд.

Тёще я на именины
Подарил змею из глины,
По сей день они молчат,
Лишь по-дружески шипят.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Говорят: – «игрушка – бренд»,
Даже некуда брендей,
Что за слово за такое?
Поспрашаю у людей.

Слеплю Петю – петушка,
Чтоб судьба была легка,
Подарю его соседу
И к соседу перееду.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Я трансформера(2) купил,
Поиграть решил зимой.
Не успел я приглядеться –
Глядь, а он играет мной.

Я игрушечку куплю,
На комод поставлю,
Я соседа завлеку,
У себя оставлю...

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

У саратовской игрушки
Стать особенная есть.
Ни баранов завитушки,
А в чести особой честь.

Я на Барби(3) раз женился,
Думал счастье нашёл.
Я б за что не ухватился –
Всюду кожа да мосол.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Глину белую возьму
И с водичкою помну,
Слеплю Феденьке коня,
Чтобы помнил он меня.

Ты свисти свисток из глины –
Разудалые лады.
Вы закройте меня в доме,
Чтобы не было беды.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Ухажорочка моя,
Намни глины для меня.
Я слеплю из глины санки,
А потом слеплю коня.

Дальнобойщика любила,
С дальнобойщиком жила.
Привозил любую глину,
Где бы глина не была.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Вы пролейте эту чашу,
Чтобы не было воды,
Подарите мне игрушку,
Чтобы не было беды.

Мне милёнок изменил,
Он игрушечку купил.
Целый день играет,
А со мной не знает.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посяделки.

Подарил игрушку Тане,
Золочёные бока,
Ну а Таня ушла к Ване,
Знать игрушка увела.

Ах, игрушка, ты игрушка!
Волга-матушка река!
Её здесь давно лепили,
Даже в средние века.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посяделки.

Говорит старуха деду –
Я в Америку поеду,
В Голливуде буду жить,
И игрушку там лепить.

Ну, ты, старая, даёшь,
Укусила тебя вошь.
Там специализация,
Не та цивилизация.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посяделки.

В Полчаниновке всё груши,
А в Песчанке огурцы,
В Малой Крюковке игрушки,
Ну а в Гравке кирпичи.

На завалинке сидим,
Шубу подстелили
Про игрушку мы поём,
Про калач забыли.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Раньше мы играли в куклы,
Матерями, чтобы быть,
А теперь играем в Барби,
Чтобы вовсе не родить.

Полюбила Петю я
За игрушку новую
Я сама слеплю такую,
Я девочка бедовая.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Нет звончей гармошки нашей,
И вкуснее калача,
Нет игрушки нашей краше,
Нету крепче первача.

С глиной мается Полина,
Мается и мажется,
Слепить Поля индюка
Никак не отважится.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не посиделки.

Конь нас в церковь повезёт,
Чтобы видел весь народ.
Крапчатый, весёлый,
Как и санки новый!

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не поседелки.

Поплясать чуть вышла в круг,
Глядь, уж лапает паук(4),
А товариш встельку пьян,
Посмотрела – бакуган(5).
Что за наваждение,
Убили настроение.

Ёшки – тарелки
Всякие безделки,
С саратовской гармошкой,
Что не поседелки.

Говорят сегодня, ёшки,
Год елового коня,
Слепим мы коня из глины –
Удивится вся родня.

Мы частушки вам пропели
Под саратовски лады.
Лучше нет игрушки нашей,
Не ходите никуда!!!

Цифрами (1), (2), (3), (4), (5) обозначены названия иностранных игрушек (*прим. автора*).

Содержание

От автора	3
Ямчатая – значит, из Саратова (очерк)	7
Как это было? (Вспоминают жители деревни Малая Крюковка, Татищевского района, Саратовской области).....	96
Родословное древо (А.П. Жирнова).....	115
История Саратовской глиняной игрушки в рисунках и фотографиях.....	117
Родные пенаты (очерк)	136
Новейшая история саратовской глиняной игрушки в фотографиях.....	169
<i>Приложение 1.</i>	
Свисти свисток, свисти... (Пошаговое изготовление из глины свистков разной сложности).....	189
Лепка простейшего свистка из глины.....	189
Лепка свистка из пирамидки.....	220
Изготовление простой гуделки.....	224
Изготовление музыкальной гуделки.....	232
Подготовка глины.....	233
Образования звука.....	235
Пошаговые действия.....	240
Настройка музыкального инструмента.....	249
Компьютерная настройка.....	253
Обжиг музыкальной гуделки.....	254
Декорирование глиняной игрушки со свистком.....	256
Полезные советы.....	260
<i>Приложение 2.</i>	
Частушки об игрушке	264
Частушки, сочинённые П.П. Африкантовым в подражание М.П. Пахомову.....	265
Содержание	274

Литературно-художественное и краеведческое издание

Пётр Петрович Африкантов

Сказки о Саратове
и
Саратовской глиняной игрушке

МАЛОКРЮКОВСКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ

(очерки, воспоминания старожилов об игрушке
и игрушечниках, методика лепки)

Книга вторая

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод «Римкер»

Уважаемый читатель!

В третьей книге опубликованы исторические повести и рассказы о саратовских игрушечниках начиная со середины восемнадцатого века и до нашего времени.

e-mail :
p.africkantov@yandex.ru